

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

контрольный знак.

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4
1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ — АВГУСТ

4

1977

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-летию Великого Октября	3
<i>Сумарокова М. М.</i> Подготовка Коммунистической партии Югославии к VII конгрессу Коминтерна и участие ее делегации в работе конгресса	9
<i>Решетникова О. Н.</i> Фальсификация истории Отечественного фронта Болгарии 1942—1944 годов в буржуазной английской и американской историографии	27
<i>Бочкарева С. И.</i> Русско-сербские отношения в начале Восточного кризиса 70-х годов XIX века	37
<i>Безунов Ю. К.</i> «Мучение Иоанна Нового» Григория Цамблака в сборнике первой трети XV в. из собрания Н. П. Лихачева	48
<i>Захаров В. В.</i> К истории эмфитевсиса в Далмации XIII—XIV вв.	57
<i>Логачев К. И.</i> Отечественная кирилло-мефодиевская текстология в 1910—1920-е годы (Из истории русской славистики)	66
<i>Соловьева А.</i> Цикл рассказов в чешской и русской литературе XIX века	81
<i>Молошная Т. Н.</i> О новых адъективных словосочетаниях в современных славянских языках	90

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Королюк В. Д.</i> Чешский художник Вацлав Фяла	98
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Чернявский Г. И. Р. П. Гришина.</i> Возникновение фашизма в Болгарии. 1919—1925 гг.	107
<i>Зюзюкина Т.</i> Димитрије Тудовић. Преписка	109
<i>Пашаева Н. М. A. S. Myl'nikov.</i> Vznik narodně osvícenské ideologie v českých zemích 18. století. Prameny národního obrození	111

<i>Ястребицкая А.</i> Видукинд Корвейский. Деяния саксов	113
<i>Горский И. К.</i> Studia polono-slavica-orientalia	115

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1976 г. (продолжение)	117
Содержание иностранных журналов	123

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Краузе Ганс-Томас</i> (ГДР). Научная конференция в Бауцене	124
<i>Усачева В. В.</i> международная конференция по «Общекарпатскому диалектологическому атласу»	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Козловская*

К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

В нынешнем году народы Советского Союза, все революционные, передовые и миролюбивые силы современности готовятся отметить 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции.

В связи с этой датой ЦК КПСС принял постановление «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». «Победа Октября, — говорится в нем, — главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества»¹.

Октябрьская революция потрясла весь мир, принесла победу пролетариату России, руководимому большевистской партией, заложила фундамент первого социалистического государства. Началась новая эпоха — эпоха перехода от капитализма к социализму.

Победа Октябрьской революции знаменовала собой победу марксизма-ленинизма, достигнутую под водительством вождя и организатора трудящихся масс, стратега революции и гениального ученого Владимира Ильича Ленина. Советское правительство начало свою деятельность с решения самого насущного тогда для сотен миллионов трудящихся вопроса о прекращении империалистической войны. Первый ленинский декрет указал ясный путь к справедливому, демократическому, всеобщему миру.

Подчеркивая международное значение Октябрьской революции, В. И. Ленин отмечал, что она открыла эпоху борьбы «за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм»².

Великий Октябрь нашел огромный отклик у трудящихся всех стран, рабочие и крестьянские массы, передовая интеллигенция во всем мире оказали самоотверженную поддержку революции в России. Вдохновленные идеями пролетарского интернационализма, за власть Советов в рядах Красной Армии сражались венгры и поляки, сербы и хорваты, чехи и словаки, болгары и австрийцы, немцы и финны, румыны и монголы, корейцы и китайцы, представители многих других национальностей.

Благодаря Октябрьской социалистической революции смогли обрести национальную государственность народы Польши, Чехословакии, Югославии и других стран.

Великий Октябрь показал — рабочий класс успешно выполняет свою всемирно-освободительную миссию. Началось объединение революционного движения рабочих и национально-освободительного движения в единый поток, несущий гибель капитализму. Советская Россия стала маяком,

¹ «Правда», 1977, 1 февраля.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 171.

освещающим всем угнетенным народам путь к завоеванию национальной и социальной свободы. Основные черты Великой Октябрьской социалистической революции неизбежно должны были повториться — и повторились! — в международном масштабе. Наша страна стала провозвестницей мировой социалистической революции.

«Весь мир насилья мы разрушим...». Установление диктатуры пролетариата в России положило конец вековому насилию кучки эксплуататоров, обеспечило огромному трудящемуся большинству свободу и демократию.

«Мы наш, мы новый мир построим...». И трудящиеся Советской страны под руководством Коммунистической партии, несмотря на громадные трудности, успешно стали решать главную задачу социалистической революции — создавать новый общественный строй, перестраивать жизнь на началах социализма. Хотя Советская страна была первопроходцем, шла неизведанным дотоле путем, она неуклонно продвигалась к цели. В. И. Ленин разработал план строительства социализма, определил принципы внутренней и внешней политики Советского государства. В соответствии с этим планом были осуществлены социалистическая индустриализация и кооперирование сельского хозяйства, одновременно развернулась культурная революция. Был решен национальный вопрос — все населяющие страну национальности впервые обрели равноправие на деле. Высоко поднялось благосостояние трудящихся. В результате созидательного труда свободных строителей нового общества Советский Союз превратился в могучую крепость социализма, в которой укрепились дружба и союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции.

В несокрушимости этой крепости убедились фашистские агрессоры. Ударные силы империализма потерпели поражение в не имевшей прецедента грандиозной битве с социалистической державой. В Великой Отечественной войне советский народ предстал перед всем миром как народ-исполин, готовый на величайшие жертвы ради сохранения завоеваний Великого Октября, ради спасения человечества от фашистского варварства.

Советский Союз сыграл решающую роль в разгроме гитлеровской Германии и ее союзников в Европе и Азии. Благодаря героическому подвигу советского народа многие народы и страны получили возможность самостоятельно решать свою судьбу. В результате новой волны революций от капиталистической системы отпал ряд стран и в их числе — все славянские страны.

После победы над агрессорами советский народ вновь продемонстрировал огромную созидательную силу социализма.

«Достижения родины Октября за шесть десятилетий, — отмечается в постановлении ЦК КПСС о 60-й годовщине Великого Октября, — являются убедительным свидетельством того, что социализм обеспечил невиданные в истории темпы прогресса всех сторон жизни общества»³.

В 1976 г. национальный доход в СССР вырос по сравнению с дореволюционным уровнем в 65 раз. Ныне за два с половиной дня промышленность производит столько же продукции, сколько производилось за весь 1913 г. Эти темпы роста выглядят еще более впечатляющими, если учесть, что из 60 лет развития советского народного хозяйства около двух десятилетий приходится на годы войн и послевоенного восстановления.

В дореволюционной России выпускалось лишь немногим больше 4% мировой промышленной продукции, а сегодня — 20%. В Советском Союзе производится больше, чем в любом другом государстве, чугуна, стали, нефти, угля, цемента, тракторов, минеральных удобрений...

³ «Правда», 1977, 1 февраля.

На смену единоличному крестьянскому хозяйству пришло крупное социалистическое сельскохозяйственное производство — это была революция в деревне. Сельские труженики дают ныне в 4,4 раза больше продукции, чем до Октября. Изменились и сельские жители и само село — идет процесс стирания граней между деревней и городом.

Ускоренное развитие промышленности и сельского хозяйства обеспечило неуклонное повышение жизненного уровня советского народа.

Рост материальных благ сопровождается ростом духовной культуры. Ныне в СССР 121,5 млн человек имеют высшее и среднее (полное и неполное) образование против 58,7 млн в 1959 г. На конец 1975 г. в народном хозяйстве было занято 22,7 млн специалистов с высшим и средним специальным образованием — в 119 раз больше, чем в дореволюционной России. «Если пользоваться школьной терминологией, — отмечал Л. И. Брежнев, — то можно сказать, что самый строгий учитель — история поставила нашей стране по предмету „народное образование“ самый высокий балл»⁴.

Коммунистическая партия Советского Союза уделяла и уделяет большое внимание развитию науки. В результате советская наука все более активно и плодотворно участвует в строительстве коммунистического общества, пользуется огромным международным авторитетом. Число научных работников в СССР достигло 1,3 млн человек — в 108 раз больше, чем в 1913 г. В прошлом страна массовой неграмотности теперь по числу ученых занимает первое место в мире.

Советская наука имеет значительные достижения в изучении процессов общественного развития, вышла на самые передовые рубежи по ряду направлений естественных наук и многих других областей знания, помогает решать проблемы общества развитого социализма.

Построение такого общества явилось важнейшим итогом самоотверженного труда советского народа. «Развитой социализм, — говорится в постановлении ЦК КПСС, — характеризуется соединением достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства, решительным поворотом к интенсивным методам развития экономики, качественно новым уровнем и масштабами производства, позволяющими непосредственно решать задачи создания материально-технической базы коммунизма, обеспечивать непрерывный рост благосостояния трудящихся, добиваться важных успехов в экономическом соревновании с капитализмом».

Развитой социализм — это сегодня высшее достижение социального прогресса, неотъемлемыми его чертами являются: идейно-политическая и социальная сплоченность трудящихся, их преданность идеалам коммунистической партии, их верность принципам марксизма-ленинизма.

Концепция развитого социалистического общества была разработана коллективными усилиями КПСС и братских коммунистических и рабочих партий. Эта концепция явилась итогом научного обобщения реальных процессов и представляет собой большой творческий вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма.

КПСС определила программу действий на ближайшие годы и перспективу достижения долгосрочных целей советского общества. Экономическая стратегия партии направлена на обеспечение дальнейшего подъема материального и культурного уровня народа. Он неуклонно растет благодаря динамичному развитию экономики, повышению эффективности производства, качества работы, производительности труда. При этом обогащается новыми чертами и красками картина всего советского обще-

⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 2. М., 1970, стр. 221—222.

ства. Классовые различия в нем продолжают стираться, оно становится социально все более однородным. Уменьшаются различия между работниками физического и умственного труда, продолжает укрепляться союз рабочего класса, трудового крестьянства и народной интеллигенции.

В СССР сложилась новая историческая общность: советский народ — единая братская семья трудящихся. Советское государство, родившееся в Октябре как государство диктатуры пролетариата, превратилось в общенародное государство, политическую организацию всего народа при руководящей роли рабочего класса.

Решающим условием победы Великой Октябрьской социалистической революции и всех достижений советского народа за минувшие 60 лет была деятельность Коммунистической партии. КПСС на всех этапах истории Советского государства правильно решала сложные задачи, которые ставила перед ней жизнь, дала сокрушительный отпор троцкизму, оппортунизму, разного рода уклонистам, твердо проводила свою генеральную линию. КПСС — это партия, тесно связанная с массами, вся деятельность, все устремления которой имеют целью благо человека труда. Это партия рабочего класса, боевой авангард всего советского народа.

Руководящая роль КПСС в советском обществе продолжает повышаться, усиливается ее теоретическая, политическая и организаторская деятельность. Огромное значение имеет творческая работа Центрального Комитета КПСС, его Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Вся 16-миллионная КПСС — это могучая армия единомышленников, которая ведет советский народ по пути к коммунизму.

Великая Октябрьская социалистическая революция установила власть трудового народа на одной шестой земного шара. Но идеи Октября перешагнули границы и широко распространились на остальной территории нашей планеты. Повсеместно, несмотря на террор и преследования, крепло рабочее движение, во многих странах создавались коммунистические партии. Революционное движение приобрело особенный размах в период и после разгрома германского фашизма и японского милитаризма. В ряде стран одержали победу социалистические революции. Сформировалась мировая система социализма.

Между социалистическими государствами наладилось всестороннее равноправное и взаимовыгодное сотрудничество, развиваются экономические, политические, идеологические, культурные связи. Свою лепту в укрепление братской дружбы вносят деятели науки. Одним из множества примеров может служить и деятельность Института славяноведения и балканистики АН СССР, из года в год расширяющего сотрудничество с научными учреждениями Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии.

Содружество братских народов социалистических стран играет огромную роль в мировой экономике и политике, оно стало решающим фактором общественного развития.

Разительный контраст с достижениями стран социализма являет положение в странах капитала. Эксплуатация, массовая безработица, неуверенность в завтрашнем дне, засилье монополий, расовая и национальная дискриминация — все это испытывает на себе человек труда в так называемом «свободном мире». Неудивительно, что борьба трудящихся против господства капитала приобретает все больший накал, а пример социалистических стран придает новые силы революционному освободительному движению. Народы ряда стран Азии и Африки сбросили империалистическое ярмо, завоевали независимость, осуществили глубокие социальные преобразования. Союз трех основных революционных сил

современности — мирового социализма, международного пролетариата и национально-освободительного движения обладает несокрушимой мощью, и события последнего десятилетия убедительно это подтвердили. Достаточно напомнить об исторической победе вьетнамского народа, патристических сил в Лаосе и Анголе, крахе антинародных режимов в Португалии, Греции, Испании.

Общий кризис капитализма продолжает углубляться, соотношение сил между двумя системами продолжает изменяться в пользу социализма. Этот основополагающий факт предопределил провал империалистической политики «отбрасывания коммунизма», способствовал признанию принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем, повороту от «холодной войны» к разрядке напряженности.

Неутомимым борцом за осуществление такого поворота, за сохранение и укрепление мира является Советский Союз. Миротлюбивая политика Советского правительства пользуется поддержкой не только советского народа, но и трудящихся всех стран. Это приводит в ярость империалистических врагов мира, поборников гонки вооружений, заинтересованных в усилении международной напряженности. В своем стремлении помешать разрядке они пытаются вмешиваться во внутренние дела социалистических стран, организуют шумные клеветнические кампании, не останавливаются перед провокациями и идеологическими диверсиями. Но программа борьбы за мир и международное сотрудничество, выдвинутая Советским Союзом, успешно осуществляется.

Укрепляются позиции мирового коммунистического движения — самой прогрессивной и влиятельной политической силы современности. За последние годы численность компартий значительно выросла. Интернациональная солидарность коммунистов была убедительно продемонстрирована на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы (Берлин, 1976) и форумах коммунистов других регионов.

Пролетарский интернационализм является мощным оружием коммунистического и рабочего движения. В постановлении ЦК КПСС о 60-й годовщине Великого Октября говорится: «Солидарность рабочего класса, коммунистов всех стран в борьбе за общие цели, поддержка ими борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс, добровольное сотрудничество равноправных, независимых братских партий, органичное сочетание ими в своей политике национальных и интернациональных интересов трудящихся — это и есть пролетарский интернационализм в действии».

Коммунистическая партия Советского Союза, высоко держа знамя пролетарского интернационализма и заботясь об укреплении социализма в СССР, учитывает интересы международного революционного движения. Социалистическое общество, построенное в СССР, служит трудящимся капиталистических стран образцом новых отношений между людьми, ибо это общество освобожденного труда, подлинной демократии, действительной свободы личности, самой передовой науки и культуры, общество социального оптимизма.

Советские люди с уверенностью смотрят в будущее. Выработанная XXV съездом КПСС программа дальнейшего продвижения нашей Родины к коммунизму — программа неуклонного роста мощи Советского Союза, нового повышения жизненного уровня народа, совершенствования общественной жизни. Эта программа конкретизирована в плане десятой пятилетки, в реализацию которого стремится внести полновесный вклад каждый советский труженик. Идеи XXV съезда, овладевшие массами трудящихся СССР, поистине превратились в материальную силу. Успешно завершен первый год пятилетки и выполняются задания второго года.

XXV съезд КПСС выдвинул важные задачи и перед работниками общественных наук, указав на необходимость поставить в центр внимания фундаментальные исследования современных процессов общественного развития. Ныне советская историческая наука стремится к решению крупных проблем. Важнейшая особенность этих исследований — сравнительное изучение событий и явлений. Работы такого рода все более органично входят в планы коллектива ученых Института славяноведения и балканистики АН СССР. Некоторые из них будут выпущены в свет к 60-й годовщине Великого Октября.

По призыву Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета в Советском Союзе широко развернулась подготовка к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции — большому празднику трудящихся нашей страны, всего прогрессивного человечества. Советский народ с удвоенной энергией трудится над выполнением решений XXV съезда КПСС. По всей стране развернулось социалистическое соревнование за достойную встречу славного юбилея, за выполнение заданий двух лет пятилетки к 7 ноября 1977 г., за повышение эффективности производства и качества работы. Нет сомнения — славный юбилей великого социалистического государства будет ознаменован новыми достижениями в развитии экономики, науки и культуры, новыми трудовыми победами.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев указывал:

«Идти по пути Октября — это значит укреплять экономику нашей страны, поднимать производительность труда, повышать жизненный уровень и культуру народа.

Идти по пути Октября — значит развивать социалистическую демократию, крепить дружбу народов СССР, настойчиво воспитывать людей в духе высоких принципов коммунизма, как зеницу ока беречь единство партии и народа.

Идти по пути Октября — это значит последовательно бороться за единство рядов международного коммунистического движения, за дело социализма, демократии, национального освобождения и мира во всем мире»⁵.

Советский народ уверенно идет по пути Великого Октября, и лучшее тому свидетельство — его исторические свершения.

⁵ Л. И. Брежнев. Там же, стр. 148.

М. М. СУМАРОВА

ПОДГОТОВКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЮГОСЛАВИИ К VII КОНГРЕССУ КОМИНТЕРНА И УЧАСТИЕ ЕЕ ДЕЛЕГАЦИИ В РАБОТЕ КОНГРЕССА

VII конгресс Коммунистического Интернационала принадлежит к числу важнейших исторических событий. В его решениях, указавших народным массам действенные пути борьбы против фашизма и угрозы империалистической войны, за мир, демократию, национальную независимость и социальный прогресс, воплотились интернациональная мысль и коллективный опыт мирового коммунистического движения.

Конгрессу предшествовала большая работа в руководящих органах Коминтерна и его отдельных секциях, в подготовительных комиссиях. В деловой, товарищеской обстановке анализировались происшедшие в мире перемены, обобщалась революционная практика с ее позитивными и негативными уроками, разрабатывалась новая политическая линия, отвечающая насущным потребностям общественного развития.

Подлинно творческая атмосфера царила и на самом конгрессе, проходившем в Москве с 25 июля 1935 г. в течение почти месяца. На нем присутствовало 510 делегатов (371 с решающим и 139 с совещательным голосом)¹, которые представляли 65 компартий различных стран, а также ряд международных организаций, примыкавших к Коминтерну. Здесь продолжался плодотворный обмен мнениями по актуальным проблемам современности, обсуждались меры по повышению боеспособности пролетариата и его коммунистического авангарда, по обеспечению единства всех антифашистских, демократических сил. Представители компартий делились накопленным опытом, конкретизировали формы и методы борьбы с учетом национального своеобразия своих стран, определяли задачи текущего момента и перспективы на будущее. Прекрасным образцом смелого применения и развития марксистско-ленинского учения в новых исторических условиях явились выступления Г. Димитрова, В. Пика, П. Тольятти, Д. Мануильского, М. Тореза, Г. Поллита, Д. Ибаррури и многих других видных деятелей международного коммунистического движения.

Документы VII конгресса, содержавшие конструктивные выводы, советы и рекомендации, внесли существенный вклад в революционную теорию и были восприняты коммунистами как руководство к действию. Делегации некоторых стран уже в ходе конгресса вносили коррективы в идейно-политические установки их партий, пересматривали ошибочные или устаревшие взгляды, предприняли первые шаги, направленные к разъяснению и практической реализации решений конгресса.

¹ «Rundschau», 1935, № 43, S. 1974.

В данной статье на базе главным образом архивных материалов прослежены важнейшие этапы подготовки к VII конгрессу Коминтерна Коммунистической партии Югославии (КПЮ). Основное внимание при этом уделяется процессу разработки ею идейно-политических концепций, показана деятельность делегации КПЮ на конгрессе.

Как известно, XIII пленум Исполкома Коминтерна намечал созыв VII конгресса на вторую половину 1934 г. В руководстве Коминтерна и его секциях, в том числе и в КПЮ, с весны 1934 г. началась активная подготовка к нему. В апреле в ИККИ поступил конспект отчета о положении в Югославии и работе КПЮ², послуживший канвой при составлении отчета, завершеного в основном к осени 1934 г. С небольшими дополнениями, касавшимися деятельности югославских коммунистов с конца 1934 г. до весны 1935 г., он был опубликован в сборнике материалов «Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом» (М., 1935).

28 мая 1934 г. Президиум ИККИ определил повестку дня конгресса. По отдельным пунктам ее были созданы подготовительные комиссии, в которые вошли видные деятели крупных секций Коминтерна.

На заседаниях комиссий обсуждались проблемы, непосредственно относившиеся и к деятельности компартии Югославии. Так, выступая 31 июля 1934 г. по вопросу о положении крестьянства в капиталистических странах, В. Коларов говорил о том, что массовые крестьянские партии, в частности, Хорватскую крестьянскую партию, недопустимо приравнять к фашистским. Эта партия, несмотря на мелкобуржуазный характер, имеет, подчеркивал он, революционные традиции и связана с широчайшими слоями крестьянства³. В. Коларов рекомендовал, учитывая своеобразие массовых крестьянских организаций, прежде всего неоднородный социальный состав, проводить по отношению к ним тактику единого фронта снизу и сверху⁴.

13 августа 1934 г. Центральный Комитет КПЮ, находившийся тогда в Вене, наметил предварительный состав делегации компартии Югославии на VII конгресс Коминтерна. Было решено от ЦК послать И. Броз Тито и одного из участников готовившейся в то время IV конференции КПЮ. Партийное руководство должны были представлять также В. Чопич, Б. Парович и М. Горкич. Кроме того, планировалось направить трех делегатов от парторганизаций страны — из Сербии, Хорватии и Словении. Не исключались и другие варианты. В случае невозможности проведения конференции в состав делегации должны были войти И. Броз Тито, Б. Парович, В. Чопич и два представителя непосредственно из страны, в случае же провала конференции и ареста ее участников — И. Броз Тито и М. Горкич⁵.

В конце декабря 1934 г. в Любляне состоялась IV Всеюгославская конференция КПЮ, подытожившая результаты усилий югославских коммунистов по укреплению партийных организаций. На ней были подвергнуты критическому анализу ошибки, допущенные партией и ее руководством после государственного переворота 6 января 1929 г. и установления в стране абсолютистского, диктаторского режима, который в партийных документах тех лет характеризовался как военно-фашистская диктатура. Постановления конференции ориентировали на дальнейшую активизацию работы КПЮ среди масс для создания прочного союза рабочего класса, крестьянства и угнетенных народов, организации широкого народ-

² ЦПА ИМЛ, ф. 494, оп. 1, д. 107, л. 82—83.

³ Там же, д. 99, л. 44.

⁴ Там же, л. 51.

⁵ P. D a m j a n o v i ć. Tito pred temama istorije. Beograd, 1972, s. 35, 59.

ного движения, охватывающего всех противников фашизма, монархии и национального гнета. Выдвигая эту задачу, ЦК КПЮ указывал на первые обнадеживающие успехи компартий Франции, Испании и Чехословакии в борьбе за массы ⁶.

Вместе с тем в материалах конференции не всегда объективно оценивалось экономическое и политическое положение в стране, все еще чувствовались отголоски сектантского подхода к социалистам и буржуазным оппозиционным партиям, к борьбе за общедемократические требования. Отвергнув идею освобождения угнетенных народов Югославии при содействии фашистских держав (такая точка зрения пропагандировалась ультраправыми сепаратистскими течениями), конференция, однако, не пересмотрела прежнюю ошибочную позицию по национальному вопросу, допускавшую расчленение многонациональной Югославии.

Участники конференции обратились с приветствиями в адрес Исполкома Коминтерна и Г. Димитрова. В телеграмме ИККИ говорилось: «Конференция КП Югославии обещает, что партия приложит все силы для того, чтобы объединить под победным знаменем Коммунистического Интернационала большинство пролетариата во всех землях Югославии»⁷. На ней было принято решение создать в рамках КПЮ компартии Хорватии и Словении, а в перспективе — и Македонии.

Был избран Центральный Комитет партии, членами Политбюро стали М. Горкич, И. Броз Тито, Б. Парович, К. Хорватин и А. Мук.

На заседании ЦК КПЮ нового состава 18 января 1935 г. вновь ставился вопрос о югославской делегации на VII конгресс Коминтерна. Согласно протоколу заседания, было решено направить в Москву двух членов Политбюро и трех товарищей из страны — с решающим голосом, а также троих — с совещательным. Намечалось, что из страны поедут рабочие из Сербии, Хорватии и И. Марич из Далмации, а если последний не сможет, то горняк из Словении. Участвовать в работе конгресса с совещательным голосом должны были В. Чопич, Л. Кухар-Прежихов Воранц и представитель Союза коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ) ⁸.

Рассматривался также вопрос о командировании И. Броз Тито для работы в Балканском лендер-секретариате (БЛС) ИККИ в качестве референта ⁹. Вскоре Тито выехал из Вены в Москву.

В январе 1935 г. ЦК КПЮ принял постановление о проведении в партийных организациях дискуссии по всем вопросам, стоявшим на повестке дня VII конгресса Коминтерна ¹⁰. «Целью обсуждения, — подчеркивалось в нем, — должно быть всестороннее обоснование линии Коминтерна и нашей партии, а затем проработка и конкретизация основных проблем конгресса в соответствии с положением и конкретными условиями классовой борьбы в отдельных областях Югославии» ¹¹. Предлагалось обсудить такие темы, как кризис фашизма в Югославии, фашизм и угнетенные народности, экономическое положение страны, характер и движущие силы предстоящей революции в Югославии, гегемония пролетариата в революционной борьбе трудящихся, тактика единого фронта, борьба против империалистической войны и другие. Теоретической базой дискуссии должны были послужить материалы IV партконференции, органа ЦК КПЮ — газеты

⁶ Arhiv SK SKJ, f. Kominterne (KI), 1934/276—2.

⁷ «Proleter», № 4, IV 1935.

⁸ Arhiv SK SKJ, f. KI, 1935/21.

⁹ Ibid.

¹⁰ Это постановление было опубликовано в «Rundschau», 1935, № 13, S. 703—704 и в журнале «Коммунистический Интернационал», 1935, № 16—17, стр. 73—75.

¹¹ «Коммунистический Интернационал», 1935, № 16—17, стр. 73.

«Пролетер», периодического издания «Что и как делать»¹² и отдельные брошюры, выпущенные КПЮ.

В середине февраля 1935 г. в ИККИ поступила информационная сводка об организационном состоянии КПЮ. Приведенные в ней данные свидетельствовали о быстром росте рядов КПЮ, численность которой с начала 1933 г. по конец 1934 г. увеличилась в два раза и достигла 2 828 членов. Наиболее сильными были парторганизации в Сербии, Хорватии и Черногории. Вместе с тем в документе говорилось о слабости организаций КПЮ на предприятиях горнодобывающей и лесной промышленности, на железнодорожном транспорте, на военных заводах, в крупных промышленных центрах и в сельской местности.

19 февраля 1935 г. в Москве состоялось совещание в Балканском ледер-секретариате, на котором было заслушано сообщение Б. Паровича о IV конференции КПЮ. В нем участвовали К. Готвальд, В. Коларов, Г. Валецкий, Г. Алиханов, Х. Кабакчиев, В. Чопич, Ф. Филипович, Э. Кардель, Р. Вуйович, Ш. Цвиич и другие. Опираясь на выводы конференции, Б. Парович отметил, что Югославия еще глубже погружается в экономический кризис, а правящие круги продолжают идти по пути фашизации режима, хотя и сделали некоторые уступки буржуазным оппозиционным партиям, согласившись, в частности, на проведение новых парламентских выборов. Основной задачей КПЮ в сложившихся условиях, говорил он, является борьба за изоляцию буржуазных и мелкобуржуазных партий и высвобождение из-под их влияния крестьянства. В выступлении приводились данные о наиболее крупных классовых боях югославского пролетариата. Специальный раздел был посвящен тактике единого фронта. Указав на растущую тягу рабочих Югославии к единству, наглядно проявляющуюся во время забастовок, Парович вместе с тем отметил, что все попытки достичь соглашения с руководством Социалистической партии и реформистского Объединенного рабочего профессионального союза (ОРПС) до последнего времени оставались тщетными. При этом он подчеркнул, что в борьбе за единство действий сама компартия допустила ряд серьезных ошибок: нередко выдвигались чисто коммунистические лозунги, проявлялось сектантское отношение к реформистским функционерам, не создавались органы единого фронта. Отмечалась также слабая работа КПЮ в деревне и в армии.

В ходе обсуждения Б. Паровичу были заданы вопросы относительно правомерности тезисов о дальнейшей фашизации режима и углублении экономического кризиса в Югославии, а также о характере организаций так называемых национальных революционеров.

Дискуссия продолжалась 22 февраля. Видимо, в предыдущие дни участники совещания знакомились с документами IV конференции КПЮ, которые привез с собой Б. Парович. Большинство выступавших, в том числе Р. Вуйович, В. Чопич и Г. Алиханов, не согласились с оценкой экономического положения Югославии, содержащейся в решениях IV конференции. Приведенные В. Чопичем данные свидетельствовали об увеличении производства и занятости рабочих в ряде отраслей промышленности, о росте объема внешней торговли, некотором смягчении кризиса в сельском хозяйстве. Поэтому нет никаких оснований, подчеркивал Чопич, говорить о катастрофическом состоянии югославской экономики.

Г. Алиханов считал, что в резолюциях IV конференции недостаточно выявлены особенности югославской разновидности фашизма, смазываются противоречия внутри буржуазно-помещичьего лагеря, социал-демокра-

¹² «Sta i kako da se radi» (SIK) — сборник инструкций и распоряжений ЦК КПЮ.

тия ошибочно квалифицируется как главная опора фашистской диктатуры в рабочем движении, односторонне, только в негативном плане, трактуется вопрос о роли буржуазной оппозиции в национальных районах. Он отметил также, что IV конференция КПЮ не поставила проблему создания единого фронта в качестве центральной задачи всей деятельности партии, не вскрыла причин отставания партийной работы среди национально угнетенных масс.

Г. Алиханова поддержал Ш. Цвиич, являвшийся в то время организационным секретарем Коммунистического Интернационала молодежи и представителем СКМЮ в КИМе. Он высказал мысль о том, что КПЮ должна стремиться завоевать на свою сторону широкие слои народа, а не только левые элементы из реформистских профсоюзов и других массовых организаций. Коснувшись вопроса о лозунгах, Ш. Цвиич указал, что было бы ошибочно включать призыв к установлению Советской власти в платформу единства действий.

Один из ветеранов югославского рабочего движения Ф. Филипович выражал сомнение относительно возможности заключения каких бы то ни было соглашений с верхами оппозиционных партий и рекомендовал добиваться в основном единства действий с их местными организациями. Он предлагал также конкретизировать задачи КПЮ в деревне и усилить ее деятельность в сельскохозяйственных кооперативах (задругах). Р. Вуйович говорил о необходимости улучшить социальный состав КПЮ за счет вовлечения в ее ряды рабочих крупных промышленных предприятий. Э. Кардель посвятил свое выступление национальному вопросу. Обсуждалось и положение в профсоюзном движении.

Так в ходе дискуссии с участием руководителей Коминтерна и представителей компартии Югославии намечались контуры нового подхода к целому комплексу вопросов. Показательно, что во всех выступлениях подчеркивалась исключительная важность строгого учета объективной обстановки, анализа национальной специфики, недопустимости субъективных оценок при выработке политики партии.

3 марта 1935 г. состоялось заседание Политкомиссии ИККИ. Одним из вопросов повестки дня был югославский. Его готовили Г. Валецкий и В. Чопич. На заседании присутствовали П. Тольятти, И. Пятницкий, Г. Димитров, В. Кнорин, В. Коларов, З. Ангартис, Б. Кун, С. Лозовский, Д. Мануильский, Г. Валецкий, Г. Алиханов, Б. Парович, В. Чопич, И. Броз Тито, Р. Вуйович и другие. Рассматривались проекты двух документов: письма Центральному Комитету компартии Югославии и резолюции «О ближайших задачах КПЮ». Было решено принять предложенные Балканским лендер-секретариатом проекты за основу и поручить окончательное их редактирование комиссии в составе К. Готвальда, Г. Димитрова, С. Лозовского и Г. Валецкого.

В письме к ЦК КПЮ отмечались отдельные недостатки в решениях IV конференции при оценке экономического положения Югославии, расстановки классовых сил, определении первостепенных задач КПЮ, а также роли других политических партий и группировок в борьбе против диктатуры. В нем подчеркивалось, что упрощенная характеристика политической обстановки в стране мешает компартии «мобилизовать широкие демократические слои против правительства и сплачивать их в широкий антифашистский фронт»¹³. Вопросы единого пролетарского и широкого народного фронта, было сказано в письме, не поставлены в документах IV конференции как стержневые, а «подменяются установкой на узко организационные мероприятия, на разоблачение и механическую изоляцию

¹³ Arhiv CK SKJ, f. KI, 1935/92.

фашизирующихся вождей»¹⁴. Указывалось также на нечеткие формулировки, касавшиеся деятельности коммунистов в массовых профсоюзных организациях. ИККИ поддержал решение ЦК КПЮ о формировании на территории Югославии Внутреннего бюро — оперативного органа Политбюро для руководства работой партийных организаций. «Создание Внутреннего бюро, — отмечалось в письме, — усиленный приток к вам инициативы снизу и большая возможность проверять линию партии на практике должны в высшей степени способствовать развертыванию всей работы партии»¹⁵.

В резолюции «О ближайших задачах КПЮ»¹⁶ было изложено мнение ИККИ по ряду вопросов, которые предстояло решать коммунистам Югославии. Характерными чертами переживаемого момента в экономической области, говорилось в ней, является медленный переход, начиная с 1933 г., от низшей точки кризиса к депрессии, а в политической — начавшийся подъем революционного движения, обострение противоречий в правящем лагере, усиление размежевания в рядах оппозиционных буржуазных и мелкобуржуазных партий. С учетом сложившейся ситуации, перед югославскими коммунистами в качестве важнейшей была поставлена задача создания вокруг пролетарского ядра, сплоченного в единый фронт, широкого антифашистского народного фронта под руководством КПЮ. Решать ее следовало в процессе повседневной работы в массах, в борьбе за удовлетворение насущных социально-экономических требований и основные демократические права трудящихся, добиваясь на всех уровнях единства действий с реформистскими организациями, объединения профсоюзного движения, сплочения в самых разнообразных организационных формах прогрессивных сил югославского общества. При выдвижении тех или иных лозунгов рекомендовалось исходить из специфики отдельных районов страны. Отказавшись от изолированных сектантских национально-революционных групп, коммунисты должны были стремиться к созданию широкого революционного крыла в национально-освободительном движении. В резолюции уже не было речи о расчленении Югославии, а выдвигалось требование проведения свободных выборов и созыва национальных представительных органов. В ней подчеркивалось, что настоятельной потребностью является оживление работы КПЮ в деревне, в армии, среди национально угнетенных масс, в женском и молодежном движении, расширение сети и укрепление партийных организаций в промышленных центрах, на крупных предприятиях и на транспорте, систематическое осуществление политики единого пролетарского фронта с социалистами¹⁷.

В связи с уточнением идейно-политических позиций КПЮ 10 марта 1935 г. Ш. Цвиич направил члену Президиума ИККИ О. Куусинену перечень вопросов, волновавших югославских коммунистов. Их интересовало прежде всего, можно ли распространить тезис о народной революции на Югославию ввиду ее многонационального состава, считать ли правильным призыв к расчленению послеверсальской Югославии. Далее они спрашивали, как разъяснить необходимость создания компартий Хорватии, Словении и Македонии, можно ли характеризовать движение, возглавляемое Хорватской крестьянской партией (ХКП), как национально-освободительное, какое место должны занимать выступления против

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ ЦК КПЮ на своем заседании 25 марта 1935 г. одобрил этот документ и принял решение опубликовать его в очередном номере «SIK» как свою резолюцию.

¹⁷ «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. II. Београд, 1949, стр. 344—351.

монархии в борьбе против диктаторского режима, правильно ли выдвигать задачу объединения рабочих, студентов, спортивных и прочих организаций на федеративных началах. Югославские коммунисты советовались также относительно лозунгов, методов и форм работы КПЮ среди национально угнетенных масс, в частности, в каком направлении вести работу в национально-реформистских организациях — создавать ли революционное крыло или стараться вовлечь их в антифашистский народный фронт целиком, как предотвратить усиление влияния ультраправых группировок в национальном движении, каким образом в условиях нелегальности можно превратить СКМЮ в действительно массовую организацию.

12 марта 1935 г. в Москве состоялось учредительное заседание так называемого узкого партактива при представителе КПЮ в ИККИ, в состав которого вошли И. Броз Тито, Ш. Цвиич, Р. Вуйович, Ф. Филипович, Б. Масларич, Э. Кардель, Р. Филипович, Р. Герцигоня, Д. Густинич и С. Зинич. На заседании постановили в кратчайшие сроки подготовить и издать ряд брошюр, в том числе о решении аграрно-крестьянского вопроса в СССР, организационных задачах КПЮ, рабочем классе в Югославии, едином фронте, деятельности коммунистов в профсоюзах, положении женщин в СССР и Югославии, об организации борьбы безработных, по национальному вопросу в СССР и Югославии. Свою основную задачу партактив видел в оказании всемерной помощи КПЮ и ее представителю в ИККИ.

25 марта 1935 г. ЦК КПЮ заслушал отчет Б. Паровича и одобрил его деятельность в Москве. Специальной комиссии (М. Горкич, Б. Парович, К. Хорватин и И. Кардель) было поручено выработать предложения по пропаганде и осуществлению рекомендаций Коминтерна, изложенных в письме к ЦК КПЮ и в резолюции «О ближайших задачах КПЮ»¹⁸. Тогда же ЦК утвердил партпредставительство в Москве в составе В. Чопича, И. Броз Тито и Ш. Цвиича. Обсудив повестку дня предстоящего пленума, ЦК КПЮ постановил включить в нее вопросы об антифашистском народном фронте, VII конгрессе Коминтерна, о едином пролетарском фронте и реорганизации партии.

В марте 1935 г. ЦК КПЮ издал инструкцию об организации пролетарской самообороны, предписывавшую формировать для борьбы против фашистского террора строго законспирированные военизированные отряды самообороны, подчиненные местным организациям КПЮ. Ознакомившись с этой инструкцией, сотрудники Балканского ледер-секретариата пришли к выводу, что некоторые ее положения следовало бы исправить. В связи с этим был составлен проект письма к ЦК КПЮ, где последовательно проводилась мысль о массовом внепартийном и по возможности легальном характере отрядов самообороны. Кроме того, отмечалось, что правильнее было бы говорить не о пролетарской, а об антифашистской самообороне¹⁹.

20 апреля 1935 г.²⁰ ЦК КПЮ дал парторганизациям указание развернуть, руководствуясь резолюцией «О ближайших задачах КПЮ», работу по созданию широкого антифашистского народного фронта, возглавить движение за элементарные демократические свободы и удовлетворение насущных нужд трудящихся. Главная цель коммунистов, подчеркивал ЦК, вовлечь в борьбу против диктаторского режима различные слои и

¹⁸ Предложения комиссии рассматривались в тот же день.

¹⁹ На заседании 13 мая 1935 г. ЦК КПЮ принял во внимание эти соображения и поручил подготовить новый проект инструкции. В июне 1935 г. на Сплитском пленуме М. Горкич подчеркнул, что отряды рабоче-крестьянской обороны следует создавать на самой широкой основе (Arhiv SK SKJ, f. KI, 1935/316).

²⁰ На документе стоит штамп с датой: 24 апреля (Arhiv SK SKJ, f. KI, 1935/205).

группы населения, поддерживая все их требования, не идущие вразрез с интересами рабочего класса и задачами антифашистской борьбы, и организуя массовые выступления за их осуществление. ЦК КПЮ предостерегал от включения в общую платформу единства действий требований программы-максимум, советовал избегать схематизма и шаблона в работе. «Антифашистский народный фронт, — говорилось в документе, — это движение, которое в зависимости от места, ситуации и времени будет иметь разные формы и названия»²¹.

На заседании ЦК КПЮ, проходившем 25 апреля, была уточнена повестка дня будущего пленума и намечены докладчики. По вопросу об антифашистском и едином рабочем фронте предложено было выступить Б. Паровичу.

5 мая 1935 г. в Югославии проводились парламентские выборы. Подготовка к ним способствовала оживлению политической жизни. Активизировали свою деятельность буржуазные и мелкобуржуазные партии, организации Социалистической партии. Руководящие органы Демократической, Земледельческой, Хорватской крестьянской, Независимой демократической партий и Югославской мусульманской организации договорились о выдвижении единого списка кандидатов в депутаты от так называемой Объединенной оппозиции, возглавляемого лидером ХКП В. Мачеком.

Во главе кандидатов, выдвигаемых правительством, находился один из видных деятелей правящей Югославской национальной партии премьер-министр Б. Ефтич. Между этими двумя группировками развернулась основная борьба. Радикальная и Словенская народная партии воздержались от участия в выборах.

Компартия, все еще действовавшая в условиях нелегальности, решила участвовать в избирательной кампании и выступать на выборах самостоятельно, со своим списком кандидатов, согласованным с другими пролетарскими организациями и с левыми группами в крестьянском и национальном движении. «Оппозиционному фронту под руководством буржуазии, — указывал ЦК КПЮ, — мы противопоставляем оппозиционный фронт под руководством рабочего класса»²². Однако незадолго до выборов ЦК КПЮ изменил решение и выпустил воззвание, в котором призвал голосовать за кандидатов «Объединенной оппозиции».

По официальным данным, победу одержали правительственные кандидаты, собравшие 1747 тыс., или 60,6% всех голосов. «Объединенная оппозиция» получила 1076 тыс., или 37,4% голосов²³. Оценивая итоги выборов, необходимо учесть обстановку, в которой они проходили (террор, реакционный избирательный закон, предусматривавший, в частности, открытое голосование, неучастие в нем более 1 млн человек). Тем не менее их результаты свидетельствовали о явном недовольстве режимом.

После парламентских выборов произошла некоторая перегруппировка политических сил. Все буржуазные партии, выступавшие в блоке «Объединенной оппозиции», за исключением Югославской мусульманской организации, которая покинула своих партнеров по коалиции и присоединилась затем к правящему лагерю, решили бойкотировать скупщину (парламент). В совместной декларации от 30 мая 1935 г. они обвинили власти в насилии и подтасовке результатов голосования и объявили о своем намерении продолжать борьбу за демократизацию и урегулирование отношений между сербами, хорватами и словенцами. Хорватская крестьянская и Независимая демократическая партии пошли еще дальше,

²¹ Ibid.

²² Ibid., 1935/76.

²³ F. Culinović. Jugoslavija između dva rata, t. II. Zagreb, 1961, s. 89.

потребовав немедленного роспуска только что избранной скупщины и проведения новых выборов на основе демократического избирательного закона²⁴.

Отношения между правящими кругами и буржуазной оппозицией резко обострились. В то же время серьезные разногласия возникли и в самой правящей верхушке. Б. Ефтич вынужден был уйти в отставку. Новое правительство, сформированное в конце июня 1935 г., возглавил М. Стоядинович — председатель белградской фондовой биржи, в прошлом деятель Радикальной, а затем Югославской национальной партии. В его кабинет вошли представители Радикальной, Словенской народной партии и Югославской мусульманской организации. В отличие от предшествующих правительство Стоядиновича было создано на коалиционной основе и впервые после государственного переворота 1929 г. включало представителей буржуазных партий, находившихся ранее в оппозиции к режиму. Это должно было создать видимость близкой реставрации буржуазно-демократических порядков и усилить разброд среди оппозиционных сил.

Заявляя о своем стремлении соблюдать законность и уважать гражданские права, правительство Стоядиновича вместе с тем оставило в силе антидемократическую конституцию 1931 г. и все принятые ранее реакционные законы. Для укрепления своих политических позиций оно создало новую партию — Югославский радикальный союз (ЮРС), объединившую Радикальную, Словенскую народную партии и Югославскую мусульманскую организацию. ЮРС поспешил отмежеваться от непопулярной политики Югославской национальной партии. Между тем в стране продолжали беспрепятственно действовать различные фашистские и профашистские партии (так называемая Югославская народная партия — «Борбаши», «Збор», «Культурбунд» и др.).

М. Стоядинович заверял, что Югославия останется верной своим союзническим обязательствам, в первую очередь традиционной дружбе с Францией. Однако в дипломатических кругах он уже тогда был известен как убежденный сторонник ориентации на фашистскую Германию.

Пользуясь некоторым ослаблением политического давления, буржуазные и мелкобуржуазные оппозиционные партии стали ускоренными темпами создавать свои организации на местах, различного рода массовые объединения, расширять издательскую деятельность.

Внутри буржуазного оппозиционного лагеря не было единства взглядов по коренным политическим вопросам. Хорватская часть оппозиции (ХКП и независимые демократы) ставила в качестве первоочередной задачу государственного переустройства, отказа от централизма и решения национального, прежде всего хорватского вопроса. Сербские оппозиционные партии (Демократическая, Земледельческая) упор делали на возвращении к парламентарно-демократическому строю. В области внешней политики значительные круги оппозиции продолжали придерживаться профранцузской ориентации. В связи с заключением в мае 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимной помощи среди югославских буржуазных оппозиционных деятелей стали энергичнее раздаваться голоса в пользу заключения аналогичного договора между Югославией и СССР.

Руководство КПЮ оценило итоги майских парламентских выборов как проявление зреющего массового протеста и призвало коммунистов использовать сложившуюся ситуацию для расширения легальной дея-

²⁴ Т. Стојков. Opozicija u vreme šestojanuarske diktature. Beograd, 1969, s. 315—317.

тельности, усиления борьбы за единство пролетарских рядов и создание антифашистского народного фронта.

Продолжая поддерживать тесные связи с руководящими органами Коминтерна, КПЮ информировала их о положении в Югославии — о жертвах белого террора, итогах парламентских выборов, положении безработных, о фашистских организациях и т. д. Для доклада Г. Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма» был составлен отчет о деятельности КПЮ по созданию единого фронта в Югославии. В нем рассказывалось о неоднократных безуспешных обращениях КПЮ к реформистским лидерам с предложениями о единстве действий, о решениях III съезда Объединенного рабочего профессионального союза (декабрь 1934 г.), об усилившихся после него гонениях на левых в реформистских организациях, о неудавшихся переговорах с руководителями Социалистической партии относительно совместного выступления на парламентских выборах. Тем не менее отчет был пронизан верой в успешное завершение начатой работы. Стремление широких масс рабочего класса Югославии к единству очень велико, подчеркивалось в нем. Идет дифференциация среди профсоюзных кадров, поэтому в настоящий момент вожди ОРПС не в состоянии воспрепятствовать осуществлению единства действий югославского рабочего класса²⁵.

Важным этапом на пути подготовки компартии Югославии к VII конгрессу Коминтерна явился пленум ЦК КПЮ, проходивший в Сплите 9—10 июня 1935 г. Видя основную задачу коммунистов в сплочении всех поборников свободы, мира и социального прогресса, пленум дал ряд важных рекомендаций, в том числе о создании легальных комитетов профсоюзного единства и контактных комиссий из представителей всех профсоюзных направлений, существующих в отдельных местностях или отраслях производства. Вступая во все организации, имеющие национально-освободительный характер, особенно в сельской местности, говорилось в его решении, коммунисты должны стремиться вовлечь эти организации в антифашистскую борьбу целиком и не настаивать на их выделении из состава прежних партий²⁶.

В центре внимания участников пленума находился вопрос о Фронте народной свободы (ФНС), с докладом по которому выступил Б. Парович. Он сказал, что во всех секциях Коминтерна совершается решительный поворот «в направлении боевого единства рабочего класса и сплочения вокруг него всех демократических слоев на борьбу против фашизма и войны»²⁷. Обосновывая необходимость такого поворота, Б. Парович указывал на последствия мирового экономического кризиса и прихода фашистов к власти в Германии, на поляризацию сил мира и войны, прогресса и реакции в масштабах отдельных стран и на международной арене. Он отмечал также усилившиеся влияние компартий и стремление рядовых членов социалистических партий бороться против фашизма вместе с коммунистами, возросшие экономическую мощь и политический авторитет СССР. Советский Союз, говорил Б. Парович, «стал магнитом, притягивающим не только рабочий класс, но и все демократические, пацифистские элементы, всех угнетенных и слабых, малые народы и все те государства, которые хотят мира и заинтересованы в его сохранении»²⁸.

²⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 494, оп. 1, д. 126, л. 222—226.

²⁶ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 359—360.

²⁷ Arhiv CK SKJ, f. KI, 1935/316.

²⁸ Ibid.

В своем докладе Б. Парович доказывал, что все основные процессы, происходившие в тот период в мире, присущи и Югославии. По его мнению, в Югославии имелись «колоссальные возможности» для создания антифашистского народного фронта — Фронта народной свободы. Он считал, что важнейшими составными частями ФНС могли стать: коммунистическая партия как руководящая сила, профсоюзы, крестьянские организации, национально-революционное движение, прогрессивные молодежные организации, различные объединения — борцов за мир, общества врачей, ремесленников, деятелей науки, культуры и т. д. Б. Парович советовал смелее заимствовать у широких масс народа лозунги и формы борьбы, избегать революционной фразеологии, покончить с национальным нигилизмом.

На пленуме развернулись бурные прения. Не все его участники поняли актуальность новой постановки некоторых вопросов и смогли сразу отойти от старых формул. Так, представитель Черногории (Прибойский) уверял, что в этой области имеются благоприятные условия лишь для развития революционного освободительного движения, а самым популярным является лозунг Советской Черногории, что ни режим, ни буржуазная оппозиция не в состоянии создать себе в этом крае сколько-нибудь прочную опору. Один из представителей Далмации (Делич) полагал, что в Югославии первоначально нужно создать единый пролетарский фронт и лишь затем приступать к организации Фронта народной свободы. Другой далматинский делегат (Лозич) утверждал, что вопрос об объединении профсоюзного движения якобы вообще для Далмации не актуален. Ссылаясь на специфику политической обстановки, некоторые делегаты заявляли, что в их национальных районах нецелесообразно менять формы и методы работы, а следует более энергично вести пропаганду программы КПЮ. Однако большинство присутствовавших на пленуме поддержали новую ориентацию и высказали ряд ценных замечаний, касавшихся активизации деятельности коммунистов среди всех слоев населения, в различных массовых организациях²⁹.

Подводя итог прениям, Б. Парович указал на необходимость твердого и последовательного проведения нового курса при всестороннем учете разнообразных местных условий. Касаясь национального вопроса, он сказал, что югославские коммунисты не безусловно и не во всякой ситуации будут выступать за выделение отдельных национальных областей из состава югославского государства, но всегда будут бороться за право каждого народа на самоопределение вплоть до отделения³⁰. Высказанные мысли отражали поиск новых подходов к этой важной проблеме.

С сообщением о предстоящем VII конгрессе Коминтерна на пленуме выступил М. Горкич. Он предложил, чтобы югославские коммунисты с трибуны конгресса поделились опытом своей борьбы против фракционности и групповщины, остановились на особенностях политического положения у себя на родине, на проблемах, связанных с работой КПЮ

²⁹ Ibid.

³⁰ Эта точка зрения была более четко изложена в письме Политбюро ЦК КПЮ от 17 июля 1935 г. В нем говорилось, что югославские коммунисты должны и далее решительно бороться против режима великосербского угнетения и отстаивать свое основное требование о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, но основной упор нужно делать на праве каждого народа на самоопределение, а не на отделении. Именно поэтому, указывалось в письме, КПЮ выдвигает лозунг проведения свободных выборов и созыва представительных органов (народных скупщин, сабора) в Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговине (Ibid., 1935/374).

среди национально угнетенных масс, с созданием пролетарского и широкого народного фронта³¹.

Пленум постановил включить в состав югославской делегации на VII конгресс Коминтерна двух членов Политбюро, по одному представителю от парторганизаций Сербии, Хорватии и Далмации, от ЦК СКМЮ, представителя КПЮ в ИККИ и редактора «Дела» — совместного органа КПЮ и компартии Италии, выходявшего на словенском языке. В том случае, если далматинский делегат не сможет поехать в Москву, следовало направить представителя парторганизаций Словении. Персональный состав делегации было поручено определить Политбюро ЦК КПЮ совместно с соответствующими краевыми комитетами партии³².

Большую роль в подготовке КПЮ к VII конгрессу Коминтерна и популяризации новых идей сыграла партийная печать, прежде всего газета «Пролетер» и журнал «Класна борба». На их страницах поднимались злободневные вопросы, обсуждавшиеся тогда в Коминтерне, публиковались статьи и выступления видных деятелей международного коммунистического движения, пропагандировались успехи народного фронта во Франции и других странах. Центральное место занимала, естественно, проблема единства рабочего класса. В течение года, с середины 1934 г. до середины 1935 г., только в «Пролетере» было помещено более десяти различных материалов о борьбе за единство пролетарских рядов, в том числе статьи: «За единство действий пролетариата», «Маневр или жизненная потребность рабочего класса», «Борьба за единство действий — наша главная задача».

27 июня 1935 г. Политбюро ЦК КПЮ приняло постановление о правах и обязанностях Внутреннего бюро, находившегося в Загребе. Перед ним была поставлена, в частности, задача организовать обсуждение материалов VII конгресса Коминтерна и всемерно пропагандировать его решения³³.

Незадолго до открытия VII конгресса Коминтерна руководство КПЮ определило свою позицию по ряду сложных политических проблем. Образование правительственного кабинета во главе с М. Стоядиновичем оно рассматривало как следствие обострения противоречий в правящем лагере, отмечая при этом, что «и далее сохраняется диктатура великосербской буржуазии и монархии, имеющая фашистский и великосербский угнетательский характер»³⁴.

Компартия призвала бороться за свержение правительства Стоядиновича и создание «правительства народной свободы»³⁵. В ее документах постоянно подчеркивалось, что эта борьба должна вестись совместно

³¹ Ibid., 1935/316.

³² М. Горкич в своем письме от 20 июля 1935 г. во временную мандатную комиссию VII конгресса Коминтерна сообщал, что на пленуме ЦК КПЮ 10 июня определена делегация КПЮ на VII конгресс Коминтерна в следующем составе: Железар (И. Марич) — кандидат в члены ЦК КПЮ из Далмации, Кралевчанин или Симонович (М. Радованович) — член ЦК из Сербии, Сенько (В. Чошич) — представитель КПЮ в ИККИ, Шмидт (Б. Парович) — член Политбюро, М. Горкич (И. Чижинский) — член Политбюро, Миленкович (Д. Петрович) — член краевого комитета КПЮ из Хорватии и Рихард (Л. Кухар) — кандидат в члены ЦК КПЮ, редактор «Дела». Согласно решению Политбюро ЦК КПЮ от 13 июля 1935 г., писал М. Горкич, первые пять товарищей должны получить право решающего голоса. Такое же право М. Горкич просил предоставить и Миленковичу. В соответствии с принятым решением Рихард имел право советательного голоса (ЦПА ИМЛ, ф. 494, оп. 1, д. 454, л. 114).

³³ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 363.

³⁴ «Proleter», № 7—8, VII—VIII 1935.

³⁵ Arhiv SK SKJ, f. KI, 1935/374.

со всеми другими оппозиционными партиями и группами на основе общей боевой платформы и под руководством единых комитетов ФНС.

На иных позициях стояли реформистские лидеры, которые в это время проявляли большую активность, пытаясь во что бы то ни стало легализовать деятельность Социалистической партии и превратить ее в массовую организацию. 7 июля 1935 г. в Целе (Словения) социалисты провели конференцию, где было объявлено об образовании «Социалистического союза трудового народа», избран его комитет действия и обнародована программная декларация. Она содержала требования амнистии политзаключенных и отмены реакционных законов, свободы печати, собраний и организаций, роспуска скупщины и проведения новых свободных выборов, 40 часовой рабочей недели, оказания помощи безработным, проведения аграрной реформы и т. д. В декларации указывалось, что Социалистический союз будет выступать за всеобщее разоружение, коллективную безопасность, за признание СССР, вести борьбу против фашизма, за равноправие всех граждан и политические свободы. Между тем национальный вопрос в ней по сути дела был обойден, выдвигалось лишь туманное требование «переустройства государства и решения конституционного вопроса на основе общей договоренности»³⁶. Ни словом не обмолвились составители декларации о едином пролетарском и широком народном фронте.

В противовес Социалистическому союзу Политбюро ЦК КПЮ в середине июля 1935 г. выдвинуло предложение создать легальную Единую рабочую партию (ЕРП), которая объединила бы в своих рядах рабочих различных политических убеждений, но готовых вместе со всеми другими оппозиционными силами бороться против фашизма и угрозы империалистической войны, за национальное равноправие и демократические свободы. В рядах ЕРП должен был строго соблюдаться принцип пролетарской демократии. Наличие такой партии в составе Фронта народной свободы, по мнению Политбюро, способствовало бы расширению легальных форм деятельности КПЮ и усилению движения за единство рабочего класса.

Внутреннему бюро были даны указания начать работу по формированию на территории страны инициативных комитетов Единой рабочей партии. Однако в подходе к этой проблеме между Политбюро ЦК КПЮ и Внутренним бюро, руководимым Дж. Митровичем, возникли разногласия. Во то время как Политбюро рекомендовало создавать инициативные комитеты ЕРП на действительно широкой межпартийной основе, Внутреннее бюро ратовало за «гомогенные» организации, состоящие из коммунистов и представляющие собой легальные органы КПЮ, надеясь с их помощью установить контакты с остальными группировками в рабочем и общедемократическом движении и подготовить почву для возникновения органов единого пролетарского и широкого народного фронта. Считая первоочередной задачей добиться единства действий всех демократических сил, Внутреннее бюро противопоставляло Фронт народной свободы Единой рабочей партии³⁷, не видело диалектической взаимосвязи между ними. Некоторые его члены, например, Драгица (Ф. Краль) и Сотирович (Д. Марушич) ставили вопрос о пересмотре профсоюзной политики КПЮ и предлагали в связи с массовым исключением коммунистов из реформистских организаций восстановить независимые профсоюзы³⁸.

³⁶ «Радничке новине», 12 VII 1935; см. также M. Bošić. Aktivnost Komunističke partije Jugoslavije na stvaranju Jedinostvene radničke partije 1935. godine. «Istorija radničkog pokreta», 1966, knj. 3. s. 144—145.

³⁷ Arhiv CK SKJ, f. K1, 1935/384.

³⁸ Ibid., 1935/407.

Все это свидетельствовало о том, что элементы сектантства еще не были преодолены.

20 июля 1935 г. приступила к работе временная мандатная комиссия VII конгресса Коминтерна. На ее втором заседании, 21 июля, были утверждены мандаты делегатов компартии Югославии. Мандаты с правом решающего голоса получали 5 делегатов КПЮ: Железар (И. Марич), Кралевчанин (М. Радованович), Сенько (В. Чопич), Шмидт (Б. Парович) и М. Горкич. Мандат с правом совещательного голоса предоставлялся Рихарду (Л. Кухару). Одновременно было решено выдать мандат с правом совещательного голоса Миленковичу (Д. Петровичу), оставив при этом за делегацией КПЮ право обратиться в мандатную комиссию конгресса с ходатайством о предоставлении ему мандата с решающим голосом³⁹. В Москве тогда находились четыре делегата КПЮ: М. Горкич, Б. Парович, В. Чопич и Д. Петрович⁴⁰. Остальные делегаты прибыли позднее⁴¹.

26 июля 1935 г. М. Горкич от имени делегации КПЮ обратился в мандатную комиссию VII конгресса с просьбой выдать Миленковичу мандат с правом решающего голоса. В том же письме содержалась просьба «предоставить тов. Вальтеру, члену ЦК, находящемуся временно в Москве в качестве референта при БЛС, мандат с совещательным голосом». «Тов. Вальтер, — говорилось в этом письме, — старый член ЦК, который вскоре после конгресса поедет в страну»⁴². Мандатная комиссия удовлетворила просьбы делегации КПЮ⁴³. 29 июля 1935 г. И. Броз Тито (Вальтер Фридрих) заполнил анкету делегата конгресса и 30 июля получил мандат⁴⁴.

Таким образом в работе VII конгресса Коминтерна принимала участие делегация КПЮ в составе 8 человек: М. Горкич, И. Броз Тито, Б. Парович, В. Чопич, И. Марич, Д. Петрович, М. Радованович и Л. Кухар⁴⁵.

Помимо членов официальной делегации на конгрессе присутствовали югославские коммунисты Андрей (Ш. Цвиич), представитель КИМа, — с решающим и Б. Бошкович (Ф. Филипович), член ИККИ, — с совещательным голосом. Гостевые билеты и служебные пропуска имели Лихт (Р. Вуйович), Розенко (Р. Чолакович), Обаров (Л. Кусовац), Миронов (Р. Герцигона) и др.⁴⁶.

25 июля открылся VII конгресс Коминтерна. Вот как писала об этом газета «Правда»: «Делегации занимают свои определенные места в Колонном зале: так возникла своя „география“ у Колонного зала, в некотором роде — коммунистическая карта земного шара. На первом месте, направо от президиума, — коммунистический Восток; в тесном соседстве и содружестве несколько рядов занимают делегации Китая и Японии. За ними разместились делегаты Англии. Вглубь за проходом — юго-восточная, отчасти центральная часть Европы, преимущественно „славянские страны“: делегации Югославии, Болгарии, Польши»⁴⁷.

³⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 494, оп. 1, д. 451, л. 9.

⁴⁰ Там же, д. 454, л. 117, 132, 298—299.

⁴¹ Удостоверения делегатов VII конгресса получили: В. Чопич, М. Горкич и Б. Парович — 22 июля, Д. Петрович — 23 июля, И. Марич — 25 июля, М. Радованович — 3 августа, Л. Кухар — 7 августа (ЦПА ИМЛ, ф. 494, оп. 1, д. 494, л. 2, 5, 8, 10, 13, 16, 21).

⁴² Там же, д. 454, л. 203.

⁴³ Там же, д. 451, л. 20 об.

⁴⁴ Там же, д. 494, л. 19—20 об.

⁴⁵ Там же, д. 457, л. 39—40; д. 494, л. 1—22 об.

⁴⁶ Там же, д. 455, л. 41; д. 456, л. 15, 20, 28; д. 457, л. 27, 28, 40—41.

⁴⁷ «Правда», 1935, 30 июля.

В день открытия конгресса представитель КПЮ М. Горкич вошел в состав президиума конгресса.

27 июля делегация КПЮ провела свое первое заседание ⁴⁸, на котором ее главой был избран М. Горкич, а секретарем — И. Броз Тито. Тогда же было принято решение, чтобы на конгрессе выступили три члена делегации: Б. Парович в дискуссии по отчетному докладу В. Пика о деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, М. Горкич по докладу Г. Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма» и В. Чопич по докладу Эрколи (П. Тольятти) «О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны» ⁴⁹.

В тот же день в ИККИ поступил составленный делегацией КПЮ проект воззвания «К пролетариату всех земель Югославии, ко всем рабочим города и деревни!». В сопроводительной записке к тексту воззвания говорилось, что создание Социалистического союза трудового народа вызвало среди коммунистов замешательство и «резко сектантские явления», поэтому руководство КПЮ вынуждено определить свою позицию по этому вопросу. В проекте воззвания, подчеркивала делегация, изложена концепция, разработанная ЦК партии еще до конгресса Коминтерна ⁵⁰. Предполагалось, что оно явится основным документом намечавшегося тогда совещания левых деятелей рабочего движения Югославии ⁵¹. Воззвание призывало всех рабочих, невзирая на партийную принадлежность, а также различные пролетарские организации включиться в создание инициативных комитетов Единой рабочей партии. В нем была изложена платформа ЕРП, содержащая ряд важнейших социально-экономических и политических требований, в том числе требование ликвидации национального неравенства и обеспечения каждому народу права решать свою судьбу. Подчеркивалось, что ЕРП будет оказывать всяческую поддержку борьбе крестьянства, освободительному движению хорватского и других народов страны, хранить верность принципу международной пролетарской солидарности. Рабочему классу, указывалось в воззвании, предстоит сыграть решающую роль не только в создании Фронта народной свободы, но и в руководстве им ⁵².

На заседании 1 августа делегация КПЮ обсудила и одобрила проекты резолюций по отчету о деятельности ИККИ и по докладу Г. Димитрова ⁵³.

С трибуны VII конгресса Коминтерна выступили два члена югославской делегации: 29 июля — Шмидт и 8 августа — М. Горкич ⁵⁴. Кроме того, М. Горкич председательствовал на вечернем заседании 3 августа. В. Чопич на конгрессе не выступал. Он являлся членом комиссии для

⁴⁸ Всего делегация КПЮ провела 17 заседаний. На многих из них обсуждались кадровые и персональные вопросы, рассмотрение которых не входит в задачи данной работы.

⁴⁹ Arhiv CK SKJ, f. K1, 1935/393.

⁵⁰ Ibid., 1935/435.

⁵¹ О подготовке такого совещания неоднократно упоминалось в переписке между Политбюро ЦК КПЮ и Внутренним бюро, например в письмах Внутреннего бюро от 21 июля и 2 августа 1935 г. (Ibid., 1935/384, 1935/407).

⁵² Текст воззвания опубликован. См. I. Jelić. Rad Glavnog inicijativnog odbora u Zagrebu na stvaranju «Jedinstvene radničke stranke». «Iz starog i novog Zagreba», knj. III. Zagreb, 1963, s. 260—262; M. B o s i ć. Ibid., s. 156—158.

⁵³ Arhiv CK SKJ, f. K1, 1935/406.

⁵⁴ В сокращенном виде оба эти выступления были опубликованы в газете «Правда». См. «Возглавить борьбу против военно-фашистской диктатуры». Речь тов. Шмидта (Югославия). «Правда», 1935, 30 июля; «Наш общий враг — великосербский фашизм». Речь тов. Горкича (Югославия). «Правда», 1935, 12 августа.

выработки резолюции по докладу Д. Мануильского «Итоги социалистического строительства в СССР».

Делегаты КПЮ рассказали о деятельности своей партии после VI конгресса Коминтерна (1928 г.), об обстановке в стране, сложившейся в результате установления в 1929 г. диктаторского режима. Анализируя ошибки, допущенные компартией, они говорили, в частности, о тяжелых последствиях, которые повлек за собой лозунг вооруженного восстания против диктатуры, выдвинутый руководством КПЮ без учета объективных и субъективных факторов для его осуществления. Представители КПЮ предостерегали коммунистов других стран от подобного рода просчетов. Касаясь горьких уроков борьбы против диктатуры в 1929—1931 гг., М. Горкич подчеркивал: «Сто раз прав тов. Димитров, когда предупреждает секции Коминтерна, что одним героизмом изолированного от масс авангарда победить фашизм нельзя»⁵⁵.

В докладах югославских делегатов были показаны особенности переживаемого Югославией политического момента, который характеризовался ими как ускоренный процесс разложения военно-фашистской диктатуры и созревания элементов революционного кризиса. Приводились данные о влиянии экономического кризиса на положение различных слоев населения, о выступлениях трудящихся против социальной несправедливости, политического бесправия и национального гнета.

Отмечая значительные успехи, достигнутые КПЮ в укреплении своих организаций и расширении связей с массами, югославские делегаты не скрывали и слабых сторон деятельности партии: в частности, недостаточно активная работа коммунистов среди военнослужащих и крестьянства, в реформистских профсоюзах и других массовых организациях, недооценка потенциальной силы национально-освободительного движения, отсутствие должного внимания к борьбе городских средних слоев и т. д. «Еще до сих пор в рядах нашей партии, — говорил М. Горкич, — имеются остатки в корне ошибочных взглядов, будто работа в различных легальных организациях является менее важной и менее революционной, чем чисто нелегальная работа»⁵⁶. Представители КПЮ заверили участников конгресса, что их партия, руководствуясь решениями VII конгресса, еще раз критически осмыслит пройденный путь, чтобы навсегда покончить с остатками сектантства.

Они выразили полное согласие с содержанием доклада Г. Димитрова, подчеркнув, что в этом историческом документе даны ясные ответы на важнейшие вопросы международного, в том числе и югославского, революционного движения⁵⁷.

Югославские делегаты с благодарностью говорили о помощи, оказываемой КПЮ Коминтерном, которая проявлялась, по их словам, «не только в разработке программных вопросов и общей линии партии, но и в ее повседневной работе по проведению этой линии в жизнь»⁵⁸.

Значительное внимание было уделено ими проблемам создания единого рабочего и широкого народного фронта в Югославии. Считая очень своевременной постановку в докладе Г. Димитрова вопроса о единой массовой политической партии пролетариата, представители КПЮ поделились планами, связанными с образованием и основными принципами деятельности Единой рабочей партии⁵⁹. Указывалось также на большое

⁵⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 494, оп. 1, д. 691, л. 15.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, л. 4.

⁵⁸ Там же, д. 175, л. 37.

⁵⁹ Поддержав эту инициативу руководства КПЮ, Политкомиссия ИККИ приняла 17 августа 1935 г. специальное постановление. В нем говорилось, что ЕРП «должна

значение для Югославии борьбы за единство профсоюзов. Была подчеркнута актуальность рекомендации Г. Димитрова об использовании революционных традиций каждого народа в борьбе против реакции. «В истории хорватского, сербского, македонского, албанского, словенского и других народов, — говорил Горкич, — имеется немало блестящих примеров подлинно народной революционной борьбы, которые мы можем и должны использовать в деле убеждения широких народных масс в необходимости революционной борьбы»⁶⁰.

В речах югославских делегатов более обстоятельно, чем в прежних партийных документах, освещался вопрос о правительстве народного фронта. Было сказано, что ЦК КПО сделал вывод о целесообразности в определенных условиях выдвижения этого лозунга в Югославии. Правительство народного фронта, придя к власти в результате подъема массового революционного движения, не обязательно должно было являться правительством демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства. Но во всех случаях оно взяло бы на себя проведение решительных мер в целях удовлетворения насущных нужд рабочего класса, крестьянства и угнетенных народов, а затем приступило бы к коренным реформам, выходящим за рамки буржуазной демократии. Коммунистам надлежало всемерно поддерживать такое правительство. Компартия, отмечал М. Горкич, готова оказать поддержку даже правительству буржуазных оппозиционных партий, например ХКП, если оно выступит против реакции и будет осуществлять требования антифашистского народного движения⁶¹.

Завершая свое выступление на конгрессе, Б. Парович высказал уверенность в том, что компартия Югославии «свою роль авангарда в предстоящих боях в Югославии выполнит с честью»⁶².

20 августа 1935 г. на своем очередном заседании делегация КПО приняла решение подготовить проект резолюции о претворении в жизнь постановлений VII конгресса Коминтерна⁶³. Проект был утвержден Политбюро 12 октября⁶⁴. В этом документе, известном как резолюция Политбюро ЦК КПО «О задачах Коммунистической партии Югославии после VII конгресса Коминтерна», подчеркивалось, что все члены партии обязаны изучать и популяризировать решения VII конгресса, стараясь сделать их достоянием широких масс.

Оценивая ситуацию в стране и расстановку классовых сил, Политбюро отмечало, что борьба за восстановление демократических прав и свобод, попранных диктатурой, переплетается в Югославии с массовым народным движением за осуществление лозунгов незавершенной буржуазно-демократической революции (национальное освобождение, земля крестьянству, демократизация, уничтожение полуфеодальных пережитков и т. д.), сливается с ним в единый поток, направленный против реакционного режима.

В резолюции были сформулированы три главные цели, стоявшие перед Фронтом народной свободы: ликвидация диктаторского режима, обеспечение национального равноправия и улучшение материального положения широких слоев народа. Указывалось на важность участия в общей

стремиться охватить всех рабочих без различия их убеждений и принадлежности, коммунистов и социал-демократов, а также целые массовые организации — профсоюзы, культурно-просветительные и спортивные общества и т. д.» (Arhiv SK SKJ, f. KI, 1935/439).

⁶⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 494, оп. 1, д. 691, л. 31.

⁶¹ Там же, л. 32.

⁶² Там же, д. 175, л. 54.

⁶³ Arhiv SK SKJ, f. KI, 1935/446.

⁶⁴ Ibid., 1935/533.

борьбе буржуазных и мелкобуржуазных оппозиционных партий. Речь шла также о вовлечении в нее демократических элементов из правящего Югославского радикального союза. Формы и методы борьбы должны были соответствовать уровню политического сознания масс. Обращалось внимание коммунистов на то, что задачи создания народного фронта и объединения рабочего класса должны решаться одновременно.

Учитывая растущую угрозу со стороны фашистских государств и их стремление использовать национальные противоречия в отдельных странах в экспансионистских целях, руководство КПЮ сочло необходимым уточнить позицию партии по национальному вопросу. «По-прежнему придерживаясь своей принципиальной точки зрения о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, коммунисты,— отмечалось в резолюции,— принимая во внимание нынешнюю международную обстановку и при условии ликвидации национального неравенства, предоставления максимальных гарантий свободы хорватскому и другим народам и свободных их на это согласия, не высказываются за отделение того или иного народа от существующего государственного объединения — Югославии»⁶⁵. В ней содержался кроме того ряд конкретных требований — об упразднении введенного в 1929 г. административного деления, беспрепятственной деятельности культурно-просветительных и других национальных организаций, свободном употреблении родного языка во всех общественных и государственных учреждениях, об отмене запрета вывешивать национальные знамена и т. д. Коммунисты не могут равнодушно относиться к национальным чаяниям своего народа, пренебрегать его боевыми традициями,— говорилось в резолюции.

Соответственно указаниям VII конгресса, Политбюро призвало коммунистов сосредоточить усилия на сплочении всех миролюбивых сил в едином антивоенном фронте, направив его острие против германского фашизма как главного поджигателя новой империалистической войны. Подчеркивая, что Советский Союз является оплотом мира и социализма, надеждой всего прогрессивного человечества, Политбюро обратилось с призывом еще энергичнее развернуть кампанию за нормализацию отношений и союз с СССР. Резолюция обязывала членов КПЮ к активизации всех звеньев партийной работы, добиваться превращения партии в крупную политическую силу, способную оказывать воздействие на внутреннюю жизнь и международное положение страны.

Характеризуя значение VII конгресса Коминтерна для Коммунистической партии Югославии, И. Броз Тито отмечал в докладе на V Всеюгославской конференции КПЮ (октябрь 1940 г.), что документы конгресса обусловили «поворот в работе и развитии партийных организаций страны»⁶⁶. «Лишь решения VII конгресса Коминтерна,— говорил он,— указали путь, которым наша партия должна была идти и связываться с массами»⁶⁷.

Опираясь на выводы VII конгресса Коминтерна и собственный опыт борьбы, компартия Югославии наметила магистральные направления своей последующей деятельности, определила ближайшие цели и способы их достижения. Перед КПЮ, как и другими отрядами международного коммунистического движения, открылись новые перспективы работы в массах на основе проведения политики единого рабочего и широкого народного фронта.

⁶⁵ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 369.

⁶⁶ «Komunist», № 1, X 1946.

⁶⁷ Ibid.

О. Н. РЕШЕТНИКОВА

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФРОНТА БОЛГАРИИ 1942—1944 ГОДОВ В БУРЖУАЗНОЙ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Болгарская коммунистическая партия располагает богатым опытом борьбы за единство масс: созданию Отечественного фронта (ОФ) в Болгарии в 1942 г. предшествовала многолетняя героическая борьба за единый рабочий и народный фронт. Болгарские и советские историки глубоко и всесторонне осветили основные вопросы создания и деятельности ОФ¹.

Проблемами истории ОФ Болгарии интересовалась и буржуазная историография, в частности английские и американские буржуазные историки. Для большинства их работ характерна антикоммунистическая направленность, что обусловило антинаучное, тенденциозное освещение авторами истории ОФ.

На первых порах Д. Роусек, Ф. Гросс, Г. Кон и др. определяли Отечественный фронт как орудие «новой панславистской» политики Советского Союза². Такое толкование сущности ОФ (а это относится к народным фронтам и движению Сопротивления и в других славянских странах) возникло в рамках одной из ведущих концепций реакционного «советоведения»: концепции «преемственности», построенной на основе искусственного ассоциирования политики СССР с политикой царской России³.

Д. Роусек считает, что «новый панславизм» лишь отдаленно напоминает панславизм XIX в.⁴ Г. Кон видит в нем непосредственного преемника идей, выдвинутых реакционными эпигонами славянофильства XIX в.⁵ Однако они единодушны в защите ложного тезиса о стремлении славянских народов к экспансии, к противопоставлению себя другим народам⁶. Именно эти тенденции якобы определяли деятельность Отечественного фронта Болгарии.

¹ См. Л. Б. Валев. Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 — сентябрь 1944). М., 1950; Д. Шарланов. Създаване и дейност на Отечественния фронт (юли 1942 — септември 1944). София, 1966; В. Бонев. О едином, народном и Отечественном фронте в Болгарии. М., 1973.

² См. «Central-Eastern Europe Crucible of World Wars». New York, 1946; J. S. Roussek. Balkan politics. Stanford, London, 1948; Н. Коehn. Pan-Slavism. Its History and Ideology. University of Notre-Dame press, 1953.

³ Подробнее о концепции «преемственности» см. Б. И. Марушкин. История и политика. Американская историография советского общества. М., 1969, стр. 119—130.

⁴ См. «Central-Eastern Europe...», p. 662.

⁵ Н. Коehn. Pan-Slavism. Its History..., p. 224.

⁶ См. J. S. Roussek. Ibid., p. 67; Н. Коehn. Pan-Slavism. Its History..., p. 224.

Сторонники концепции «преемственности» трактуют ОФ как нечто объективное, существующее, по их словам, благодаря «широкому распространению в Болгарии идей панславизма». Они стремятся представить ОФ как движение чисто национальное, аполитичное. Так, Д. Роусек полностью игнорирует социально-политическую программу фронта, изображает его как националистическую организацию⁷. «Круг замкнулся, — утверждает он, — бывшие преследователи большевиков (болгарских коммунистов. — О. Р.) сотрудничают с коммунистами... во имя создания Великой славянской коалиции»⁸.

Буржуазные историки, считая ядром революционных сил БЗНС, отрицают роль коммунистической партии как инициатора и организатора ОФ, пытаются изобразить коммунистов как проводников якобы «панславистской» политики СССР, будто бы спекулировавших на «искренних» стремлениях болгарского народа к созданию некоего единого славянского государства⁹. Это объясняет их столь неодобрительный тон, когда они говорят об активном участии коммунистов в деятельности ОФ¹⁰.

С установлением народно-демократической власти и проведением в жизнь революционных преобразований началась неизбежная дифференциация антифашистских сил в Болгарии. Поляризация классовых сил, формирование реакционной оппозиции и ее борьба против правительства Отечественного фронта не вписывались в концепцию единого общества, пронизанного идеями «нового панславизма». Попытки объяснения революционного процесса приводят буржуазных историков к противоречиям с основными постулатами их концепции и в конечном счете вынуждают назвать вещи своими именами. Тезис о «панславизме» внешней политики СССР оказывается идентичным пресловутому мифу о «коммунистической угрозе»¹¹.

В работах, появившихся в начале 50-х годов, уже открыто ставится знак равенства между коммунизмом и «панславизмом»¹², и с этого времени буржуазная историография фактически отказывается от концепции «нового панславизма» в трактовке народного фронта. Изображение Отечественного фронта как единого национального движения, направленного на создание «Великого славянского содружества» под эгидой Советского Союза¹³, противоречило возобладавшей точке зрения апологетов «холодной войны», согласно которой абсолютное большинство населения в странах народной демократии якобы находилось в оппозиции к новому общественному строю¹⁴, взглядам на коммунистические и рабочие партии как на «предателей» национальных интересов своих стран.

Большинство буржуазных историков продолжает рассматривать Отечественный фронт как орудие советской внешней политики, однако, в отличие от сторонников «панславистского» толкования фронта, изображают его как механизм насаждения «коммунистического режима». Такая трактовка Отечественного фронта стала своего рода стереотипом, который с незначительными модификациями сохранился до наших дней. Его основой явилась утвердившаяся в начале 50-х годов так называемая концепция

⁷ J. S. Rousek. Ibid., p. 67.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid., p. 67, 283; «Central-Eastern Europe...», p. 657.

¹⁰ Ibid.

¹¹ См. «Central-Eastern Europe...», p. 662—664.

¹² См. G. Waskovich. The Ideological Shadow of the USSR. Moscow's European Satellites. Philadelphia, 1950, p. 49; H. Kohn. Pan-Slavism and World War II. «American Political Science Review», v. XLVI, p. 704—711.

¹³ См. «Central-Eastern Europe...», p. 662—664; J. S. Rousek. Ibid., p. 67.

¹⁴ См. Е. Ю. Богущ. Миф «об экспорте революции» и советская внешняя политика. М., 1965.

«тоталитаризма», в которой проявились тенденции реакционной буржуазной историографии, пытавшейся изобразить социалистический строй насильственным, недемократическим¹⁵.

Буржуазная историография конца 40—50-х годов утверждает, что болгарские коммунисты якобы неоднократно пытались осуществить разработанную в Кремле «инструкцию по созданию народного фронта»¹⁶. В действительности история борьбы БРП за единый и народный фронт убедительно свидетельствует о том, что ОФ явился «выстраданным болгарским народом выводом из его собственного исторического опыта»¹⁷ и отрицать этот факт могут лишь те, кто недостаточно хорошо знаком с историческим прошлым Болгарии или сознательно игнорирует его.

В работах буржуазных историков этого периода встречаются взаимоисключающие оценки влияния болгарских коммунистов на массы, сплоченности и численности коммунистической партии. Характеризуя БРП накануне 9 сентября 1944 г., Д. Роусек пишет, что она была весьма малочисленной, но отличалась необычайной активностью¹⁸; в коллективном труде, опубликованном под редакцией Р. Бетса, говорится, что компартия была единственной партией действительно готовой к борьбе за власть¹⁹; Л. Деллин называет БРП слабой, малочисленной и непопулярной в массах²⁰; Р. Л. Вольф, напротив, считает ее довольно многочисленной и весьма влиятельной²¹ и т. д. Такой разноречивой объясняется прежде всего тем, что социально-политические преобразования в Болгарии изображаются как результат воздействия якобы идей «панславизма»²² или следствие «вмешательства» Советского Союза²³ (последняя точка зрения преобладает). Некоторые буржуазные историки, признавая влияние БРП на массы, не показывают соотношение классовых сил, причины, обусловившие необходимость широкого антифашистского фронта. Изложение строится таким образом, чтобы «подтолкнуть» читателя к нужному для автора выводу: зрелость субъективного фактора никакого значения не имела, исход событий был якобы предрешен вступлением в Болгарию Советской Армии²⁴. Таким образом, буржуазная историография конца 40—50-х годов игнорирует не только объективные, но и субъективные предпосылки создания ОФ.

Начавшийся в конце 50-х — начале 60-х годов пересмотр тактики антикоммунизма, вызванный упрочением позиций социализма в мире, обусловил появление в буржуазной историографии более научнообразных концепций. Это нашло отражение и в подходе буржуазных историков к освещению истории Отечественного фронта. Примитивная трактовка, основанная на теории «экспорта революции», претерпевает некоторые изменения. Характеризуя деятельность БРП по созданию Отечественного фронта,

¹⁵ Б. И. Марушкин. Там же, стр. 130.

¹⁶ С. Н. Seton-Watson. The East European Revolution. London, 1950, p. 94, 309.

¹⁷ Г. Димитров. Сб., т. 13, стр. 466.

¹⁸ «Central-Eastern Europe...», p. 529.

¹⁹ R. R. Betts (ed.). Central and South-Eastern Europe, 1945—1948. London, 1950, p. 30.

²⁰ L. A. Dellin. Bulgaria. New York, 1956, p. 119.

²¹ R. L. Wolff. The Balkans in Our Time. Cambridge, Harvard University Press, 1956, p. 292.

²² См. J. S. Rousek. Ibid., p. 67; H. Kohn. Pan-Slavism. Its History..., p. 224—225.

²³ См. W. B. King, F. O. Brien. The Balkans Frontier of Two Worlds. New York, 1947, p. 159; J. Rothschild. Communist Eastern Europe. Columbia, 1964, p. 6, 50; R. Gripp. The Political System of Communism. New York, 1973.

²⁴ J. Rothschild. Ibid., p. 6—7; H. Ripka. Eastern Europe in the post World War II, 1962, p. 14; R. R. Betts. Ibid., p. 30.

большинство буржуазных историков теперь уже не ограничивается ссылками на «московские инструкции». Основное внимание уделяется обоснованию «порочности» политики коммунистов, «объективной невозможности» создания Отечественного фронта, искажению взаимоотношений БРП с другими политическими партиями. Работы буржуазных историков 60—70-х годов, как правило, отличаются наукообразием, мнимым объективизмом, не обходятся без «исторических параллелей» и экскурсов в историю.

Предметом рассмотрения современных буржуазных историков становится широкий круг проблем, касающихся социально-экономической и политической обстановки внутри страны, внешней политики болгарских буржуазных правительств²⁵. В их интерпретации взаимоотношений Болгарии с Германией, сущности монархо-фашистского режима, отношения к нему различных классов и социальных групп отчетливо проявляется тенденция к нарочитому противопоставлению условий, в которых находились в годы второй мировой войны болгарский народ и народы стран, оккупированных гитлеровцами. При этом буржуазные историки оперируют отрывочными, произвольно избранными фактами, порывая диалектическую связь, существующую между ними, смешивают факты существенные и несущественные, иными словами, «играют в примеры»²⁶.

Искаженное освещение внутренней обстановки в Болгарии и ее взаимоотношений с Германией буржуазные историки пытаются использовать как новый аргумент в защиту избитого тезиса о том, что ОФ был всего лишь «маневром» коммунистов. Однако объективная характеристика монархо-фашистского режима, опирающаяся не на отрывочные факты, а на факты, взятые в целом, в их реальной связи, опровергает измышления этих историков и свидетельствует о том, что в сложившейся ситуации в Болгарии создание антифашистского фронта патриотических и демократических сил было объективной необходимостью, и в стране существовали условия для его создания²⁷.

Буржуазные историки не только отрицают существование объективной основы для формирования ОФ, но и стремятся «обосновать» утверждения о «слабости» революционных настроений у народных масс. Для «доказательства» этого они, как правило, используют факты, свидетельствующие лишь о трудностях создания ОФ. Эти трудности, как отмечают Н. Орен, М. Миллер и другие авторы, были обусловлены формальным положением Болгарии как союзника фашистской Германии²⁸. Однако и в Болгарии, и в оккупированных странах противоречие между народными массами и фашизмом было главным. Буржуазные историки не только загушевают это противоречие, что характерно для буржуазной историографии конца 40—50-х годов, но и нередко подменяют его мнимым противоречием, будто бы существовавшим между коммунистической партией и трудящимися массами²⁹.

Обращение коммунистов к политике антифашистского фронта обуславливалось потребностями данного исторического этапа, задачами борьбы против фашизма и войны. Поэтому идея ОФ была чрезвычайно популярна среди широких народных масс. Программа ОФ содержала такие требования, в осуществлении которых все слои народа независимо от клас-

²⁵ N. O r e n. Bulgarian Communism. The road to power 1934—1944. New York — London, 1971; е г о ж е. Revolution administered: agrarianism and communism in Bulgaria. Baltimore and London, 1973; M. L. M i l l e r. Bulgaria during the Second World War. Stanford, California, 1975.

²⁶ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 360.

²⁷ Л. Б. В а л е в. Там же; Д. Ш а р л а н о в. Там же; «История на антифашистката борба в България. 1939—1944». София, 1976, т. I, стр. 233.

²⁸ N. O r e n. Bulgarian Communism..., p. 166; M. M i l l e r, Ibid., p. 196—197.

²⁹ N. O r e n. Revolution administered..., p. 66—72; M. M i l l e r. Ibid., p. 197.

совой принадлежности, политической ориентации и взглядов на будущее страны видели свое избавление от фашизма и гарантию свободного и демократического развития. Не выступили против программы ОФ и лидеры буржуазной оппозиции, отказавшиеся от сотрудничества с БРП³⁰. Буржуазия не смогла противопоставить программе ОФ никакой позитивной платформы. Еще в 1945 г. на это обратил внимание английский журнал «Экономист», весьма далекий от сочувствия к коммунистическому движению, отметивший, что «лишь ОФ, руководимый коммунистической партией, противопоставил фашистской угрозе политику, способную реабилитировать демократию»³¹. Большинство же буржуазных историков всячески затушевывают задачи общедемократического характера, задачи борьбы с фашизмом, для решения которых единство антифашистских сил, коммунистической и некоммунистических партий было необходимым. Не случайно поэтому полное пренебрежение буржуазной историографии к программе ОФ. Как правило, буржуазные историки либо вообще обходят ее молчанием, либо ограничиваются заявлениями о ее «пространном и расплывчатом характере»³². Признания популярности программы ОФ крайне редки в буржуазной историографии³³, а в работах современных буржуазных историков не встречаются вовсе.

О притягательности программы ОФ для широких народных масс, популярности лозунга ОФ свидетельствует, в частности попытка болгарского правительства в конце 1942 — начале 1943 г. создать антипод Отечественного фронта³⁴. В феврале 1943 г. на совещании премьер-министра Б. Филова с министром внутренних дел П. Габровским было принято решение образовать «повсюду в провинции комитеты либо под названием „Отечественный фронт“, чтобы отнять этот лозунг у коммунистов и других левых, либо под названием „Народное единство“ или „Национальное объединение“»³⁵.

Буржуазная историография обходит молчанием эту попытку правительства. Между тем, история создания так называемого «Болгарского народного союза», государственной организации, которая должна была служить «болгарскому государству и царю», убедительно свидетельствовала о неизбежном провале попыток тех, кто действовал вразрез с потребностями объективного развития общества и стремился навязать народу организацию, антинародную по духу и реакционную по своим целям. Создание ОФ, объединившего все прогрессивные силы Болгарии в борьбе против фашизма и войны, опровергает измышление буржуазных историков о том, что идея ОФ была чуждой, навязанной болгарскому народу.

Курс на создание ОФ, взятый БРП летом 1942 г., современная буржуазная историография объясняет «слабостью» и «беспомощностью» коммунистической партии³⁶. Тенденция к принижению реального значения и возможностей БРП, проявившаяся еще в работах 40—50-х годов, становится определяющей чертой буржуазной историографии. Различия в оцен-

³⁰ Ил. Димитров. Буржуазная оппозиция в Болгарии. 1939—1944. София, 1969, стр. 111.

³¹ «Balkan Governments», «The Economist», September, 1945, v. CXLIX, p. 295.

³² J. F. Brown. Bulgaria under Communist Rule. London, 1970, p. 7.

³³ J. J. Hampton. The World in the Post-War decade. 1945—1955. Cambridge, 1956, p. 74—75.

³⁴ В. Георгиев. Опитът на монархо-фашизма да създаде държавна партия (1943—1944). «Векове», София, 1975, кн. 2, стр. 24—35.

³⁵ Цит. по кн. О. Василев. Взоръжената съпротива срещу фашизма в България. Очерки и документи. София, 1946, стр. 155.

³⁶ F. V. Singeton. Background to Eastern Europe. Oxford, 1965, p. 110; J. F. Brown. Ibid., p. 8; R. Staar. The Communist Regimes in Eastern Europe. California, 1971, p. 33; N. Oren. Revolution administered..., p. 73.

ках силы и влияния БРП, характерные для буржуазной историографии предшествующего периода, с середины 60-х годов сменяются единодушным выводом буржуазных историков о том, что к 1944 г. БРП подошла «малочисленной» и «лишенной какого бы то ни было влияния на массы»³⁷. Такой вывод делается и теми, кто утверждает, что партия насчитывала и менее 8 тыс. членов³⁸, и 10 600³⁹, и 25 тыс. членов⁴⁰. При этом ни один из современных буржуазных историков не упоминает о том, что в годы второй мировой войны лишь коммунисты сумели сохранить организационную структуру своей партии. В нелегальных условиях продолжали действовать местные партийные организации, которыми руководил ЦК БРП. Именно БРП проявила себя наиболее последовательной и активной антифашистской силой в условиях, когда буржуазная оппозиция следовала тактике выжидания⁴¹. О бесспорном влиянии коммунистов среди широких слоев народа в свое время говорили даже лидеры буржуазных партий К. Пастухов, Д. Гичев и другие⁴².

Как известно, национально-освободительное движение в Болгарии развернулось под единоличным руководством БРП. Не отрицая этого, буржуазные историки либо оправдывают пассивность буржуазной оппозиции, либо отвлекают внимание читателя «фактами», которые обнаруживают их стремление выдать желаемое за действительное. Так, например, говорится о попытках создания буржуазными эмигрантами Болгарского комитета за границей, о стремлении Г. М. Димитрова (Гемето) и его сторонников организовать «антифашистский союз демократических сил»⁴³. Н. Орен пишет, что «единственная активная оппозиция немцам исходила из маленькой группы аграриев-пладненцев» во главе с Гемето⁴⁴. Это утверждение основывается на заявлениях самого Гемето, который, ссылаясь на организованый им заговор в феврале 1941 г., пытался выдать себя за зачинателя вооруженной борьбы против фашизма в Болгарии⁴⁵. Однако руководимые Гемето заговорщики действовали, по словам Ц. Драгойчевой, «в неверном направлении, неверными методами и вдохновлялись реакционными целями»⁴⁶. Заговор нанес вред антифашистскому движению в стране: фашистское правительство использовало его для оправдания террора против коммунистов и других антифашистов как раз в тот момент, когда антифашистское движение собирало силы, готовилось к переходу от обороны к наступлению. Кроме того, народные массы остались безучастны к этой акции, которая не имела ничего общего с делом создания широкого антифашистского союза демократических сил⁴⁷.

Противоречит историческим фактам и утверждение буржуазных историков о пассивности БРП, о том, что коммунистическая партия лишь ле-

³⁷ J. F. Brown. Ibid., p. 8—9; N. Oren. *Bulgarien communism...*, p. 262; M. Miller. Ibid., p. 202—203.

³⁸ L. A. Dellin. Ibid., p. 119.

³⁹ J. F. Brown. Ibid., p. 5.

⁴⁰ R. Staar. Ibid., p. 33.

⁴¹ Ил. Димитров. Там же, стр. 88.

⁴² См. «Материалы дискуссии о характере буржуазной оппозиции и правительства К. Муравиева в Болгарии», «Известия на института по история на БКП». София, 1974, т. 30, стр. 189.

⁴³ N. Oren. *Revolution administered...*, p. 66; R. H. Markham. *Tito's Imperial Communism*. The University of North Carolina press, 1947, p. 210.

⁴⁴ N. Oren. *Revolution administered...*, p. 66—67.

⁴⁵ K. Todorov. *Balkan Firebrand*, Chicago, New York, № 4, 1943, p. 306; «Земедельско знаме», 18 IX 1944.

⁴⁶ Ц. Драгойчева. *Поведа на дълга (Спомени и размисли)*, т. 2. Щурмът, София, 1975, стр. 325.

⁴⁷ Д. Петрова. *БЗНС в края на буржоазното господство в България. 1939—1944*. София, 1970, стр. 39—47.

том 1943 г. «подала признаки жизни»⁴⁸. В 1939—1940 гг. БРП возглавила массовое народное движение за заключение пакта о дружбе и взаимопомощи с СССР, решительно выступала против вовлечения Болгарии в войну. 24 июня 1941 г. Политбюро ЦК партии провозгласило курс на подготовку народа к вооруженной борьбе против гитлеризма и монархо-фашизма. Была создана военная комиссия, начата организация вооруженных боевых групп для диверсий и саботажа, партизанских отрядов. В 1942 г. ЦК БРП опубликовал декларацию, в которой призвал руководителей БЗНС, СДП, Демократической и Радикальной партий, группы «Звено», представителей военных, хозяйственных и других массовых организаций, весь народ принять участие в создании ОФ и в осуществлении его программы⁴⁹.

Деятельность коммунистов, направленную на установление контактов с руководителями буржуазных партий, буржуазные историки расценивают как стремление заручиться поддержкой «сильных» и «влиятельных» партий. Поэтому столь одобрительно пишут они о «твердости» Мушанова, Гичева, Пастухова и других, отказавшихся участвовать в ОФ⁵⁰. В то же время реальные причины отказа представителей буржуазной оппозиции войти в ОФ буржуазной историографией не раскрываются. Она воздерживается от оценки деятельности буржуазной оппозиции, избегает ответа на вопрос, кому была выгодна такая политика. Факты же говорят о том, что руководители буржуазных партий не были столь непримиримо настроены к сотрудничеству с коммунистами, как это хотелось бы современным буржуазным историкам. Представители буржуазной оппозиции стремились к такому «сотрудничеству» с БРП, которое означало бы ликвидацию ОФ как претендента в борьбе за власть⁵¹. Они пытались изолировать БРП от других левых сил страны, использовать авторитет коммунистической партии как «демократическую ширму», с тем чтобы за спиной народа заменить одну форму диктатуры буржуазии — фашизм — другой — буржуазной демократией. Не «твердость» буржуазной оппозиции, а страх перед возрастающей ролью БРП, за которой шло большинство народа, антифашистским движением, грозившим уничтожить вместе с монархо-фашизмом господство буржуазии, объясняет ее отказ от участия в ОФ. Политическая линия буржуазной оппозиции — ожидание «знака из дворца» — подтверждает справедливость вывода В. И. Ленина о том, что господствующий класс в антагонистическом обществе предпочитает потерю независимости потере власти⁵². Объективно позиция руководителей буржуазных и мелкобуржуазных партий, препятствовавшая консолидации всех антифашистских сил страны, отвечала интересам монархо-фашистской власти, толкавшей Болгарию к национальной катастрофе.

Стремление коммунистов к расширению политической основы ОФ и после образования Национального комитета буржуазные историки рассматривают как аргумент в пользу своих утверждений о неспособности БРП бороться за власть собственными силами. В действительности попытки БРП привлечь на сторону ОФ буржуазную оппозицию преследовали цель предотвращения ее использования в качестве резерва монархо-фашизма. В письме к ЦК БРП К. Драмалиев, на которого была возложена работа по установлению контактов с представителями нефашистских партий,

⁴⁸ J. F. Brown. Ibid., p. 8; R. Starr. Ibid., p. 33; N. Oren. Revolution administered..., p. 73; M. Miller, Ibid., p. 160.

⁴⁹ «Работническо дело. Избрани статии и материали. 1927—1944». София, 1955, стр. 612.

⁵⁰ N. Oren. Revolution administered..., p. 73; M. Miller, Ibid., p. 161—164.

⁵¹ Ил. Димитров. Там же, стр. 78—79; Д. Петрова. Там же, стр. 88, 115, 159.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 64—84.

отмечал: «...Мы не порвем с ними, попытаемся повлиять. Тем более, что испуганные фашисты начинают прибиваться к ним и настраивать их анти-советски»⁵³.

В буржуазной историографии общепринято определение ОФ как тайной политической коалиции или соглашения лидеров антифашистских партий. История ОФ в ней рассматривается фактически с лета 1943 г., т. е. с образования Национального комитета, тем самым процесс создания ОФ сводится к факту образования НК. В действительности ОФ уже существовал к этому времени и играл важную роль в развитии антифашистской борьбы.

Буржуазные авторы игнорируют факты, свидетельствующие о том, что Отечественный фронт возник прежде всего как народное движение. Организация Отечественного фронта началась с создания местных комитетов в селах и городах. По неполным данным, имеющимся в Музее революционного движения в Болгарии, до конца 1942 г., т. е. задолго до образования Национального комитета было создано более 130 комитетов ОФ⁵⁴. Отечественный фронт сформировался в результате двух взаимосвязанных процессов: сплочения широких масс «снизу» и соглашения руководителей антифашистских партий, т. е. объединения «сверху». Искусственное разделение этих процессов и игнорирование движения масс не позволяет буржуазной историографии объективно раскрыть сущность Отечественного фронта, выявить его специфику по сравнению с обычным политическим соглашением руководителей отдельных партий, реально оценить его значение.

Деятельность ОФ в 1942—1944 гг. буржуазные историки отождествляют с деятельностью Национального комитета и заявляют, что до августа 1944 г. ОФ оставался «пустой рамкой», «не имел реального значения»⁵⁵. Говоря о Национальном комитете ОФ, следует отметить, что его начальная деятельность была фактически парализована колебаниями представителей БЗНС, БРСДП и «Звена», входивших в ОФ. По этому поводу Ц. Драгойчева писала: «Мы затратили много усилий, чтобы убедить демократические группировки забыть свои старые методы и средства, свои надежды на возвращение „хороших“ для них старых времен, когда они управляли без народа и против народа. Может быть, это было нашей ошибкой — было потеряно время»⁵⁶.

Активизация деятельности НК была связана прежде всего с победным наступлением Советской Армии на Восточном фронте и быстрым развитием партизанского движения. К 9 сентября 1944 г. в стране действовало более 600 комитетов ОФ, в которых участвовало около 3855 человек⁵⁷. Комитеты ОФ руководили борьбой в защиту экономических и политических интересов народных масс, проводили большую политико-воспитательную работу, помогали партизанскому движению⁵⁸. Их деятельность подготовила открытие «внутреннего фронта» весной 1943 г., который, как отмечалось в одном из документов штаба болгарской царской армии, неудержимо растет, приковывая внимание и силы власти, «угрожает безопасности

⁵³ См. «Материалы дискуссии о характере буржуазной оппозиции и характере правительства К. Муравиева в Болгарии», стр. 96.

⁵⁴ В. Бонев. Там же, стр. 263.

⁵⁵ R. R. Betts. Ibid., p. 27; J. F. Brown. Ibid., p. 7—8; N. Ogen. Revolution administered..., p. 73.

⁵⁶ «Работническо дело. Избрани статии и материали», стр. 621.

⁵⁷ В. Бонев. Там же, стр. 291.

⁵⁸ Св. Димитрова, В. Филипова. Из дейността на Отечественния фронт до 9 IX 1944. «Известия на държавните архиви». София, 1962, т. 6; В. Ковачев. Нелегалният периодичен печат в периода на въоръжената борба. София, 1966; Б. Стойнов. Бойните групи (1941—1944). София, 1969.

государства»⁵⁹. Весной 1943 г. была сформирована Народно-освободительная повстанческая армия (НОПА), боевая сила сплоченных в ОФ народных масс. Повстанческой армии содействовало более 200 тысяч ятаков, помощников партизан⁶⁰. Комитеты ОФ действовали в условиях жестоких репрессий со стороны монархо-фашизма⁶¹.

Несмотря на серьезные трудности объективного и субъективного характера Отечественный фронт превратился в значительную политическую силу в стране. Именно так оценивало ОФ германское правительство, требовавшее от своего союзника «немедленно и беспощадно уничтожить» ОФ⁶².

В буржуазной историографии дается следующая периодизация истории ОФ. Выделяется период так называемой подлинной коалиции (до весны 1945 г.), период «фальшивой коалиции», начало которого связывается с оформлением оппозиции народно-демократической власти, и с 1948 г. — период «монолитного режима» или «единоличного» руководства ОФ со стороны коммунистов⁶³.

Буржуазные историки, хотя и говорят о периоде «подлинной коалиции», не считают его таковым и рассматривают его лишь как первую фазу «тактики раскола», которую якобы осуществляли коммунисты в отношении своих союзников. По их представлениям, Отечественный фронт был бы «подлинной коалицией» лишь в том случае, если бы коммунисты отказались от важнейшего принципа марксизма-ленинизма — от понимания пролетарской партии как ведущей силы революционного движения. Однако руководящая роль коммунистической партии не декретировалась, а была завоевана в тяжелой борьбе против монархо-фашизма. Партии Отечественного фронта признавали авторитет БРП, ее огромный вклад в дело национально-освободительной борьбы и отдавали себе отчет в том, что участие коммунистической партии в управлении государством было необходимым. Развитие взаимоотношений партий Отечественного фронта, идейно-политическая дифференциация некоммунистических партий и эволюция их программ были обусловлены объективным развитием революционного процесса. Отрицание этой связи предопределило не только неправомерное ограничение буржуазными авторами истории Отечественного фронта развитием межпартийных отношений, но и искаженную трактовку основного содержания этапов его развития.

Таким образом, игнорируя движение масс, изображая ОФ как узкополитическое соглашение представителей нескольких партий, буржуазная историография оказалась не в состоянии реально оценить место ОФ в политической жизни страны, значение его деятельности. Роль ОФ как и всех народных и национальных фронтов, существовавших в годы второй мировой войны в ряде стран Европы, современные буржуазные историки видят лишь в том, что «они придали коммунистам немного исторической законности» для «захвата» власти⁶⁴.

Буржуазные авторы умалчивают о том, что главная задача, для решения которой прежде всего был создан ОФ — победа над фашизмом, — бы-

⁵⁹ В. Бонев. Там же, стр. 272.

⁶⁰ «История на Българската комунистическа партия». София, 1969, стр. 481.

⁶¹ О. Василев. Там же, стр. 672; М. Мичев, Р. Гасева-Ханджиева. Фашисткят терор в България. «Известия на държавните архиви». София, 1969, кн. 17, стр. 291—314.

⁶² В. Тошкова. Дипломатическа кореспонденция между София и Берлин за антифашистката съпротива в България (1941—1944). «Известия на държавните архиви». София, 1974, кн. 28, стр. 261.

⁶³ L. A. Dellin, Ibid., p. 125; J. J. Hampen. Ibid., p. 74; H. Seton-Watson. Ibid., p. 170—171; J. F. Brown. Ibid., p. 7.

⁶⁴ R. Gripp. Ibid., p. 127.

ла решена. ОФ подготовил и обеспечил успех антифашистского восстания 9 сентября 1944 г. Антифашистские силы, объединенные в ОФ, боролись не только за восстановление демократических прав и свобод, растоптанных фашизмом, но и стремились обеспечить гарантии развитию демократии: создать действительно национальное народно-демократическое правительство. Такое правительство было создано в результате народного восстания 9 сентября 1944 г., которое разрешило главное противоречие, существовавшее в обществе — между фашизмом и широкими народными массами и положило начало разрешению основного противоречия — между буржуазией и рабочим классом. Таков был главный результат деятельности ОФ в нелегальный период.

В последние годы произошли определенные изменения в подходе буржуазных историков к освещению политического развития народно-демократической Болгарии. Однако изменения эти коснулись главным образом лишь способов аргументации и методов исследования. Вот почему большая часть работ по новейшей истории Болгарии, появившихся в последние годы в Англии и США, в освещении истории Отечественного фронта обнаруживает разительное сходство с антикоммунистическими памфлетами, характерными для 40-х и 50-х годов.

«Социальный заказ» буржуазной историографии состоит в том, чтобы создать атмосферу предубежденного, враждебного отношения к коммунистической идеологии и практике, запугать мелкобуржуазного обывателя «коммунистической опасностью», способствовать формированию взглядов на политику народного фронта на основе не реальных фактов, а тех искаженных представлений о ней, которые характерны для сочинений большинства буржуазных авторов.

С. И. БОЧКАРЕВА

РУССКО-СЕРБСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА 70-х ГОДОВ XIX ВЕКА

В середине 70-х годов XIX в. на Балканах разразился новый, самый глубокий и значительный Восточный кризис. На этот раз он был вызван небывалым размахом национально-освободительного движения, которое охватило все славянские народы Балканского полуострова. Основными звеньями в цепи событий Восточного кризиса 70-х годов были: восстание в Герцеговине, а затем в Боснии, вспыхнувшее в 1875 г., Апрельское восстание в Болгарии 1876 г., сербо-турецкая война 1876 г. и, наконец, русско-турецкая война 1877—1878 гг. Значение этих событий в истории балканских народов трудно переоценить. Поэтому закономерным является тот интерес, который проявляют к ним историки.

Вопрос о русско-сербских отношениях в начале Восточного кризиса — накануне и в период сербо-турецкой войны, имеющий большое научное значение, до сих пор не являлся предметом специального исследования. Он лишь отчасти затрагивался в работах советских и югославских историков, посвященных восстанию в Боснии и Герцеговине 1875—1878 гг. и политике великих держав в этот период¹.

В настоящей статье сделана попытка на основе научной литературы, опубликованных источников и архивных материалов раскрыть основные аспекты русско-сербских отношений в 1875—1876 гг.

Летом 1875 г. в Герцеговине, а затем в Боснии началось восстание, положившее начало Восточному кризису 70-х годов XIX в. В этот период в Сербском княжестве происходили выборы в народную скупщину, и либералы, стремившиеся к власти, развернули широкую агитацию в поддержку восстания. Эта агитация имела большой успех — большинство депутатов скупщины пошло за либералами, так как считало необходимым оказать посильную материальную помощь и моральную поддержку повстанцам в Боснии и Герцеговине. В результате победы либералов на выборах было сформировано либеральное правительство во главе со Стевчей Михайловичем, получившее название «министерства действия». Йован Ристич стал в нем министром иностранных дел.

В стране царил небывалый патриотический подъем. В августе 1875 г. под председательством сербского митрополита Михаила в Белграде был

¹ М. Е к м е џ и ć. *Ustanak u Bosni 1875—1878*. Sarajevo, 1960; «История дипломатии», т. II. М., 1963; «История Югославии», т. I. М., 1963; С. Ј о в а н о в и ћ. *Влада Милана Обреновића, књ. 1*. Београд, 1934; Н. С. К и н я п и н а. *Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974*; С. А. Н и к и т и н. *Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970*; В. Ч у б р и л о в и ћ. *Босански устанак 1875—1878*. Београд, 1930; е г о ж е. *Историја политичке мисли у Србији XIX века*. Београд, 1958.

основан Главный комитет помощи восстанию. Он направлял работу местных комитетов, вербовал добровольцев и посылал их в Боснию и Герцеговину, оказывал повстанцам материальную помощь, снабжал их оружием.

Во главе этого движения стояли сербские либералы, наиболее активные сторонники войны с Турцией. Буржуазная, великосербская по своим устремлениям партия либералов стремилась к объединению всех сербских земель вокруг княжества и созданию «Великой Сербии». Поэтому лидеры либеральной партии считали необходимым вмешаться в события на Балканах, опасаясь, как бы «боснийский вопрос» не был решен без участия Сербского княжества. В своей агитации либералы использовали стремление сербского народа к освобождению и объединению сербских земель.

Главным оплотом либерального правительства была скупщина, большинство депутатов которой поддерживало его внутреннюю и внешнюю политику. Однако в скупщине была и оппозиция. Она состояла из консерваторов и небольшой группы крестьянских депутатов, в которую входили А. Богосавлевич, М. Милованович, Р. Тайсич и М. Глигорьевич². Группа А. Богосавлевича составила ядро будущей радикальной партии в Сербии. Свою основную задачу она видела в борьбе против бюрократической системы и в утверждении самоуправления. Вначале крестьянские депутаты и консерваторы были против вступления Сербии в войну с Турцией, так как считали, что она поможет либералам укрепить свою власть в стране. Но позже их позиция изменилась — они решили, что во время войны смогут уничтожить бюрократическую систему в Сербии и заменить ее самоуправлением.

Итак, вопрос о войне обсуждался главным образом в скупщине, а также в кругах сербской интеллигенции³.

28 августа 1875 г.⁴ в г. Крагуеваце начала свою работу вновь избранная скупщина. На тайных заседаниях депутаты одобрили чрезвычайные военные кредиты и ассигнование 3-х млн дукатов: 1 млн — на вооружение сербской армии, 1 млн — на помощь повстанцам, 3-й млн должен был быть резервным. Скупщина уполномочила правительство заключить на эту сумму займ. Большинство голосов было решено помочь повстанцам, хотя бы и ценой войны с Турцией. Но князь Милан колебался, так как великие державы выступали против вмешательства Сербии в герцеговинские дела. В июле 1875 г. Милан ездил в Вену, где получил совет воздерживаться от выступления на стороне повстанцев.

Правительство России, несмотря на горячее сочувствие в русском обществе делу освобождения славян, в этот период также выступало против вмешательства Сербии в балканские события. Это объяснялось тем, что несмотря на упрочение международного положения России после отмены ограничительных статей Парижского мира в 1870 г., русское правительство стремилось к разрешению возникшего Восточного кризиса дипломатическим путем. Россия не хотела войны, так как не была к ней готова — преобразования в армии, начатые после военной реформы 1874 г., не были завершены, страна испытывала серьезные финансовые затруднения, военные действия в Средней Азии не были закончены. Кроме того, Россия была связана обязательствами по Союзу трех императоров, заключенному в 1873 г. с Австро-Венгрией и Германией, и поэтому в балканских делах она стремилась действовать в согласии с ними. Когда в июне 1875 г. были получены первые сообщения о событиях на Балканах, управляющий министерством иностранных дел России А. Г. Жomini писал русскому по-

² Р. В. Петровић. Адам Богосавлевић. Београд, 1972, стр. 47.

³ В. Чубриловић и В. Ђоровић. Србија од 1858 до 1903. Београд, 1938, стр. 91—92.

⁴ Даты даются по старому стилю.

веренному в делах в Константинополе А. И. Нелидову: «Речь идет о том, чтобы устранить прежде всего то, что может возбудить подозрение Австрии... Главное — во что бы то ни стало продемонстрировать единство трех держав в роли умиротворителей»⁵. Однако с самого начала Восточного кризиса позиции держав Союза в отношении боснийско-герцеговинского восстания и перспектив национально-освободительной борьбы на Балканах в корне различались. Так, в августе 1875 г. в Вене министр иностранных дел России А. М. Горчаков предложил предоставить восставшим провинциям широкую автономию, подобную той, какой пользовалась Румыния. Претворение в жизнь этого предложения привело бы к почти полной независимости Боснии и Герцеговины. Но в то время, как русская дипломатия пыталась расширить размеры уступок повстанцам со стороны Турции, Австро-Венгрия, боявшаяся автономии провинций как этапа на пути их объединения с Сербией и создания на Балканах сильного славянского государства, свела вопрос о покровительстве христианам к программе административных реформ, которая была представлена султану 30 декабря 1875 г. министром иностранных дел Австро-Венгрии Ю. Андраши от имени трех союзных держав. Турецкое министерство иностранных дел согласилось принять почти все пункты этой программы. Однако она не удовлетворяла требований восставших народов Боснии и Герцеговины, так как не решала основных вопросов восстания — аграрного и национального.

Различие позиций в отношении к повстанцам вновь проявилось во время переговоров в Берлине по восточному вопросу (апрель — май 1876 г.) между министрами иностранных дел России, Австро-Венгрии и Германии. Горчаков вновь настаивал на автономии для восставших провинций, а Андраши утверждал, что введение автономии приведет к новым противоречиям и борьбе между мусульманами и христианами. Таким образом, как отмечает советский историк Н. С. Киняпина, «австро-венгерское правительство стояло за сохранение турецкого господства над балканскими народами при внешней заинтересованности в улучшении их положения»⁶. «Встреча в Берлине, — писал Горчаков в отчете за 1876 г., — показала различия в политике России и Австро-Венгрии (при внешнем согласии держав)»⁷.

Русское правительство отдавало себе отчет в том, что вступление Сербии и Черногории в войну с Турцией, не подготовленных к ней ни в экономическом, ни в военном отношении, может привести их к поражению. В этом случае Россия для того, чтобы не потерять своего политического влияния на Балканах, была бы вынуждена выступить в защиту борющихся славян. Именно поэтому руководители русской внешней политики и их дипломатические представители удерживали сербское и черногорское правительства от вмешательства в боснийско-герцеговинское восстание. Так, 11 сентября 1875 г. русский консул в Белграде А. Н. Карцов писал послу России в Константинополе Н. П. Игнатьеву: «С тех пор, как в Скупшине обнаружилось воинственное брожение, я на все тоны пою ему (кн. Милану. — С. Б.), что после самых категорических наших советов оставаться в мире с турками, и после его собственной мирной речи, если бы он теперь увлекся происками либералов, стремящихся вовлечь Сербию в несвоевременную и гибельную для нее войну, он тем навсего утратил бы всякое к себе сочувствие нашего правительства»⁸. А 7 августа 1875 г. Горчаков давал инструкции Карцову в секретной телеграмме: «Объявите князю ре-

⁵ «Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах», т. I. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875—1877. М., 1961, док. 6, стр. 36.

⁶ Н. С. Киняпина. Там же, стр. 148.

⁷ Там же, стр. 149.

⁸ «Освобождение Болгарии...», т. I, док. 34, стр. 101.

шитительно от имени государя, что, если Сербия предпримет наступательные действия против Турции, его величество принужден будет предоставить ее всем последствиям подобного вызова как бы они ни были печальны для страны и для князя»⁹.

Однако даже в правящих кругах России не было единой позиции по славянскому вопросу. К активной политике на Балканах призывали царское правительство в своих периодических изданиях И. С. Аксаков и М. Н. Катков, ее поддерживали такие деятели, как генерал Р. А. Фадеев, М. Г. Черняев и др. В придворных кругах и царской семье за активную поддержку славянского национально-освободительного движения и решительные действия на Балканах выступали императрица Мария Федоровна, наследник Александр (будущий император Александр III) и великий князь Константин Николаевич¹⁰.

Несмотря на вышеизложенную позицию великих держав, в Сербии и Черногории продолжали свою деятельность комитеты помощи повстанцам Боснии и Герцеговины, тайно снабжавшие их деньгами и оружием¹¹, участились выступления в поддержку войны против Турции. Но война привела бы к еще большему углублению кризиса на Балканах. Поэтому, исходя из совершенно различных побуждений, правительства России, Австро-Венгрии и Германии 24 сентября 1875 г. выступили с заявлением, в котором предупреждали сербское правительство, что в случае объявления войны Турции оно останется без поддержки великих держав¹².

Князь Милан, и ранее не согласный с деятельностью либерального «министерства действия», решил распустить его, опираясь на вышеупомянутое заявление. К власти в Сербии пришло коалиционное либерально-консервативное министерство Л. Кальевича. Новое правительство внесло на рассмотрение скупщины предложение об уменьшении суммы займа с 3 до 2 млн дукатов (с 36 до 24 млн дин.), из которых предполагалось 18 млн употребить на вооружение сербской армии, а 6 — на помощь повстанцам¹³.

Во время своего шестимесячного правления министерство Л. Кальевича сделало попытку с помощью либеральных реформ (законы об общинах, личной безопасности, свободе печати) отвлечь внимание общественного мнения страны от внешнеполитических вопросов. Но эта попытка окончилась неудачей. В стране росло влияние либералов — Й. Ристича и его сторонников.

Вынужденное действовать в согласии со своими партнерами по Союзу трех императоров царское правительство не чувствовало полной уверенности в правильности взятого им курса. Хотя Александр II и Горчаков во всех официальных заявлениях высказывались против выступления Сербии в защиту повстанцев, они считали, тем не менее, что она должна готовиться к войне с Турцией.

Судя по донесениям А. Н. Карцова, русское правительство очень интересовал вопрос о готовности Сербии к войне. Так, 27 декабря 1875 г., сообщая Горчакову о военных приготовлениях Сербии, он отмечал трудности, стоящие перед Военной комиссией, сформированной князем Миланом из «лучших офицеров Генерального штаба» под председательством гене-

⁹ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия, 1875, д. 12, л. 39.

¹⁰ Различие в позиции по славянскому вопросу в правящих кругах России, отсутствие «какой-либо определенной системы в действиях, какого-нибудь ясного плана» отмечал в своем дневнике военный министр России Д. А. Милютин (Д. А. М и л ю т и н. Дневник, т. II. М., 1949, стр. 113).

¹¹ С. Ј о в а н о в и ћ. Там же, стр. 279.

¹² «Освобождение Болгарии...», док. 47, стр. 122.

¹³ В. Ч у б р и л о в и ћ и В. Г о р о в и ћ. Там же, стр. 82.

рала Заха¹⁴. К донесению Карцова от 5 февраля 1876 г. приложены таблицы организации милиции, сербской регулярной армии, артиллерии, состава бригад¹⁵. В секретном донесении в МИД от 9 апреля 1876 г. Карцов сообщал, что несмотря на то, что «настоячиво проводится усовершенствование военной организации Сербии», «внезапное нападение оттоманской армии застало бы Сербию в полном беспорядке и мало подготовленной к защите»¹⁶.

При этом сербское правительство не относилось с абсолютной серьезностью к официальным заявлениям России, направленным на удержание сербов от выступления. Оно не сомневалось, что в случае военных неудач Россия придет на помощь. К тому же после подавления Апрельского восстания в Болгарии и сосредоточения на сербской границе хорошо вооруженных турецких войск позиция официальной России становится более определенной. В мае 1876 г. Карцов по указанию царского правительства советовал князю Милану усилить вооружение сербской армии¹⁷.

Надеждой на русскую помощь в значительной мере и можно объяснить вступление Сербии в войну с Турцией. Неблагоприятной была и международная обстановка: Балканский союз, созданный в 1868 г., в который входили Сербия, Черногория, Греция и Румыния, распался задолго до начала сербо-турецкой войны, и таким образом «некогда задуманный поход балканских народов против Турции превратился в войну исключительно Сербии и Черногории»¹⁸. Кроме того, в Болгарии было жестоко подавлено Апрельское восстание. Против войны Сербии с Турцией выступали Австро-Венгрия и Германия.

6 мая в Сербии вернулось к власти либеральное «министерство действия». 9 июня был подписан военно-политический договор с Черногорией. 18 июня сербский князь объявил о начале войны с Турцией.

Накануне войны (в начале июня 1876 г.) сербское правительство с целью получения займа послало в Россию своего представителя — председателя сербского кассационного суда М. Р. Протича. Зная, что официально русское правительство было против вступления Сербии в войну и предоставления ей займа, «министерство действия» считало необходимым прежде всего заручиться поддержкой общественности России для того, чтобы добиться положительных результатов. Поэтому по приезде в Петербург Протич нанес визит И. С. Аксакову, который дал ему ряд рекомендательных писем¹⁹. Попытки Протича действовать через официальные каналы не увенчались успехом. Министр финансов М. Х. Рейтерн направил его к управляющему Государственным банком Е. И. Ламанскому. Но и этот визит не принес ожидаемых результатов. В начале июля Протич был принят Горчаковым. Об этом он писал 7 июля Аксакову: «На днях был я у князя канцлера, и он мне объявил, что позволяют мне заключить заем, но без всякого прямого или косвенного участия правительства; ибо, дав слово союзникам не вмешиваться, Россия должна сдержать его и сдержит. При таком огромном сочувствии русской публики к сербским и славянским делам ... продолжает канцлер, устройте ваши дела, как знаете и можете, и если получите не 6, но 100 миллионов рублей, нам очень будет приятно, но само правительство вам ни гроша не даст, ибо

¹⁴ «Освобождение Болгарии...», док. 75, стр. 167.

¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1876, д. 16, л. 21—28.

¹⁶ «Освобождение Болгарии...», док. 94, стр. 199—200.

¹⁷ М. Е к м е њ и њ. Ibid., s. 229.

¹⁸ В. Ч у б р и л о в и њ. Историја политичке мисли..., стр. 344.

¹⁹ С. А. Н и к и т и н. Русское общество и национальная борьба южных славян в 1875—1876 гг. В сб. Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957, стр. 45.

против наших советов начали войну, так теперь ... выпутывайтесь, как знаете ... »²⁰.

Однако через несколько дней под влиянием императрицы и наследника, выступавших за поддержку славянского движения, отношение к сербскому займу стало меняться. 21 июля в Петербурге у Ламанского состоялось совещание с представителями частных банков. «Заем, — сообщал Аксаков, — или лучше сказать, ссуда Сербии из Государственного казначейства в размере 4-х милл[ионов] рублей разрешена в принципе, но под величайшим секретом и условием, чтобы она была маскирована частными банками и лицами. Государь махнул рукой, сказавши: делайте что хотите, только, чтобы правительство оставалось официально в стороне»²¹.

Просьба сербов о займе встретила самое живое сочувствие в кругах, близких к славянским комитетам. Уже вскоре после приезда Протича в Петербург славянский комитет выдал ему в счет будущего займа 30 тыс. рублей. 29 сентября главнокомандующий сербской армией генерал М. Г. Черняев прислал в комитет телеграмму, в которой просил немедленно выслать в счет займа 100 тыс. червонцев. Телеграмма заканчивалась словами: «Содействуйте всеми силами. Спасайте»²². Тогда по согласованию с Московским Петербургский комитет послал в Сербию почти все свои наличные средства — 100 тыс. рублей. Правительство же обещало выдать ссуду только к концу года²³. К этому же времени был получен заем, но в меньшем размере, чем предполагалось, и поэтому своей главной цели — поддержки Сербии в ее борьбе против Турции — он не достиг.

Таким образом, и в вопросе о сербском займе русское правительство проявило ту же непоследовательность, двойственность и колебания, которые были характерны для его политики в отношении Сербии в этот период.

Начавшаяся сербо-турецкая война поставила перед русской дипломатией нелегкую задачу: необходимо было оказать поддержку балканским славянам вообще и сербам, в частности, но при этом не столкнуться с Австро-Венгрией.

Первая попытка найти решение этой задачи относится к рейхштадтскому свиданию (Чехия) Александра II и Горчакова с Францем-Иосифом и Андраши 26 июня 1876 г. Переговоры касались положения дел в европейской Турции. При этом не было подписано ни формальной конвенции, ни протокола — их итоги были изложены каждой стороной в отдельности. Согласно обеим записям, в Рейхштадте было условлено придерживаться «принципа невмешательства» в сербо-турецкую войну. На переговорах были рассмотрены возможные варианты исхода войны и выработаны совместные действия. Обе стороны решили, что в случае успеха Турции Австро-Венгрия и Россия «потребуют восстановления довоенного status quo в Сербии»²⁴; в случае же победы сербов «державы не окажут содействия образованию большого славянского государства». Однако под давлением России Андраши вынужден был согласиться на территориальные приращения для Сербии и Черногории. Согласно горчаковской записи, Сербия получала «некоторые части Старой Сербии и Боснии» (другую часть Боснии получала Австро-Венгрия), Черногория — Герцеговину и порт на Адриатическом море²⁵.

²⁰ «Освобождение Болгарии...», док. 154, стр. 284.

²¹ С. А. Н и к и т и в. Там же, стр. 46.

²² «Освобождение Болгарии...», док. 297, стр. 437—438.

²³ «Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества». СПб., 1883, стр. 388.

²⁴ «История дипломатии», т. II, стр. 95.

²⁵ Там же, стр. 96.

Размеры территориальных приобретений Сербии, Черногории и территории, на которую претендовала Австро-Венгрия, по русской и австрийской записям не совпадали. Это говорило о том, что в будущем конфликт неизбежен — Австро-Венгрия хотела аннексировать всю Боснию и Герцеговину, а Россия не желала соглашаться с этим и отстаивала права южных славян на часть этих территорий.

В Рейхштадте Россия придерживалась по отношению к освободительному движению балканских народов той же позиции, что и с самого начала Восточного кризиса. «Россия в Рейхштадте, — отмечает акад. В. Чубрилович, — выступает защитницей наших национальных интересов»²⁶.

Несмотря на секретность переговоров в Рейхштадте, о них знал Бисмарк и одобрил их результаты, так как понимал, что рейхштадтское свидание не устранило противоречий между Россией и Австро-Венгрией и не укрепило австро-русского союза. А в основе позиции Германии в начале Восточного кризиса лежало стремление к ослаблению России как более сильного и менее надежного своего партнера по Союзу трех императоров и поддержке Австро-Венгрии как более слабого своего союзника, а также к поддержанию соперничества между ними²⁷. Что же касается позиции Бисмарка, направленной на ослабление России, то с этой целью германский канцлер поддерживал в этот период активную русскую политику на Балканах. Понимая, что война ослабит Россию и в экономическом и в политическом отношении и сделает ее менее опасной для Германии, Бисмарк не препятствовал подготовке России к войне с Турцией и поддерживал дипломатически все ее шаги в этом направлении.

Тем временем на сербо-турецком фронте шли военные действия. После побед начала войны сербская армия попала в затруднительное положение. 12 августа князь Милан обратился к представителям держав в Белграде с просьбой о посредничестве для прекращения войны. Великие державы ответили согласием. Английский посол в Константинополе предложил турецкому правительству предоставить Сербии перемирие на один месяц и немедленно начать переговоры о мире. Послы пяти других держав поддержали это требование. Новое турецкое правительство во главе с султаном Абдул-Хамидом II, пришедшим на смену Мураду V в результате государственного переворота 19 августа, согласилось прекратить военные действия, но в свою очередь потребовало заключения прелиминарного соглашения об условиях мирного договора. Но державы отвергли это требование, и Турция была вынуждена приостановить временно, до 13 сентября, военные действия. Однако по истечении срока перемирия они были возобновлены, и в то время как великие державы разрабатывали планы решения восточного вопроса, положение Сербии стало катастрофическим. Не сумев договориться об условиях мира на Балканах, державы под угрозой разрыва дипломатических отношений снова потребовали у Порты немедленного заключения перемирия с Сербией. На это очередное вмешательство великих держав турецкая дипломатия ответила ловким маневром — 28 сентября Порта согласилась на перемирие с Сербией, но при этом выразила готовность заключить его сразу на шесть месяцев. Внешне довольно миролюбивое, это предложение откладывало на длительный срок заключение мира и давало возможность Турции подтянуть резервы, привести в порядок армию и, дождавшись благоприятного времени года, возобновить войну. С этим предложением согласились все державы, кроме России, которая 2 октября отклонила его. Русское правитель-

²⁶ В. Чубрилович. Историја политичке мисли..., стр. 345.

²⁷ С. Д. Сказкин. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974, стр. 61.

ство посоветовало сербскому отказаться от столь длительного перемирия, что и было сделано.

В этот период Россия готовилась решительно вмешаться в балканские дела, так как, медля с выступлением в защиту своего протее, царизм рисковал утратить свое влияние в Сербии²⁸.

В октябре 1876 г. в Ливадии состоялось несколько совещаний по вопросам, связанным с событиями на Балканах. Кроме Александра II на них присутствовали: наследник престола, А. М. Горчаков, Д. А. Милютин, Н. П. Игнатьев, М. Х. Рейтерн, министр двора В. Ф. Адлерберг. Против войны решительно выступил Рейтерн, считавший, что Россия к ней не готова. Милютин же считал войну неизбежной. В результате обсуждения было решено, что Россия должна действовать самостоятельно. В Константинополь был вновь направлен Игнатьев, отозванный в начале года для поездки по странам Европы. Он должен был добиться у султана согласия на созыв конференции в Константинополе по восточному вопросу. В случае отказа Игнатьеву предписывалось порвать дипломатические отношения с Турцией. Русское правительство намеревалось тогда начать войну немедленно, чтобы Турция не успела собрать новые силы²⁹.

Тем временем военные действия на сербо-турецком фронте продолжались. Поражение сербских войск при Алексинаце и прорыв турецкими войсками 17 октября 1876 г. фронта у Джуниса позволили им беспрепятственно продвигаться к Белграду. В этот критический момент, когда Сербия стояла на грани национальной катастрофы, сербское правительство обратилось к России за помощью в скорейшем заключении перемирия.

19 октября русское правительство впервые с начала Восточного кризиса открыто заняло решительную позицию: Игнатьев вручил Порте русский ультиматум — немедленно заключить перемирие с Сербией продолжительностью от шести недель до двух месяцев и согласиться на созыв конференции в Константинополе. Для ответа давался 48-часовой срок. При этом указывалось, что в случае неудовлетворения этих требований последует разрыв дипломатических отношений России с Портой. Напуганное этим неожиданным демаршем турецкое правительство поспешило принять предъявленные требования. Перемирие Сербии с Турцией было заключено сроком на два месяца с 22 октября 1876 г. Русский ультиматум спас Сербию от полного разгрома. По признанию самих сербов, если бы с ультиматумом опоздали на одни сутки, турки захватили бы Белград и вконец разорили Сербию³⁰.

Октябрьский ультиматум имел значение и для России. Это был первый решительный шаг на пути ее подготовки к войне с Турцией. Следующим шагом было подписание 1 ноября указа о мобилизации русской армии. Русское правительство понимало, что выступление против Турции теперь лишь вопрос времени. «Все рухнуло с поражением сербов, и наше позднее пробуждение нас одних компрометирует...»³¹, — писал Игнатьеву А. И. Нелидов.

Но положение Сербского княжества и после заключения перемирия было крайне тяжелым. Даже через два месяца перемирия Сербия была не в состоянии продолжать войну. Об этом сообщал Горчакову Карцов в телеграмме от 28 октября: «На случай, что перемирие не привело бы к миру, князь Милан заранее просит меня доложить Вам, что без нашего вооруженного вмешательства Сербия не будет в состоянии возобновить войну, разве что в течение перемирия, под видом волонтеров, мы пришлем

²⁸ «История дипломатии», т. II, стр. 105.

²⁹ Н. С. К и н я п и н а. Там же, стр. 156—157.

³⁰ «Записки графа Н. П. Игнатьева». «Исторический вестник», май 1914, стр. 457.

³¹ Там же, стр. 431.

ей до 30 т. войска, организованного в России с соответственными денежными средствами». Но в этот период вопрос о вступлении России в войну с Турцией был уже решен. Поэтому против последних строк рукой Александра II написано: «Нет, а мы сами вступим в Болгарию»³².

Правительство России хотело использовать Сербию как союзника в предстоящей русско-турецкой войне. Именно поэтому оно согласилось на приезд в Россию известного дипломата, лидера оппозиционной консервативной партии княжества Й. Мариновича³³. Князь Милан послал его в Петербург с целью убедить русское правительство в том, что в случае русско-турецкой войны Сербия готова выступить на стороне России, но та должна оказать ей материальную помощь³⁴.

В Петербург Маринович повез с собой письма князя Милана Александру II и мемуар о положении Сербского княжества. В мемуаре, предназначенном для русского правительства, говорилось о тяжелом внутреннем положении княжества, его неспособности продолжать войну. Сербские войска могли бы вновь начать военные действия против Турции лишь при условии, что Россия начнет с ней войну. В этом случае Сербия могла бы выставить 50 батальонов пехоты и 25 батарей, если Россия поможет ей оружием и деньгами. Если же вопрос о войне с Турцией еще не решен русским правительством окончательно, Сербия, отмечалось в мемуаре, надеется на поддержку России в деле продления сербо-турецкого перемирия или заключения мира³⁵.

В начале ноября Маринович прибыл в Россию³⁶. Здесь сербское предложение о военном сотрудничестве было принято благосклонно, но Маринович не получил ответа на волновавший сербов вопрос — когда выступит Россия против Турции и выступит ли вообще. Позиция России в отношении Османской империи ставилась в зависимость от итогов Константинопольской конференции, которая была последней попыткой русского правительства решить восточный вопрос мирным путем. Во время переговоров в Петербурге выяснилось, что за свое участие в русско-турецкой войне Сербия требовала расширения своих границ — присоединения Боснии и Старой Сербии, на что руководители русской внешней политики дали Мариновичу довольно туманные обещания: Россия постарается удовлетворить территориальные притязания Сербии «в зависимости от ее услуг и международной обстановки»³⁷. Сербское правительство не знало, что уже шли переговоры между Россией и Австро-Венгрией о нейтралитете последней в русско-турецкой войне ценой согласия России на австрийскую оккупацию Боснии и Герцеговины.

После завершения миссии Мариновича (конец декабря) главной задачей русского правительства в отношении Сербии была реорганизация ее армии, так как теперь уже было решено, что Сербия выступит на стороне России, если последняя начнет войну с Турцией.

22 ноября секретарь русского консульства в Белграде Н. Н. Ладыженский послал в военное министерство секретное донесение с заключением полковника А. С. Зеленого, находившегося в это время в Сербии в составе демаркационной комиссии, о тяжелом положении сербской армии: «С начала перемирия доньше ничего не сделано для ее реорганизации. Беспо-

³² АВПР, ф. Канцелярия, 1876, д. 17, л. 263.

³³ Там же, л. 267; V. J. Vučković. Misija Jovana Marinovića u Petrogradu 1876. «Jugoslovenska revija za međunarodno pravo». Br. 3, god. IV. Beograd, 1957, s. 353.

³⁴ С. Јовановић. Там же, стр. 376.

³⁵ V. J. Vučković. Ibid., s. 354, 355.

³⁶ Ibid., s. 358.

³⁷ С. Јовановић. Там же, стр. 377; V. J. Vučković. Ibid., s. 359.

рядок и анархия полные. Если немедленно будут даны деньги из России и тотчас приступлено к реорганизации, то в случае возобновления военных действий после перемирия, Сербия может выставить дивизию не более 10 тысяч. Задача ее — оборонять Делиград в течение двух, трех недель, до прибытия русских войск»³⁸.

Вслед за этим указом от 23 ноября³⁹ в Сербию была направлена чрезвычайная миссия в составе генерал-лейтенанта А. П. Никитина — начальника Виленского военного округа, полковников Шепелева, Бобрикова и Снесарева, а также финансового контролера А. А. Рихтера⁴⁰.

Задача миссии генерала Никитина заключалась в том, чтобы, изучив на месте состояние сербской армии, составить план реорганизации сербских войск, а затем с согласия сербского военного министерства провести его в жизнь. На реорганизацию распоряжением Александра II назначалась субсидия в 1 млн рублей.

Однако ознакомившись с положением дел на месте, Никитин пришел к выводу о невозможности задуманной реорганизации вследствие непопулярности войны в Сербии и нежелания сербского правительства продолжать ее. 5 декабря 1876 г. он сообщал в Главный штаб: «Бывшая мобилизация показала, что Сербия не хочет войны: людей силою вытаскивали из домов. Правительство, видимо, желает только воспользоваться субсидиею для очистки старых долгов... противодействует всем начинаниям организации, приказание князя не исполняется. В стране отсутствие [средств...]»⁴¹. О неспособности Сербии к продолжению войны сообщал и Карцов, указывая, что «для России было бы вернее не полагать никаких расчетов на вооруженное содействие сербов»⁴².

В конце декабря 1876 г. А. П. Никитин был отозван в Петербург⁴³.

В это время в Константинополе проходила конференция послов Англии, Австро-Венгрии, Франции, Германии, Италии и России для разрешения восточного вопроса. С 29 ноября по 11 декабря между ними велись предварительные переговоры, на которых были выработаны общие условия мира на Балканах. По этим условиям Сербия сохраняла прежнюю автономию, к Черногории присоединялись некоторые территории, Босния и Герцеговина объединялись в одну область. 11 декабря в работе конференции принял участие представитель Турции. Когда ему был предъявлен проект мира с балканскими народами, он объявил, что султан даровал конституцию, вводившую равенство христиан с мусульманами. Таким образом, деятельность держав по улучшению положения балканских народов становилась излишней. Однако и после этого в течение месяца велись переговоры между представителями держав и Порты, целью которых было получение гарантий со стороны султана в проведении обещанных реформ. Но султан, опираясь на поддержку Англии, не шел на уступки. 8 января 1877 г. после бесплодных дискуссий конференция закрылась, не увенчавшись успехом.

Таким образом, усилия русской дипломатии, направленные на мирное решение восточного вопроса, не дали положительных результатов. Как отмечает Н. С. Киняпина, «с провалом работы Константинопольской конференции закончился мирный период развития Восточного кризиса»⁴⁴.

³⁸ «Освобождение Болгарии...», док. 363, стр. 529.

³⁹ ЦГВИА СССР, ф. I, оп. 1, д. 32569, л. 1.

⁴⁰ Ю. С. Карцов. Там же, стр. 48; «Освобождение Болгарии...», док. 357, стр. 519—520.

⁴¹ ЦГВИА СССР, ВУА, д. 8976, л. 135.

⁴² АВПр, ф. Канцелярия, 1876, д. 17, л. 279.

⁴³ Д. А. Милютин. Там же, т. II, стр. 112—113.

⁴⁴ Н. С. Киняпина. Там же, стр. 160.

Россия усилила подготовку к войне. 3 января 1877 г. в Будапеште была подписана тайная русско-австрийская конвенция, которая обеспечивала России нейтралитет Австро-Венгрии. Державы также договорились не расширять сферы своих военных операций: Австро-Венгрия — на Румынию, Сербию, Черногорию и Болгарию, Россия — на Боснию и Герцеговину. Дополнительная конвенция подтверждала условия Рейхштадтского соглашения и главное его положение — отказ от создания большого славянского государства⁴⁵.

В январе 1877 г. Турция начала переговоры о мире с Сербией. От Сербии в них принимали участие Ф. Христич и Д. Матич. Турецкое правительство предложило сербским представителям вести переговоры на основе довоенного *status quo*, а также потребовало удовлетворения ряда требований, главными из которых были: запрет на формирование вооруженных отрядов и создание тайных обществ на сербской территории для действий в соседних областях, допуск турецкого представителя в Белград, подъем турецкого флага на белградской крепости. Сербское правительство соглашалось принять все турецкие требования, за исключением пункта о турецком представителе, поскольку оно противоречило внутреннему законодательству страны, но в свою очередь потребовало исправления границы с Турцией и присоединения Малого Зворника. Однако Порта решительно отвергла территориальные притязания Сербии, но согласилась исключить из текста договора пункт о турецком представителе.

16 февраля переговоры между Сербией и Турцией закончились подписанием мирного договора на условиях довоенного *status quo*, а 21 февраля его текст был опубликован в сербских газетах⁴⁶. Так закончилась сербо-турецкая война.

Подводя итоги, следует сказать, что русское правительство, стремясь разрешить возникший в середине 70-х годов XIX в. Восточный кризис дипломатическим путем, в то же время, чтобы не утратить своего положения покровителя славян, должно было поддерживать освободительную борьбу балканских народов. Вначале это делалось тайно, так как России надо было считаться с позицией Австро-Венгрии и Германии, опасавшихся усиления русского влияния на Балканах. Однако события развивались таким образом, что, медля с решительным выступлением против Турции, Россия рисковала утратить свое политическое влияние. К этому времени стало также ясно, что решение восточного вопроса дипломатическим путем невозможно вследствие позиции западных держав. Поэтому позиция России в отношении Сербии меняется. Готовясь к войне с Турцией, русское правительство стало уже открыто оказывать дипломатическую и материальную поддержку Сербскому княжеству, заняло решительную позицию по вопросу о перемирии между Сербией и Турцией, а затем выступило в защиту сербского народа, предъявив Порте ультиматум, который спас Сербию и от разгрома и от унижительных условий мира.

⁴⁵ Там же, стр. 159—160.

⁴⁶ С. Ј о в а н о в и ћ. Там же, стр. 378—381.

Ю. К. БЕГУНОВ

«МУЧЕНИЕ ИОАННА НОВОГО» ГРИГОРИЯ ЦАМБЛАКА В СБОРНИКЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV в. ИЗ СОБРАНИЯ Н. П. ЛИХАЧЕВА

Русская рукописная традиция с XVI в. приписывает перу знаменитого балканского и восточнославянского писателя Григория Цамблака «Житие» или «Мучение Иоанна Нового»¹.

Иоанн из Трапезунда, богатый греческий купец, принял мученическую кончину в 1330 г. от татарских властей города Белгорода-Днестровского (Аккерман, Cetatea Albă). В 1402 г. мощи Иоанна Нового, провозглашенного первым святым православной молдавской церкви, были торжественно перенесены из Белгорода в Сучаву, столицу молдавского господаря Александра Доброго (1400—1432).

Это был важный церковно-политический шаг. Недавно основанная молдавская православная церковь (1387) и централизованное молдавское государство нуждались в идеологическом обосновании своего суверенитета. Этим целям обычно служили культы средневековых святых. В научной литературе существует мнение, что в то время молдавские церковные власти (митрополит Иосиф Мушат) и сам господарь Александр заказали Григорию Цамблаку, занимавшему тогда пост проповедника Молдовляхийской церкви, написать житие новоявленного мученика. Болгарский писатель исполнил это поручение: он создал свое произведение в духе традиций Тырновской литературной школы².

Агиографическое сочинение пресвитера Григория открывает собой ряд оригинальных произведений славяно-молдавской литературы конца XIV — середины XVII в., являясь образцом для подражания и создания новых произведений гимнографии, эпидейктики, агиографии, а также новых творений изобразительного искусства³.

¹ Книжники московского митрополита Макария, составлявшие в середине XVI в. Успенскую копию 12-томных миней-четых, полагали, что автором сборника из 20 сочинений на праздники и в честь святых был Григорий Цамблак, он же «Григорий инок», «Григорий, мних, пресвитер и игумен», «Григорий, архиепископ российский», он же автор «Жития Иоанна Нового» (см. Оглавление «Книги Григорий Цамблак» под 31 июля в Успенском списке ВМЧ — ркп ГИМ, собр. Синодальное 996, л. 827—931). В многочисленных русских сборниках XVI—XVII вв. «Житие» или «Мучение Иоанна Нового» обычно помещалось под 2 июля, днем церковной памяти Сучавского святого (см., например, ркп БАН СССР, 13.3.24, л. 66—84об., ГБЛ, собр. Н. П. Румянцева 434, л. 436об.—440 об., ГПБ, собр. М. П. Погодина 866, л. 217—226об.; последний список открыт и указан нам Н. Панайотовой, В. Тырново).

² П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблак в Румынии и в старата румынска литература. София, 1966.

³ А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904, стр. 456—466; П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблак в Румынии...

В современной науке «Мучению Иоанна Нового» посвящено немало научных исследований румынских, болгарских и русских ученых. В последние два десятилетия некоторые ученые: болгарский — В. Сл. Киселков⁴, советский — Е. П. Наумов⁵, румынский — П. Нэстурел⁶ — оспорили авторство Цамблака, утверждая, что «Мучение» написал некий молдавский книжник Григорий.

Попытаемся рассмотреть их аргументацию предельно внимательно и в том порядке, как она ими была изложена.

И. В. Сл. Киселков замечает, что «совсем ошибочное мнение, будто упомянутый рассказ (т. е. «Мучение Иоанна Нового». — Ю. Б.) был написан в 1402 или около 1402 г. самим Григорием Цамблаком, сложилось под влиянием русских церковных и литературных исследователей XIX в.» (т. е. П. М. Строева, Макария Булгакова, С. П. Шевырева и др. — Ю. Б.)⁷. Поздний переписчик, продолжает В. Сл. Киселков, ошибочно внес в текст заголовка жития слова «игуменомз свителѣ пантскраторокы», «поскольку он ошибочно отождествлял молдавского автора Григория с Григорием Цамблаком, игуменом Дечанского монастыря Пантократора»⁸.

Это обстоятельство требует пояснения. Прежде всего русские исследователи XIX в. опирались на изучение рукописной традиции, в которой, начиная по крайней мере с XVI в., «Житие Иоанна Нового» приписывалось одному и тому же лицу — Григорию Цамблаку, имя которого в рукописях написано то как «Григорѣ смиренны инскъ и презкитеръ», то как «Григорѣ мнихъ и презкитеръ, игуменъ свителѣ Пантскраторокы», то как «Григорѣ архиепископъ росѣискѣй», то как «Григорѣ прозкитеръ». Нетрудно убедиться, что это именно так, если мы обратимся к рукописным сборникам и к Успенскому списку ВМЧ митрополита Макария под 31 июля. Здесь в оглавлении «Книги Григорѣй Цамблакъ» под № 20 фигурирует «Слово о мученіи свѣтаго и славнаго Иоанна новаго иже к Белеградѣ страдѣхшего»; текст «Мучения Иоанна Нового» этой традиции сохранился в сборнике второй половины XVI в. Син. 235. Поздний переписчик, монах Троице-Сергиева монастыря, переписавший житие белградского мученика в июльскую mineю 1631 г., не совершил ошибки: он только следовал давней традиции, считавшей, что Григорий, игумен Пантократорова монастыря⁹,

⁴ В. Сл. Киселков. Проуки и очерти по старобългарска литература. София, 1956, стр. 255—258.

⁵ Е. П. Наумов. Кем написано Второе Житие Стефана Дечанского? В кн. Славянский архив. М., 1963, стр. 60—73; е го же. К оценке творчества Григория Цамблака. «Советское славяноведение», 1967, № 6, стр. 85.

⁶ P. Năsturel. Une prétendue oeuvre Grégoire Tzambalak. «Le Martyre de Saint Jean le Nouveau». In: Actes du premier CoŃgres international des études balkaniques et sud-est europeennes. VII. Sofia, 26 août — 1 septembre 1966. Littérature, ethnographie, folklore. Sofia, 1967, p. 345—351. За исключением мнения П. Нэстурела, в современной румынской науке «Житие Иоанна Нового» принято считать сочинением Григория Цамблака (см. «Istoria literaturii române». Т. 1. Ed. 2, București, 1970, p. 255. Г. М и х а и л а. Най-старият прѣпис на Похвалното слово за Константин и Елена от Евтимий Търновски (сборникът на Яков от Путна, 1474) в славяно-румънската традиция. В кн. Търновска книжовна школа 1371—1971. Международен симпозиум. Велико Търново, 11—14 октомври 1971. София, 1974, стр. 165; I. Ş i a d b e i. Istoria literaturii române vechi. Bucureşti, 1975. (Такой же точки зрения придерживаются авторитетные историки древнерумынской литературы Мелхиседек Штэфанеску, Н. Каргожан, С. Чобану, А. Пиру, И. Лаудат, Г. Ивашку).

⁷ В. Сл. Киселков. Проуки и очерти..., стр. 256.

⁸ Там же.

⁹ Е. П. Наумов считает, что «отождествление Дечанского монастыря и этой загадочной обители Пантократора... нельзя признать вполне убедительным» (Е. П. Наумов. Кем написано Второе житие Стефана Дечанского?, стр. 65). Свидетельства об обителях, носящих названия Пантократоровых, собраны у А. И. Яцимирского (см. А. И. Я ц и м и р с к и й, Григорий Цамблак..., стр. 105—112).

Григорий, мних и пресвитер Молдовлахийской церкви, а также Григорий, архиепископ российский (киевский митрополит) — это одно и то же лицо ¹⁰.

II. В. Сл. Киселков далее сомневается в том, что Григорий Цамблак был инициатором и участником переноса в 1402 г. мощей Иоанна Нового из Белгорода в Сучаву, так как в это время Цамблак находился в Сербии ¹¹.

Последнее утверждение не представляется нам убедительным. Дело в том, что еще не найдены исторические документы (например, происходящие из Дечанского монастыря), которые помогли бы уточнить, на какое время приходится игуменство Григория Цамблака в Дечанах. Вопрос этот до сих пор не разрешен. Так, А. И. Яцимирский предположительно относил игуменство Цамблака в Дечанах к 1407—1408 гг. ¹², а сербские ученые (например, П. Попович, Д. Павлович, Д. Радойичич и Д. Трифунович и др.), также предположительно — к 1402—1406 гг. ¹³. Однако, на наш взгляд, нет препятствий к построению другой гипотезы о том, что игуменство Григория в Дечанах относится к более раннему времени, например к концу XIV или к самому началу XV в. (1395—1402).

Существует и другая точка зрения: «Маловероятно, чтобы Цамблак вообще жил в Сербии» ¹⁴.

III. В. Сл. Киселков категорически отвергает утверждение о том, что автором «Мучения Иоанна Нового» был Цамблак, считая это утверждение неосновательным и противоречащим истине ввиду следующих причин: 1) спокойный эпический тон, с которым автор рассказа излагает мучение Ивана в Белграде, совсем не совпадает с тоном панегирического и лирического повествования похвальных слов Цамблака; 2) в рассказе не существует никакого намека на участие Цамблака в перенесении Ивановых мощей, хотя такой намек следовало бы ожидать, если Цамблак был участником описанного торжества и автором самого рассказа; 3) факт, что в заглавии рассказа в качестве автора назван некий „Григорий монах и пресвитер Великой молдовлахийской церкви“, еще не вполне доказывает, что упомянутый Григорий тождествен с Григорием Цамблаком, хотя тот также носит имя Григорий. Это проистекает не только оттого, что тот назван в заглавии „монах и пресвитер Великой молдовлахийской церкви“, каковым он и был, а не „игумен на Пантократорова монастырь“, как Цамблак поименован в списках некоторых его произведений...» ¹⁵

В отношении первых двух доводов П. Русев и А. Давидов замечают: «Эти „доводы“ не убедительны, потому что обратное верно: беллетристические моменты в „Мучении Иоанна Нового“ соответствуют беллетристическим моментам в „Слове о Евфимии Тырновском“, а панегирические и лирические места имеются в обоих произведениях. Между произведения-

¹⁰ В этой связи должны отпасть сомнения И. Снегарова относительно тождества Цамблака и некоего Григория Молдавского (И. Снегаров. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV — начале XV в. В кн. Международные связи России до XVII в. М., 1961, стр. 269).

¹¹ Там же, стр. 257. В. Сл. Киселков проходит мимо аргумента, идущего от самого текста «Мучения»: в памятнике говорится, что мощи мученика находились в одной из белградских церквей «70 и множе нѣгда ѿтъ». Точно так же в «Похвальном слове митрополиту Киприану» Цамблак рассказывает о своей последней встрече с Киприаном: «Тридесать и нѣгда ѿтъ»; из контекста выясняется, что «Похвальное слово» было написано через два-три года после смерти митрополита, т. е. в 1408—1409 гг. Следовательно, это «нѣгда ѿтъ» охватывает промежуток не более двух-трех лет. Совпадение в своеобразном способе хронологических обозначений может говорить об одном и том же авторе.

¹² А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак..., стр. 469.

¹³ См., например, ђ. Сп. Радойичич. Творци и дела старе српске књижевности. Титоград, 1963, стр. 178—182; ђ. Трифунович. Стара српска књижевност. Изд. 2. Београд, 1972, стр. 458—468.

¹⁴ Е. П. Наумов. Кем написано Второе житие Стефана Дечанского?, стр. 68.

¹⁵ В. Сл. Киселков. Проуки и очерти..., стр. 257—258.

ми, названными Киселковым в числе Цамблаковых, „Мучением Иоанна Нового“ не существует противоречий — ни в мировоззрении, ни в языковом и стилистическом отношении, ни в литературно-художественном»¹⁶. К этому замечанию следует присоединиться: оно убедительно отводит первые два довода В. Сл. Киселкова. Ясно, что Григорий Цамблак, творивший в разных жанрах — агиографии, гимнографии, гомилетики и эпидейктики, исторических повествований и эпистолографии, — как искусный писатель владел многими стилями; к тому же «эпический тон» «Мучения» сходен с «тоном» «Слова похвального страстям Димитрия Мироточивого» и «Сказания о перенесении мощей пр. Параскевы» Григория Цамблака.

Убедительные историко-литературные параллели и сходные фразеологизмы, доказывающие общность «Мучения Иоанна Нового» с другими сочинениями Цамблака («Житием Стефана Дечанского», «Похвальным словом митрополиту Киприану», «Похвальным словом патриарху Евфимию») привел К. Мечев¹⁷. После этого сопоставительного анализа последние сомнения должны отпасть.

Что же касается третьего довода, то мы уже пояснили, почему «Григорій мниѹз и презкитерз кз Великой церкки молдавскѹхтинской» тождествен Григорию Цамблаку. За это говорит рукописная традиция цамблаковых сборников, идущая по крайней мере от конца XV в.: в не сохранившемся до наших дней сборнике цамблаковых сочинений XV в. Кирилло-Белозерского монастыря, принадлежавшем иноку Герману Подольному в конце XV в., в цамблаковых сборниках конца XV в. (ГИМ, из собр. Е. В. Барсова, № 350; ГБЛ, из собр. Е. Й. Никифорова, № 38), в сборниках XVI в. (ГПБ, из собр. М. П. Погодина, № 1134; ГИМ, из собр. Синодального, № 235 и 236; ГБЛ, из собр. Н. С. Тихонравова, № 242) и многих других, так называемые «сомнительные», по Киселкову¹⁸, «слова» Григория Молдавского подписаны как сочинения Григория Цамблака.

Если допустить дальнейшее логическое развитие рассуждения «ad absurdum», то мы должны тогда допустить, что составители сборников цамблаковых «слов» в XV—XVII вв. совершили фальсификацию, приписав Григорию Цамблаку сочинения, которые ему не принадлежат. Это вряд ли возможно, так как причины и цели подобной фальсификации абсолютно не ясны.

В данном случае *onus probandi*, т. е. необходимость доказывать — обязанность сторонников гипотезы В. Сл. Киселкова, которые должны доказать неаутентичный характер свидетельств сборников XV—XVII вв. и указать источник, причины и цели той традиции, которая якобы соединила вместе двух писателей: Григория Цамблака и Григория Молдавского.

Серьезное впечатление как будто производит последний аргумент В. Сл. Киселкова. Он пишет: «Тот, кто прочитает внимательно процитированный выше отрывок из рассказа о мучении Ивана и о перенесении мощей его из Белграда в Сучаву (т. е. „Иже и кз слсѹха рѣидѹща иже тсгда благочестиваго господетѹожщсѹмоу кзсѹж Молдскѹхѹж и Пемсрѣѹ хрѣстѹлюбезнейшсѹмоу и келикѹмоу кѹксѹдѣ Іѹ Ілѣзандрсѹ... иже тсгда црѣккѹкна

¹⁶ П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблак в Румыния..., стр. 57, прим. 3.

¹⁷ С. М е т с h e v. La Martyrium de Jean le Nouveau d'Akkerman et son auteur. «Byzantinobulgarica», t. III, Sofia, 1969, p. 265—280; К. М е ч е в. Григорий Цамблак. София, 1969, стр. 123—151.

¹⁸ В. Сл. Киселков отрицает авторство Цамблака в случае следующих, написанных между 1401—1403 гг., «слов»: 1) на рождество богородицы, 2) о трех отроках и пророке Данииле, 3) о божественных тайнах, 4) об усопших, 5) о монашеском житии, 6) о преподобных отцах в субботу сыропустную, 7) на рождество Иоанна Крестителя, 8) об апостолах Петре и Павле (см. В. Сл. К и с е л к о в. Проуки и очерти..., стр. 255).

пракацаго «каценѣнѣишаго архієпискоупа Йосифа...» — Ю. Б.), не может не уловить, что целый рассказ был составлен не вскоре после случившегося и не через два или три года после события, а едва ли не после 1432 года; т. е. после смерти как молдавского митрополита Йосифа, который умер в 1408 году, так и воеводы Александра Доброго, который умер в 1432 году¹⁹.

Однако еще А. И. Яцимирский²⁰, а вслед за ним К. Мечев²¹, П. Русев и А. Давидов²² указали, что союз «тогда» в древнеславянских текстах имел значение «в это время» и «теперь».

Таким образом, следует признать, что оба основных вывода В. Сл. Киселкова — «1) что автор Григорий никоим образом не был и не может быть отождествлен с Григорием Цамблаком, который, как известно, умер в начале 1420 года, и 2) что сам рассказ — произведение некоего другого иеромонаха Григория, который подвизался как ревностный служитель сучавской митрополичьей церкви после 1432 года»²³ — недостаточно обоснованы и не могут считаться приемлемыми для современной науки, опирающейся на серьезные археографические, текстологические и историко-литературные разыскания.

Мнение В. Сл. Киселкова было поддержано Е. П. Наумовым, который пишет: «Ранее Цамблаку приписывалось также «Житие Иоанна Нового» (Аккерманского), автором которого, как убедительно показал Киселков, был одноименный румынский церковный писатель (его мы можем назвать Григорием Молдавским, или Сучавским). Между тем это житие, как гласит его заголовок, было написано Григорием, монахом и игуменом обители Пантократора и пресвитером церкви Молдовлахийской. Следовательно, можно полагать, что и другие сочинения Григория, игумена Пантократора, написаны не Цамблаком, а Григорием Молдавским...»²⁴. При этом новых аргументов Е. П. Наумов не приводит; их нет и в заметке Е. П. Наумова «К оценке творчества Григория Цамблака»²⁵. Поверхностное и одностороннее решение проблемы атрибуции «Мучения Иоанна Нового» В. Сл. Киселковым берется под защиту. «От книги Русева и Давидова, посвященной памятнику (который они считают сочинением Цамблака), — продолжает Е. П. Наумов, — мы были бы вправе ожидать подробного анализа вопроса о том, был ли Цамблак автором „Жития Иоанна Нового“... что касается „Жития Иоанна Нового“ — она (т. е. книга П. Русева и А. Давидова. — Ю. Б.) оставляет непоколебленной основную аргументацию В. Сл. Киселкова»²⁶. С этим трудно согласиться: достоинства книги двух болгарских исследователей — очевидны²⁷, а аргументация В. Сл. Киселкова далеко не бесспорна.

¹⁹ В. Сл. Киселков. Проуки и очерти..., стр. 258.

²⁰ А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак..., стр. 92—98. Современные А. И. Яцимирскому ученые также сомневались в авторстве Цамблака, и среди них — А. В. Горский, Мелхиседек Штефанэску, П. А. Сырку, П. П. Соколов, Н. М. Петровский.

²¹ С. М е т с h e v. Sur la paternité de la deuxième Vie d'Etienne Dečanski. «Byzantiobulgarica», t. II. Sofia, 1966, p. 303—321. К. М е ч е в. Григорий Цамблак, стр. 123—135.

²² П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблак в Румыния..., стр. 57—58, прим. 3, стр. 186—187; А. Давидов. За някой стилистични особености на Цамблаковата реч (върху материал от «Мъчение на Йоан Нови» и «Похвално слово за патриарх Евтимий»). В сб. Славистични проучвания (В чест на VII Международен славистичен конгрес). София, 1973, стр. 23—34.

²³ В. Сл. Киселков. Проуки и очерти..., стр. 258.

²⁴ Е. П. Наумов. Кем написано Второе Житие Стефана Дечанского?, стр. 65.

²⁵ Е. Наумов. К оценке творчества Григория Цамблака. «Советское славяноведение», 1967, № 6, стр. 85.

²⁶ Там же.

²⁷ См. рец. Ю. К. Бегунова («Советское славяноведение», 1967, № 2, стр. 84—85).

Румынский ученый П. Нэстурел некритически воспринял гипотезу В. Сл. Киселкова, полагая, что автором «Мучения» был грек Григорий, пресвитер молдавской церкви, написавший это произведение первоначально по-гречески (между 1432—1439 гг.)²⁸. Из двух противоречивых свидетельств «Летописца» Григория Уреке — перенос мощей Иоанна Нового из Белгорода в Сучаву в 1402 г.²⁹ и поиски мощей этого святого в 1414—1415 гг.³⁰ П. Нэстурел принимает за достоверное второе свидетельство, никак не объяснив своего выбора. Также без объяснений говорится об изображении второй супруги Александра Доброго Анны (1410—1415) в сцене переноса мощей святого на раке гробницы Иоанна Нового³¹. Более того, П. Нэстурел считает, что на текст «Мучения» оказала влияние эта сцена, хотя в средневековом искусстве скорее всего наблюдалось обратное воздействие. Письменный текст, как правило, служил источником иконографического сюжета; добавим, впрочем, что в тексте «Мучения» нигде не упоминается жена Александра Доброго (ни первая, ни вторая) и потому наличие изображения второй супруги Александра Доброго на раке не может служить аргументом «за» или «против».

«П. Русев продолжает утверждать, что Цамблак — автор „Мучения Иоанна Нового“, — пишет румынский ученый. — Он основывается на глоссе „Цамблак“, которая читается на поле заголовка и подчеркивает, что она сделана рукою Гавриила, писца кодекса, датирующегося XV в. Это неточно. Палеографически весьма курсивное написание этого слова датируется XVIII в., а не XV в.»³². В свете последнего высказывания П. Нэстурела особенно важны тщательная палеографическая проверка глоссы на поле л. 324 немецкой рукописи 1438 г. Библиотеки Академии Социалистической Республики Румынии MSCR. sl. 164³³, а также поиски новых свидетельств.

Недавно наше внимание привлек еще один молдавский рукописный сборник, как мы полагаем, первой трети XV в., содержащий «Мучение Иоанна Нового» с аналогичной глоссой на поле листа 493—«Цамблак». Приводим здесь его научное описание.

Рукопись Архива ЛОИИ АН СССР, собр. Н. П. Лихачева (ф. 238, русская секция), оп. I (V), № 364—это сборник праздничных «слов» и поучений от субботы 6-й недели поста до Недели всех святых включительно, а в конце добавлено «Мучение Иоанна Нового»; всего в сборнике насчитывается 501 лист и 59 «слов» или глав.

Филиграни рукописи следующие: 1) голова быка с глазами в виде двух кружков, без носа, между рогами — черта, заканчивающаяся звездочкой на пересечении трех линий, как в № 3907, 3908 Лихачева из ркп 1416, 1403 гг., как в № 451—454 Лихачева из польских рукописей

²⁸ P. Năsturel. Ibid.

²⁹ G. Urech. Letopisețul Țării Moldavii. Ed. P. P. Pañaitescu. București, 1955, p. 69.

³⁰ Ibid., p. 71.

³¹ P. Năsturel. Ibid., p. 357.

³² Ibid.

³³ Bibliotecă Akadeṁici RSR, MSCR, sl. 164 (бывш. Нямецкого монастыря, № 106), 4^о, л. 324—330. Описание ркп см. Э. И. К а л у ж н я ц к и й. Сборники Нямецкого монастыря № 20 и 106. СОРЯС АН, ч. XXXIII, № 2, СПб., 1907, стр. 1—61. Интересующая нас запись «Цамблак» находится на л. 324. Изд. текста см. Melhisedec, episcopul. Mitropolitul Grigorie Țamblac. Viața și operele slave. «Revista pentru istorie archeologie și filologie», an. 2, v. 1. București, 1884, № 2, p. 163—173. А. И. Я ц и м и р с к и й. Из истории славянской проповеди в Молдавии. Неизвестные произведения Григория Цамблака, подражания ему и переводы монаха Гавриила. ПДП и И, т. CLXIII. СПб., 1906. Приложения, стр. 3—11; П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблак в Румыния..., стр. 90, 92, 94, 96, 98, 100, 102, 104, 106, 108; 110—122 (фототипическое воспроизведение рукописи).

и не ест гон сла в много мн ка і ѿ а н н а н о
 в а г о . н ж е в б е г р а д ф м ж т в ш а г о с а .
 с в п с а м о г р і г о р і е м м н х о м з , н
 п р е з а н т е р о м в . в т в е л н к о н ц р х в n
 м о л д о в л а х і н с к о м . б л в н ѿ т е : +
 н ѿ ѿ п о у ч н т е л с т в а н ж е д о б р ѣ
 н н к о ж е б в л ю б е з м o п o ж и в
 ш і н ѿ б р а з н . ѿ н n x ж е ѿ б о е
 а n n ѣ н п р ѣ в н н а с т о я щ и n ,
 а ѿ н в р ѣ м е n n m m m o г o п р ѣ
 ш е с т в і e m o п o c л а д n n n o k a
 з а c a . n e б ѿ п р ѣ в a г o в р ѣ м e
 n e n n n t i a c t p a n c a в t m ц y n o
 т ь t e в л k a . n n n n n n n a n o c л a d o k t
 д в е р ь m n i ѿ в р ѣ z e n p p o n z в o л t в a ж
 ц n m m , n n n m n ж д e n n n n n n z d t
 в a a t ь c t i n ж e n d a p c ѿ в a n i n
 c л o в o y б o ѿ z a n n a t n n n n o в e c t n z i
 ѿ a n n n ѿ d o б л e c t n n v m o m ѿ в o n n n x в ѿ
 n n c л a n n e m o б л a g n e n a d x a . k t o ж e e t
 n ѿ x a d . n x o t o p m m ѿ б p a z o m ѿ c б a
 n e t ь c t в a n n x ж e n v t m ц ѿ c n o d o g n e .
Т р a n n z ѿ n n n a c ѿ g o n z n e c ѿ m a ж a . g r a
 c л a в e n n n в e l n k e . в з c t o n n n ѿ ѿ б o m a
 n e ж a щ e n e t ѿ a c ѿ r i ѿ б л n ж e ш n . в e l n
 k o n a ж e a p m e n n a k a c a ж ц a n p o t a t ѿ .

ч а
 б л а
 н а
 =
 +

31

4 17

26

Далее в сборнике следуют слова «отцов церкви» IV—IX вв.: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Исихия Пресвитера, Андрея Критского, Кирилла Александрийского, Мефодия Патарского, Иоанна Дамаскина, Ефрема Сирина, Амфилохия Иконийского, Георгия Никомидийского, Епифания Кипрского, Афанасия Александрийского, Григория Нисского, Аввы Дорофея, Григория Антиохийского, Георгия Кесарийского, Арсения Мниха. Всего — 59 глав. Последняя, 59 глава, — это «Мучение Иоанна Нового».

Слово 59³⁷. Л. 493—499 об. «18ла 2. Мѣченіе свѣтаго и славнаго мѣченика Іоанна Новаго, иже кз Бел'градѣ мѣчишшаго са. Съписано Грѣгѣремъ мни-хомъ и презвитеромъ кз великои цр(к)кви Молдоклахѣнскои. Благослови, штче».

Начало: «Мнѣс и оучителѣтка иже добръ...»

По составу часть Лихачевского сборника первой трети XV в. (главы 35—58) совпадает, в основном, с другим сборником второй четверти XV в. под названием «Преполовение», который был переписан нямецким писцом Гавриилом Уриком³⁸. Любопытно, что в сборнике «Преполовение» нет «Мучения Иоанна Нового». Эти сборники были предназначены для чтений в церкви и вне церкви, например, в монастырской трапезной, на праздничные дни от 6-й Недели поста до Недели всех святых включительно. Вероятно, сборники такого состава имели распространение в молдавской письменности первой трети XV в.

Можно полагать, что Лихачевский сборник написан в Молдавии при господаре Александре Добром, в одном из местных монастырей двумя писцами с другого сборника подобного же состава, насчитывавшего около 60 глав. При нумерации глав нового сборника была пропущена «глава 10» и потому вслед за 9 главой идет 11-я, а глава после главы 28 (на л. 261—264) оставлена без номера.

А в конце сборника было приписано «Мучение Иоанна Нового» с надписью «Цамблак» на поле, как и в рукописи 1438 г. Гавриила Урика.

По тексту Лихачевский список «Мучения» идентичен со списком 1438 г., различия — незначительные, в основном — орфографические, но есть смысловые разночтения. Так, например, в предисловии к «Мучению» читается «дкѣръ мѣченіа ѡкръзае» (Лихачевский список) вм. «дкѣръ ѡкръзаета» (список Урика) «кззмззѣткаа» (Лихачевский список) вм. «кззѣтѣкаа» (список Урика). Нет оснований считать Лихачевский список копией списка Урика; он написан несколько раньше. Гавриил Урик, конечно, мог воспользоваться каким-то списком, подобным Лихачевскому. Анализ разночтений показывает, что оригинал Лихачевского списка был более исправным, чем список Урика; вероятно, оба списка, один независимо от другого, восходили к своему источнику, в котором на поле против заголовка уже находилась приписка «Цамблак».

Свидетельства Лихачевского списка³⁹ первой трети XV в. исключительно важны, во-первых, потому, что убедительно показывают несостоятельность гипотезы Киселкова — Нэстурела о возникновении «Мучения Иоанна Нового» после 1432 г., во-вторых, потому, что еще раз подтверждают авторство Цамблака, позволяют установить существование в молдавской письменности первой трети XV в. устойчивой традиции, связывающей «Мучение Иоанна Нового» с именем Григория Цамблака.

³⁷ На боковом поле — «Цамблак».

³⁸ См. А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. Сб. ОРЯС АН, т. XXIX. СПб., 1905, стр. 737—741. «Преполовение пасхи» — название праздника в честь открытия Христом ученикам своей силы мессии (Ев. от Иоан. 7.14—36).

³⁹ В настоящее время нами учтено около 50 списков XV—XIX вв. «Мучения Иоанна Нового». Критическое издание текста произведения — задача будущего.

К ИСТОРИИ ЭМФИТЕВСИСА В ДАЛМАЦИИ XIII—XIV вв.

XIII — XIV вв. — время расцвета городов Далмации, превращения их в центры ремесла и торговли, бурного роста их населения. Увеличившийся спрос на сельскохозяйственную продукцию втягивал далматинскую деревню в товарно-денежный оборот, способствовал прогрессу ее производства.

Как и во многих странах Европы, в Далмации XIII — XIV вв. идет процесс внутренней колонизации: активное расширение культурных площадей путем расчистки земли от камня, вырубки лесов и кустарников, подъема целины. Важную роль в этом процессе сыграл эмфитевсис — долгосрочная наследственная аренда необработанной земли с закладкой на ней виноградников и садов.

Эмфитевсис был известен еще в древней Греции, откуда он перешел в римское право и получил окончательное юридическое оформление в законодательстве Юстиниана. Эмфитевсис гарантировал арендаторам прочное наследственное владение землей, право отчуждать участок земли (завещать, дарить, продавать) лицам, которые могли бы продолжить его обработку при сохранении невысокой постоянной ренты (канона), прочную исковую защиту, близкую к защите прав собственника. Эмфитевсис давал большой простор для самостоятельной хозяйственной деятельности на арендуемой земле.

Окончательное оформление эмфитевсиса в Далмации в XIII—XIV вв., по-видимому, произошло под большим влиянием долгосрочных (эмфитевских и либеллярных) держаний соседней Италии.

Чем же определялась значительная роль эмфитевсиса в процессе внутренней колонизации в Далмации XIII — XIV вв.? Культурный ареал далматинской земли расширялся главным образом за счет освоения трудоемких каменистых участков, пригодных лишь для выращивания виноградных лоз и оливок. Привлечь рабочую силу для возделывания этих участков на условиях обыкновенной аренды было невозможно. Наиболее подходящей формой держания в данной ситуации оказался эмфитевсис.

Эмфитевсис получает широкое распространение, становится преобладающей формой аренды в Далмации. Так, из 143 опубликованных задарских арендных договоров XIII — XIV вв. 101 является эмфитевским. 39 из 75 арендных договоров, зафиксированных трогиирскими нотариальными актами в 1263—1294 гг., 5 из 7 арендных договоров нотариальной книги шибеничанина Славогоста (24 марта — 10 июня 1386 г.), почти половина всех известных арендных договоров XIII — XV вв. в Астарее, наиболее древнем районе Дубровницкой республики, также в сущности оформляют эмфитевские держания.

Историография вопроса об эмфитевсисе в средневековой Далмации тесно связана с изучением широко распространенной здесь аренды ad

pastinandum (от *pastinare* — «насаждать»), которая, как правило, была эмфитевтической. Фактически каждый исследователь аграрных отношений Далмации в большей или меньшей степени должен был касаться этой формы земельного держания¹, но лишь немногие сближают его с эмфитевсисом. М. Медини полагает, что эмфитевсис в Далмации сохранился с античных времен лишь в районе Задара, а затем отсюда распространился на Шибеник и Нин². Договоры других дистриктов, фиксирующие соглашения о возделывании необработанной земли и посадке плодonoсящих культур, он не считает эмфитевтическими. Рассмотрев конкретные условия эмфитевтического держания в Задарской округе XIII—XIV вв., М. Медини сравнивает его с византийским эмфитевсисом VI в. и приходит к заключению, что задарский эмфитевт имел более ограниченные права держания земли. Это он объясняет уплатой канона не деньгами, а, в основном, натурой³. К сожалению, М. Медини опирается в своих выводах на сравнительно узкий круг источников, не привлекает доступный ему архивный материал, характеризует положение эмфитевтов без учета их социального статуса.

Во многом повторяя М. Медини, в правовом плане рассматривает задарский эмфитевсис И. Беуц⁴. Первая попытка изучить эмфитевсис Далмации с социальной точки зрения принадлежит советскому историку М. М. Фрайденбергу. Сравнивая эмфитевтическую аренду в Византии VI—VIII вв. и окрестностях Задара XIII—XIV в., он отмечает, что задарский эмфитевсис в отличие от византийского, ориентированного на состоятельных собственников, являлся формой эксплуатации мелких производителей, а поэтому имел такие отличительные черты, как многочисленные повинности эмфитевта и строгие наказания за их нарушения, тенденцию держать чинш эмфитевта на высоком уровне⁵. Проанализировав

¹ M. Medini. O postanku i razvitku kmetskih i težačkih odnosa u Dalmaciji. Zadar, 1920; V. Foretić. Otok Korčula u srednjem vijeku do g. 1420. Zagreb, 1940; I. Beuc. Statut Zadarske komune iz 1305 godine. «Vjesnik Državnog arhiva u Rijeci», sv. II. Rijeka, 1954; M. Brandt. Wyclifova hereza i socijalni pokreti u Splitu krajem XIV st. Zagreb, 1955; A. Cvitančić. Pravno uređenje Splitske komune po statutu iz 1312 godine. Split, 1964; G. Novak. Povijest Splita, knj. I. Split, 1955; D. Rolle r. Agrarno-proizvodni odnosi na području Dubrovačke republike od XIII. do XV. stoljeća. Zagreb, 1955; J. Lučić. Agrarno-proizvodni odnosi u okolici Dubrovnika (do polovine XIV stoljeća). «Zgodovinski časopis», XXII, 1968, sv. 1—2. Ljubljana; D. Dinić. Uticaj kuge od 1348. na privredu Dubrovnika. «Godišnjak filozofskog fakulteta u Novom Sadu», knj. V. Novi Sad, 1960; T. Raugar. Ekonomski odnosi na posjedima Rogovskog samostana u XV i XVI stoljeću. «Historijski zbornik», god. XXIII—XXIV, 1970—1971; А. Е. Москаленко. К вопросу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в. ВВ, XIII (1958); М. М. Фрейденберг. Поземельные отношения в окрестностях г. Трогира в XIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Вильнюс, 1965; его же. Византийский и далматинский эмфитевсис. «Тезисы докладов седьмой всесоюзной конференции византинистов». Тбилиси, 1965; его же. Далматское крестьянство XIII—XIV вв. «Советское славяноведение», 1970, № 5; его же. Деревья и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв. Калинин, 1972; Н. П. Мананчикова. Формы землепользования в Дубровнике второй половины XIII в. «Вопросы истории славян», вып. 3. Воронеж, 1970; Е. П. Наумов. К истории аграрных отношений в Которском округе (вторая половина XIV в.). «Вопросы истории славян», вып. 3. Воронеж, 1970; В. В. Захаров. К вопросу об аграрных отношениях в Задарском округе в XIII—XIV вв. «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966; его же. О роли арендных отношений в социально-экономическом развитии Далмации XIII—XV вв. «Украинское славяноведение», вып. 10. Львов, 1974.

² M. Medini. Ibid., s. 46.

³ M. Medini. Ibid., s. 34.

⁴ I. Beuc. Ibid., s. 622—625.

⁵ М. М. Фрейденберг. Византийский и далматинский эмфитевсис..., стр. 49.

нотариальные книги Трогира за 1263 — 1294 гг., М. М. Фрейденберг подробно рассматривает аренду в окрестностях этого города во второй половине XIII в. Он характеризует долгосрочную трогирскую аренду *ad pastinandum* со значительными правами возделывателей на выращенные ими насаждения близкими к нормам собственности и устойчивыми правами на землю как эмфитевтическую ⁶.

Данные об эмфитевсисе по Задарскому статуту 1305 г., а также выводы о влиянии эмфитевтической аренды на положение крестьян пригородной зоны Далмации имеются в уже упомянутых статьях ⁷.

В настоящей статье мы попытаемся как можно более детально охарактеризовать эмфитевтическое держание в Далмации XIII — XIV вв., определить его специфику и влияние на социально-экономический облик далматинской деревни, так как эти вопросы еще недостаточно изучены в историографии.

Наиболее богатый для этого материал дают источники Задарского и Шибеницкого дистриктов. Здесь в XIII — XIV вв., как и в соседней Италии, к эмфитевсису прибегали при сдаче в наем невозделанной земли. По договору арендатор обязывался обрабатывать землю, сажать виноградные лозы и плодовые деревья, выплачивать землевладельцу не менее четвертой части урожая. По терминологии Задарского и Шибеницкого статутов земля отдавалась *ad pastinandum*, а арендатор фигурировал как пастинатор. Земельная рента называлась *терратикумом* ⁸.

Для эмфитевсиса в этих районах Далмации была характерна такая классическая черта, как наследственное владение арендуемой землей. Правда, во многих договорах срок аренды обозначался неопределенно: эмфитевт держал посаженный виноградник и платил чинш, «пока виноградные лозы плодоносят» ⁹, или платил за виноградник, «пока держит его и собирает плоды» ¹⁰, но, очевидно, не один десяток лет. Иногда вообще отсутствовало указание срока держания земли эмфитевтом. Вероятно, длительный срок аренды и ее наследственный характер в этих случаях считались само собой разумеющимися.

По условиям договора эмфитевт мог продавать посаженные им на арендуемой земле лозы и плодовые деревья. Однако и юридическая формула «продажа насаждений» не отражала существа дела. Фактически продавались не насаждения, а право эмфитевта владеть землей с насаждениями. В Шибеницком статуте рубрика «Об эмфитевтическом праве» буквально расшифровывается: «Пастинатор пусть не продает свои права без разрешения господина» ¹¹. Упоминание о продаже эмфитевтом «своих прав» имеется и в Задарском статуте ¹². Человек, купивший эмфитевтическое право на владение землей, должен был уплачивать землевладельцу прежний *терратикум* и, очевидно, выполнять обязанности по уходу за насаждениями и доставке *терратикума* в установленное место. При этом землевладелец пользовался правом предпочтительной покупки. В статутах и арендных договорах Задара и Шибеника указывалось, что если пастинатор

⁶ М. М. Фрейденберг. Деревня и городская жизнь..., стр. 108—109.

⁷ В. В. Захаров. К вопросу об аграрных отношениях..., стр. 59—61; е го же. О роли арендных отношений..., стр. 115.

⁸ «Statuta Iadertina cum omnibus reformationibus». Venetiis, 1564 (далее — SJ), II, 83; III, 81, 85 (римскими цифрами обозначены книги, арабскими — статьи); «Volumen statutorum legum et reformationum civitatis Sibenicis». Venetiis, 1608 (далее — SS), IV, 87, 88, 89.

⁹ «Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae». Ed. T. Smičiklas. Zagrabiae, 1904—1934 (далее — CD), III, 212, 367; «Spisi šibenskog notara Slávogosta». Ed. M. Z ja č i ć. «Starine», knj. 44, 1952 (далее — SpS), 3, 6, 105.

¹⁰ CD, III, 297, 312, 313; IV, 5, 347, 381, 440 и др.

¹¹ SS, IV, 88.

¹² SJ, III, 85.

(эмфитевт) желал продать «насаждения» (или «свое право»), то землевладелец в первую очередь мог купить их; продажа другим лицам осуществлялась лишь после отказа землевладельца¹³. О намерении продать «свое право» задарский эмфитевт заявлял собственнику земли в присутствии двух свидетелей. Если в течение 8-ми дней после этого землевладелец не приобретал его, то эмфитевт имел полную свободу продать «свое право» другому лицу. Акт купли — продажи утверждал чиновник-экзаменатор¹⁴.

Отметив «классические» черты эмфитевсиса в Задарском и Шибеницком дистриктах, более подробно остановимся на его особенностях.

В Задарском и Шибеницком статутах, а также в реформациях к ним определены лишь общие условия аренды, и поэтому не указаны сроки посадки виноградных лоз и плодовых деревьев. Длительность же сроков посадки в каждом конкретном случае зависела от всевозможных обстоятельств и могла быть различной: от одной «зимы» до 10 лет¹⁵. Существовали и арендные договоры, в которых срок посадки не указывался¹⁶. В этих случаях, очевидно, посадка виноградных лоз и плодовых деревьев производилась сразу же после сдачи земли в аренду. Недаром в одном из постановлений Задарского статута указывалось, что пастигатор, не посадивший маслины и тутовые деревья, уже в первый год наказывался штрафом в 6 либров¹⁷.

Землевладелец, сдававший землю в эмфитевтическое держание, был заинтересован в получении максимальной выгоды в наиболее короткие сроки. Поэтому в некоторых договорах записывалось, что, если земля не была засажена к указанному сроку, за нее следовало платить как за засаженную¹⁸. Иногда регламентировалась даже норма ежегодной посадки на арендуемом участке. Так, в 1278 г. Кресте Степанов, житель острова Пашман, арендовал у задарского патриция Михи Мартинушича целинную и заросшую лесом землю с обязательством посадки в течение ближайших 8 лет виноградных лоз и 100 корней оливок. Ежегодно Кресте должен был засаживать не менее 0,5 гония земли¹⁹.

Таким образом, время эмфитевтического держания практически делилось на два срока: 1) посадка виноградных лоз и плодовых деревьев и 2) держание виноградников и садов. В некоторых договорах эти два срока специально выделены. Например, в 1314 г. братья Мавро и Филипп из задарского патрицианского рода Гризогонов сдавали своим феодально зависимым крестьянам (иобагионам) в Подице землю для посадки виноградных лоз. После посадки Гризогоны предоставили этот виноградник тем же иобагионам в вечное держание «для обработки»²⁰.

Подразделение времени эмфитевтического держания на два срока создавало возможность для возникновения своеобразной субаренды, когда эмфитевт сдавал посаженный им виноградник в держание другому. Так, в 1337 г. виллан монастыря св. Кршевана Продан Лонгинович, владевший как эмфитевт участком земли с виноградником, сдал виноградник в держание своему сыну Марину. Марин платил монастырю положенную ренту в четверть урожая, а оставшуюся часть делил поровну с отцом²¹.

¹³ SJ, III, 85; SS, IV, 88; «Spisi zadarskih bilježnika Henrika i Creste Tarallo (1279—1308)». Prepisao M. Zjacić. Zadar, 1959, Tarallo (далее — SpT), 62, 92, 102.

¹⁴ SJ, III, 85.

¹⁵ CD, X, I; SpT, 201, 203—210; SpS 3, 6, 27 и др.

¹⁶ CD, IV, 5, 6, 7 и др.

¹⁷ SJ, II, 83, III, 28.

¹⁸ CD, V, 644.

¹⁹ Там же, VI, 227. Задарский гоний равнялся 2369,5 м².

²⁰ CD, VIII, 304.

²¹ CD, X, 228.

В Задарском статуте, реформациях, арендных договорах большое внимание уделялось регламентации посадок в виноградниках оливо и других плодовых деревьев. В статуте указывалось, что при площади заложенного и обрабатываемого виноградника свыше 4-х гоняев пастинатор обязан был посадить вокруг него оливы на расстоянии 3 пассусов²² друг от друга, а внутри виноградника — 4 тутовых дерева и те деревья, которые, по его мнению, приносят пользу винограднику. За невыполнение этого постановления налагался штраф: в первый год 6 либров, в каждый последующий 20 солидов²³. Одна из статей Шибеницкого статута под угрозой штрафа в 40 солидов предписывает пастинаторам сажать оливы вокруг виноградников на расстоянии 4-х пассусов друг от друга, а в виноградниках свыше 4-х гоняев еще по 2 тутовых дерева²⁴.

Частные договоры Задарской округи устанавливали и такие нормы посадки: 15, 20, 25 корней оливо на каждом гоняе земли²⁵. Посадка оливо в виноградниках была довольно выгодна землевладельцам, так как доля урожая, шедшая в их пользу (половина плодов), превышала долю с винограда. Правда, самим эмфитевтам предоставлялось право решать, сажать или не сажать в винограднике оливы и другие деревья²⁶.

Непременным условием сдачи земли в эмфитевтическое держание являлась и обязанность пастинатора добросовестно ухаживать за посаженными им лозами. Согласно одной из реформаций к Задарскому статуту, пастинатор и его наследник обязывались обрезать виноградную лозу и дважды в год в установленное время вскапывать виноградник²⁷. Пастинатор в Задарском и Шибеницком дистриктах, не обработавший виноградник, в первый год наказывался потерей половины урожая, во второй год — потерей всего урожая, в третий год — лишением права на владение землей с виноградником²⁸. Величина ренты зависела от величины урожая. Землевладелец был заинтересован не только в посадке на пустующих землях виноградных лоз, но и в их высокой урожайности.

Задарский статут устанавливал уплату эмфитевтом землевладельцу не менее четвертой части урожая винограда²⁹. Предусматривалось строгое наказание для лиц, понижавших вышеуказанный минимум ренты в четверть урожая. Если землевладелец и эмфитевт договаривались о размере терратикума менее четверти урожая, то каждый из них подвергался большому штрафу — в 10 либров за каждый гоняй арендованной земли³⁰. Интересно, что по другому постановлению Задарского статута землевладелец наказывался за вышеуказанное нарушение штрафом в 25 либров безотносительно к площади земли, отданной в аренду³¹. Можно предположить, что первое постановление касалось мелких землевладельцев, сдававших в аренду 1—2 гоняя земли, а второе — более крупных землевладельцев.

Нам думается, что эти постановления светской власти были направлены против конкуренции со стороны духовенства. Актовый материал свидетельствует о том, что монастыри, заинтересованные в привлечении ра-

²² М. М. Фрейденберг полагает, что passus равен 243 см. М. М. Фрейденберг. Новейшие публикации средневековых памятников Хорватии (1948—1965). «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 170, прим. 43.

²³ SJ, II, 8.

²⁴ SS, IV, 87. Шибеницкий гоняй составлял 852 м².

²⁵ CD, VII, 105; VIII, 213, 395 и др.

²⁶ CD, X, 303, 304.

²⁷ SJ, реф. 63.

²⁸ Там же, III, 86; SS, IV, 89.

²⁹ SJ, III, 81.

³⁰ SJ, III, 82; V, 25.

³¹ Там же, III, 84.

бочей силы для освоения своих земель, нередко предоставляли эфитевтам землю за плату, меньшую четверти урожая. Монастырь св. Кршевана в некоторых случаях получал ренту в размере седьмой и восьмой части ³², а монастырь св. Марии — шестой и десятой части урожая ³³. При нехватке рабочих рук такая политика монастырей создавала значительные трудности для светского землевладения.

Согласно Задарскому и Шибеницкому статутам, земельная рента имела лишь продуктовую форму. Под воздействием товарно-денежных отношений со второй половины XIII в. в арендных договорах появляются добавления о том, что терратикум выражается не только в натуре (плодах, вине), но и в деньгах от их продажи ³⁴. Однако и в XIV в. натуральная форма ренты преобладала, что, очевидно, соответствовало интересам землевладельцев. Тесно связанные с рынком, они предпочитали сами продавать сельскохозяйственную продукцию.

Закон строго охранял интересы землевладельцев при сборе урожая. Согласно Задарскому статуту, если между землевладельцем и пастинатором не было заключено особого договора об уборке урожая, то за три дня до ее начала эфитевт должен был извещать об этом собственника земли, в противном случае эфитевт наказывался потерей урожая ³⁵. Землевладелец перед снятием урожая сам определял его величину, а, следовательно, и величину причитающейся ему доли.

Когда землевладелец желал получить терратикум на месте уборки урожая, то пастинатор обязывался доставлять его долю винограда до барки, которой она переправлялась в город. Если собственник земли изъявлял желание получить терратикум вином, то пастинатор доставлял вино в сосудах до городского порта. От порта до своего дома землевладелец перевозил вино уже за свой счет. По соглашению землевладельца и арендатора способ выплаты терратикума мог быть и иным ³⁶. В некоторых договорах монастырей с эфитевтами указывалось, что при перевозке терратикума сопровождал приказчик монастыря ³⁷. За обман при уплате терратикума эфитевт наказывался потерей урожая того года или чаще постоянным штрафом в 6 перперов ³⁸.

Для привлечения рабочей силы и поощрения труда эфитевтов при большой трудоемкости посадки виноградных лоз и плодовых деревьев землевладельцы предоставляли им льготу в виде отсрочки арендной платы. В Задарской округе XIII — XIV вв., как правило, не практиковалась денежная помощь землевладельца арендатору при посадке виноградных лоз и плодовых деревьев, что наблюдалось в дистриктах Дубровника и Трогира. Это компенсировалось отсрочками арендной платы. Например, иобагион задарского патриция Косы Саладини Юбислав арендовал у Радослава Виревича два участка земли для посадки виноградных лоз. Три года Юбислав ничего не платил землевладельцу. Лишь, начиная с четвертого года, он обязывался отдавать четвертую часть урожая ³⁹. Монастырь св. Николая сдавал своему виллану Вечко Вуричковичу 3 гоняя земли для посадки виноградных лоз. Терратикум уплачивался только

³² CD, III, 212, 297.

³³ Там же, III, 16; IV, 5; «Zadarski kartular samostana sv. Marije». Ured. V. Novak. Zagreb, 1959: 34.

³⁴ CD, V, 879, 923 и др.

³⁵ SJ, III, 87.

³⁶ Там же, III, 88.

³⁷ CD, III, 313 и др.

³⁸ Там же, III, 312, 313; IV, 5, 7, 16, 36, 130, 381, 445; V, 857, 879, 923 и др.

³⁹ CD, IX, 11.

через 7 лет после начала аренды ⁴⁰, хотя до этого лозы, очевидно, уже начали плодоносить.

В течение XIII — XIV вв. эмфитевсис в Северной Далмации не оставался неизменным. Источники Задарской округи свидетельствуют о том, что в XIV в. в эмфитевтических договорах появился ряд нововведений. Со второй половины XIV в. эмфитевтическое держание начинает приобретать черты вечной аренды. В некоторых договорах указывалось, что земля под насаждения сдается «навечно» ⁴¹. И именно в это время в тех же, да и в других договорах фиксируется обязанность эмфитевта размножать виноградные лозы отводками и черенками ⁴². Вполне понятно, что сдача земли навечно под виноградники была невозможна без замены устаревших лоз молодыми.

Многие договоры XIV в. свидетельствуют: эмфитевт мог продать свои «насаждения» лишь при условии, если дарил землевладельцу одного барана или уплачивал определенную сумму денег — в одних случаях — 12 грошей, в других — 20 малых солидов ⁴³. И, наконец, некоторые эмфитевты из феодально зависимых крестьян обязывались ежегодно подносить землевладельцу дары — кур и пироги ⁴⁴. Другими словами — эмфитевсис все более приобретал черты феодального держания.

Эмфитевтические держания, правда, с еще большими отклонениями от «классического» образца, получили распространение и в других районах Далмации XIII — XIV вв. Хотя в статутах Трогира, Сплита, Дубровника, Корчулы, Котора отсутствуют термины «эмфитевт», «эмфитевсис», эмфитевтическое держание предстает здесь в форме договоров об аренде *ad plantandum et pastinandum*.

Ближе других по форме к задарскому эмфитевсису стоит долгосрочная трогирская аренда ⁴⁵. Условия задарского и трогирского держаний во многом аналогичны. Однако юридическая формула трогирского эмфитевтического контракта более лаконична. Например, в ней не упоминается о возможности пастинатора продать свое право на владение землей, первоначально предложив его собственнику земли. Реализация этой возможности зафиксирована отдельными специальными актами отчуждения насаждений (т. е. права на владение землей) ⁴⁶. Кроме того, в отличие от задарских трогирские земельные собственники принимали участие в расходах непосредственных производителей по закупке посадочного материала, по закладке виноградников. Соучастие землевладельцев в производственных расходах увеличивало размер чинша до половины урожая.

Расходы пастинаторов довольно часто компенсировались не денежным, а отсроченным натуральным вознаграждением — половиной возделанной и засаженной ими земли. В этом случае срок аренды, как правило, был небольшим и включал лишь время на закладку виноградника и несколько лет его держания, а затем уже следовал раздел земли ⁴⁷. Но были и отступления от правила: раздел мог произойти сразу после закладки виноград-

⁴⁰ Там же, X, 458.

⁴¹ Там же, XIV, 57, 59, 73.

⁴² Там же, 57, 59, 73, 83, 104, 320, 431.

⁴³ CD, X, 129, 141, 244; XI, 7; XIII, 245, 279 и др.

⁴⁴ Там же, X, 26, 40, 244.

⁴⁵ «Trogirski spomenici». Prepisao i uredio M. Barada (далее — TS), I, Zagreb, 1948: 135 (стр. 64—65), 46 (119), 18 (137), 22 (140—141), 28 (143—144), 29 (235), 35 (238—239) и др.; II, Zagreb, 1950: 143 (66—67), 7 (269—270) и др.

⁴⁶ TS, I, 11 (4), 50 (22), 112 (54), 171 (82), 29 (108) и др.; TS, II, 65 (31), 102 (47), 108 (50), 135 (62), 139 (64) и др.

⁴⁷ TS, I, 265 (407), 274 (411—412), 291 (420—421), 434 (493—494); TS, II, 78 (36), 79 (37), 80 (37—38), 81 (38), 119 (55), 3 (177—178).

ника ⁴⁸ или держание виноградника предусматривалось довольно долго — «пока лозы хорошо плодоносят» ⁴⁹.

Краткосрочная аренда с закладкой виноградника и разделом засаженной земли пополам в XIII — XIV вв. получила распространение и на о. Корчуле ⁵⁰. Не исключено, что эта разновидность аренды *ad pastinandum* была заимствована из Италии, где она имела место еще в X — XI вв. ⁵¹. На о. Корчуле практиковалось и долгосрочное эфитевтическое держание ⁵².

Очень скупы сведения источников о долгосрочном держании *ad pastinandum* в Сплитской округе. Сплитский статут предписывает держателям (по терминологии источника — лабораторам) ежегодно засаживать виноградными лозами не менее одного вретена земли, а на каждом вретене заложенного виноградника высаживать по 6 корней олив. С согласия землевладельца можно было посадить и другие деревья, исключая яблони. Держание виноградника продолжалось «пока лозы плодоносили» ⁵³.

Сплитский статут свидетельствует о том, что лабораторы, подобно задарским пастинаторам, обладали довольно прочными правами на возделанную землю, которые не нарушались ни при перемене собственника земли, ни при отдаче земли в залог ⁵⁴.

Долгосрочные наследственные и вечные эфитевтические держания *ad pastinandum*, как мы уже отмечали, получили довольно широкое распространение в Дубровницкой республике. В большинстве случаев это исполщизина с указанием сроков или ежегодной нормы посадок ⁵⁵. Чинш чаще всего натуральный, но был и денежный — как правило, на церковной земле ⁵⁶. В XIII в. землевладельцы иногда оказывали пастинаторам денежную помощь ⁵⁷. В XIV в. денежная помощь пастинаторам в сумме от нескольких до 10—14 перперов за каждую засаженную златицу земли становится обычным делом. Помимо этого практиковался еще и денежный заем ⁵⁸. Как и задарский эфитевт, дубровницкий пастинатор имел возможность отчуждать право на держание заложенного им виноградника ⁵⁹.

В книге которских нотариев от 1326—1335 гг. также записано несколько договоров о сдаче земли *ad plantandum* в вечное держание или на неопределенное время за натуральным чиншом ⁶⁰. Краткость записей не дает возможности получить полное представление о сущности этих контрактов. Однако, несомненно, что вечное держание фактически превращало пастинатора в эфитевта. Недаром югославский исследователь И. Синдик отожд-

⁴⁸ TS, I, 266 (407—408); TS, II, 115 (53), 115 (218—219).

⁴⁹ TS, I, 276 (413).

⁵⁰ V. Foretić. Ibid., s. 271—272.

⁵¹ М. Л. Абрамсон. О роли арендных отношений в социально-экономическом развитии Южной Италии (IX—XI вв.). «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959, стр. 22 и сл.

⁵² V. Foretić. Ibid., s. 273—275.

⁵³ «Statuta et leges civitatis Spalati». MHJSM, v. II. Zagrabiae, 1878. III, 106. Сплитский вретен равнялся 852 м².

⁵⁴ Ibid., III, 107.

⁵⁵ CD, VI, 133; XI, 129; Spisi dubrovačke kancelarije. Prepisao i uredio G. Cremonšnik, knj. I. Zagreb, 1951: 463, 498, 666, 674, 843, 1052; D. Roller. Ibid., s. 77, 78, 79—81, 84—89, 92—95, 101.

⁵⁶ «Spisi dubrovačke kancelarije», I, s. 498, 666, 1121.

⁵⁷ Ibid., s. 463.

⁵⁸ D. Roller. Ibid., s. 80—82, 84, 85. Дубровницкая златица равнялась 1678 м².

⁵⁹ Ibid., s. 75.

⁶⁰ «Kotorski spomenici». Uredio A. Mayer. v. I. Zagreb, 1951: 55, 61, 145, 146, 191, 396, 397, 493, 764, 775, 1270.

дествляет которское вечное держание с византийским эмфитевсисом⁶¹.

Широкое распространение эмфитевтического держания оказало значительное влияние на социально-экономическое развитие далматинской деревни. Расширился ареал культурных земель, окрепло земледелие, вокруг городов образовались широкие пояса виноградников и садов. Деревня все более втягивалась в товарно-денежные отношения с городом. Создавая большой простор для самостоятельной хозяйственной деятельности, эмфитевсис способствовал росту производительности труда далматинского крестьянина, укреплению его хозяйства. Благодаря разделу возделанной и засаженной земли между землевладельцами и пастигаторами в далматинской деревне происходила частичная регенерация свободной крестьянской собственности на землю.

В непосредственной близости от далматинских городов эмфитевтами становились не только свободные, но и феодально зависимые крестьяне. Так, более чем в 20 эмфитевтических договорах, составленных в Задаре в XIII—XIV вв., держателями предстают феодально зависимые крестьяне — вилланы и иобагионы. Примечательно, что землевладельцы сдавали землю в эмфитевсис как своим, так и чужим вилланам и иобагионам. Это позволяло им удерживать на своей земле рабочие руки и после расторжения феодально зависимыми крестьянами кметских договоров, которые в Задарской округе XIII—XIV вв. заключались еще на короткие сроки — в 5—20 лет. Став эмфитевтами, наследственными держателями земли с большими владельческими правами, вилланы и иобагионы получали возможность улучшить свое экономическое, а при расторжении кметских договоров и социальное положение.

Однако социально-экономические последствия распространения эмфитевтического держания в Далмации были неоднозначными. Наряду с частичным восстановлением в пригородных зонах свободной крестьянской собственности на землю, смягчением эксплуатации и улучшением положения крестьян эмфитевсис укреплял феодальную земельную собственность, а при определенных условиях был переходным этапом к возникновению неразвитых форм кметской зависимости.

При помощи эмфитевсиса номинальная феодальная собственность на ранее почти бесполезные земли превращалась в реальную собственность на культурные земли.

В процессе освоения невозделанной земли феодальных собственников иногда происходил переход от арендных к кметским отношениям. Так, в неразвитые формы кметской зависимости попадали те крестьяне — эмфитевты Дубровницкой республики, которые снимали невозделанные участки земли для закладки виноградников, поселялись на них в домах землевладельцев и подносили им дары⁶². С середины XIII в. в церковных владениях, а с середины XIV в. в светских владениях эти крестьяне стали привлекаться к работе на барщине. Не исключено, что подобным образом оказывались в неразвитой форме кметской зависимости крестьяне-пастигаторы и других районов Далмации. В этом отношении заслуживает внимания одна из реформаций середины XV в. к Задарскому статуту 1305 г. Из нее мы узнаем, что землевладелец мог сдавать в аренду крестьянину свой виноградник с условием, что тот станет «его вилланом» и будет жить в его деревне⁶³. По-видимому, в подобные условия мог попасть и крестьянин, снимавший невозделанную землю.

⁶¹ И. С и н д и к. Комунално уређење Котора од друге половине XII до почетка XV столећа. Београд, 1950, стр. 51.

⁶² D. Roller. Ibid., s. 92—94, 108, 114, 117—119; «Spisi dubrovačke kancelarije», I, 674, 1109.

⁶³ SJ, реф. 109.

К. И. ЛОГАЧЕВ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ в 1910—1920-е ГОДЫ

(Из истории русской славистики)

В последние два-три десятилетия среди зарубежных славистов заметно оживился интерес к изучению кирилло-мефодиевского письменного наследия. Активизацию исследований в области кирилло-мефодиевской проблематики стимулировали, среди прочего, юбилеи, отмечавшиеся в 1962 и 1969 гг. (1100-летие славянской письменности и 1100-летие со времени кончины младшего из братьев-первоучителей). В научном плане эти юбилеи широко отмечались в славянских странах и Греции.

В славянских странах в последние десятилетия увидели свет работы, расширяющие наши знания о древнейшей славянской письменности. Так, в Праге начат изданием и успешно продолжается Словарь старославянского языка, в Болгарии и Югославии был издан ряд важнейших текстов кирилло-мефодиевской традиции.

Значительно возрос интерес к кирилло-мефодиевской проблематике в последнее время и в неславянских зарубежных странах. Так, в 1975 г. в Греции было создано Греческое общество славянских исследований, в деятельности которого разработка кирилло-мефодиевских проблем занимает важнейшее место. Интересные исследования, посвященные древнейшим славянским переводам, были опубликованы в последнее время в США, Англии, ФРГ.

Представляется, что правильная оценка результатов, достигнутых за последнее время зарубежной кирилло-мефодиевской текстологией, вряд ли возможна без соотнесения этих результатов с итогами развития отечественной теории кирилло-мефодиевской текстологии на конец 1920-х годов. Именно к этому времени в отечественном славяноведении была — в применении к кирилло-мефодиевскому письменному наследию — завершена теоретическая разработка оригинальной текстологической концепции и были уяснены важнейшие вехи исторического развития текстов кирилло-мефодиевской традиции.

В данной статье будут описаны и оценены лишь теоретические достижения отечественной кирилло-мефодиевской текстологии. Ввиду того, что история отечественной славистики 1910—1920-х годов изучена пока еще недостаточно, представилось уместным привести здесь некоторые фактические данные о деятельности отдельных славистов и славистических коллективов, занимавшихся в эти годы разработкой кирилло-мефодиевской проблематики.

Еще в 1903 г. на предварительном съезде русских филологов был поднят вопрос о научном издании текстов кирилло-мефодиевской традиции.

Полностью признавая для славистики необходимость такого издания, Академия наук, однако, не смогла тогда изыскать на подобное издание необходимых средств. Поэтому те ученые, которые были особенно заинтересованы в развитии отечественного изучения кирилло-мефодиевского письменного наследия, стали пытаться найти другие источники материальной поддержки задуманного издания.

Одним из таких ученых был крупнейший русский славист И. Е. Евсеев, исследователь, научные заслуги которого Академия наук признала «исключительными»¹. После более чем десятилетних хлопот и борьбы «с невежеством, равнодушием и даже враждебностью влиятельных лиц» И. Е. Евсееву удалось добиться финансирования научного издания текстов кирилло-мефодиевской традиции из синодальных сумм².

Поскольку предпринимаемое издание согласился финансировать синод, Комиссия, призванная подготовить такое издание, была 28 января (ст. ст.) 1915 г. открыта при Петроградской духовной академии³. Комиссия представляла собой большой научный коллектив, объединивший практически всех тогдашних русских славистов — филологов и историков, в той или иной степени занимавшихся кирилло-мефодиевской проблематикой. Состоявшееся 28 января 1915 г. учредительное собрание Комиссии приняло «Положение о составе и деятельности Комиссии», долженствовавшее регулировать формальную сторону ее функционирования⁴. В это «Положение», составленное И. Е. Евсеевым, были включены такие пункты, которые обеспечивали строго научный характер работы Комиссии. Так, согласно «Положению», хотя «состав Комиссии при ее образовании определяется особым указом... синода», ей самой предоставлялось собственное «сформирование... и последующее внутреннее устройство». Комиссия имела право избирать своих новых членов независимо от ведомственной подчиненности кандидатов. Необходимыми для баллотировки той или иной кандидатуры были, согласно «Положению», лишь «рекомендация двух наличных членов Комиссии» и «письменное изложение ожидаемого от предлагаемого лица содействия»⁵. Все отношение Комиссии к совету Петроградской духовной академии заключалось, согласно «Положению», лишь «в праве Комиссии пользоваться помещением для своих занятий, хранения изданий и делопроизводства в здании академии, пересылкою корреспонденции, а также входить чрез Совет академии в... Синод с представлением о своих потребностях и за разрешением на выпуски из печати славянских текстов»⁶.

Характер задач, стоявших перед Комиссией как научным коллективом, был чисто историко-филологическим. Недаром И. Е. Евсеев — фактический руководитель Комиссии — писал одному из ее сотрудников: «Настоятельная просьба — забыть Ваш задор... против филологической работы в издании и исследовании слав[янского] библ[ейского] текста. ...Наша работа будет от начала до конца филологическая»⁷.

Характеризуя Комиссию как научный коллектив нужно сказать и о том, что свои научные задачи она рассматривала как задачи общеславянские и сотрудничество с учеными в других славянских странах считала для себя принципиально необходимым. Уже в первом ее годовом отчете (за 1915 г.) говорилось: «С грустью Комиссия вспоминает о тех южно-

¹ Архив Академии наук СССР (далее — ААН), ф. 1, оп. 1а, д. 175, ОРЯС, § 86; ф. 9, оп. 1, д. 1165, л. 12.

² ААН, ф. 171, оп. 1, д. 51, л. 4—6.

³ Там же, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 21, 42.

⁴ Там же, л. 24, 50—50 об.

⁵ Там же, л. 1.

⁶ Там же, л. 1 об.

⁷ Там же, л. 176 об.

славянских и наших западнорусских рукописных хранилищах, которым в истекшем году суждено было очутиться среди пламени войны, и о той общеславянской задаче, которая носилась пред глазами лучших представителей южнославянской науки: и в Белграде, и в Вильне, и в других культурных центрах Комиссия насчитывала ряд источников для своей работы; среди южнославянских ученых Комиссия предполагала найти сотрудников для своего дела»⁸. В начале 1916 г. И. Е. Евсеев писал Г. А. Ильинскому: «Точно о глаголических текстах можно будет уяснить дело после войны через Вайса, которого я намереваюсь залучить в Комиссию»⁹.

Необходимо отметить, что до открытия Комиссии в отечественной славистике уже были созданы необходимые предпосылки для того, чтобы члены нового научного объединения сразу же могли заняться работами основного характера. Комиссия с самого начала имела «твердую опору для своей деятельности в виде полной подготовки предварительных сведений о библейских славянских рукописях, хранящихся в русских и зарубежных библиотеках в количестве свыше 4000 списков XI — XVII вв. для книг Ветхого Завета, а также о составе и делении рукописного материала», ввиду чего было возможно «с самого начала работы... каждому сотруднику предлагать не только указание рукописей, но и их приблизительное деление и расценку»¹⁰.

Нельзя, наконец, характеризую Комиссию, не упомянуть о том, что многие ее члены работали для нее бескорыстно, не претендуя на вознаграждение¹¹.

Академия наук всегда считала, что идея научного издания текстов кирилло-мефодиевской традиции принадлежала ей¹² и что именно при Петроградской духовной академии Комиссия была организована «по чисто случайным причинам»¹³. Поэтому в самом начале 1918 г. чисто формальная связь Комиссии с Петроградской духовной академией прекратилась, и Комиссия перешла в ведение Отделения русского языка и словесности Академии наук¹⁴. При организационной перестройке Академии наук, начавшейся в 1927 г. в связи с утверждением первого советского академического устава, сохранение Комиссии было сочтено «весьма желательным»¹⁵. В 1929 г. Комиссия сменила свое название (ее стали именовать Комиссией по изданию памятников старославянского языка)¹⁶. По разрабатанному в 1929 г. в Отделении гуманитарных наук проекту эта Комиссия должна была войти на первых порах в состав Отдела славяноведения Института русского языка и литературы, а позднее в состав Института славяноведения¹⁷. Однако ввиду активности марристов, выдвинувших свой проект организации Института славяноведения, Комиссия оказалась оторванной от других славяноведческих академических коллективов и была включена в состав окончательно образованной в конце 1930 г. Комиссии по древнерусской литературе¹⁸.

Если оставить в стороне многочисленные организационные, технические и финансовые вопросы, рассматривавшиеся Комиссией, готовившей

⁸ ААН. Там же, л. 52.

⁹ Там же, л. 170.

¹⁰ Там же, л. 52 об.; ср. ф. 171, оп. 1, д. 51, л. 8 об.— 9.

¹¹ Там же, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 43, 52 об.

¹² Ср. там же, ф. 9, оп. 1, д. 1088, л. 9.

¹³ Там же, д. 1131, л. 4.

¹⁴ Там же, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 72 об.; ф. 9, оп. 1, д. 1131, л. 4—5.

¹⁵ Там же, ф. 1, оп. 1а, д. 176, ГИ § 144.

¹⁶ Там же, ф. 1, оп. 1—1929, д. 253, л. 56 об., 62 об.

¹⁷ Там же, л. 56—56 об., 62; ср. л. 63, 65—65 об.

¹⁸ Там же, л. 56; ф. 1, оп. 1—1930, д. 256, л. 34, 41—41 об., 57, 63, 66.

научные издания древнейших славянских переводов и их позднейших видоизменений, то ее собственно научная деятельность заключалась в обсуждении и выработке на заседаниях ее общего собрания или ее исполнительного комитета принципов научного издания текстов кирилло-мефодиевской традиции, в заслушании и обсуждении на этих заседаниях докладов, сообщений и отзывов по вопросам, так или иначе связанным с историей этих текстов, и в подготовке к печати ряда изданий этих текстов и ряда работ по истории этих текстов.

29 января (ст.ст.) 1915 г., на первом заседании общего собрания, были обсуждены и приняты те принципы полного научного издания текстов кирилло-мефодиевской традиции, которыми Комиссии предстояло руководствоваться в своей деятельности¹⁹.

12 февраля (ст.ст.) 1915 г., на втором заседании общего собрания, было заслушано и обсуждено сообщение И. Е. Евсеева о первых двух томах лицевого летописного свода. И. Е. Евсеев доказывал, что эти два тома, как и весь свод, следует отнести к эпохе Иоанна Грозного, то есть к XVI в.²⁰.

6 марта (ст.ст.) 1915 г., на третьем заседании общего собрания, было заслушано и обсуждено сообщение И. Е. Евсеева о сербских библейских переводах XIV—XV вв. Важнейшим в сообщении был тезис о связи этих переводов с переводом мефодиевским²¹.

21 апреля (ст.ст.) 1915 г., на четвертом заседании общего собрания, был заслушан и обсужден доклад В. Н. Перетца о датируемой XVI в. рукописи № 262 (10) из Виленской публичной библиотеки. В докладе было показано, что эта рукопись содержит ряд различных по характеру и очевидно принадлежащих разным лицам переводов с древнееврейского на западнорусский язык, выполненных в конце XV в.²².

15 ноября (ст. ст.) 1915 г., на первом заседании Исполнительного комитета, были обсуждены и приняты выработанные И. Е. Евсеевым правила издания Геннадиевской Библии 1499 г.²³.

31 января (ст. ст.) 1916 г., на пятом заседании общего собрания, была заслушана речь И. Е. Евсеева, в которой подвергался детальной и глубоко обоснованной критике так называемый «синодальный» перевод Библии на русский язык²⁴.

6 марта (ст. ст.) 1916 г., на шестом заседании общего собрания, было заслушано и обсуждено сообщение И. Е. Евсеева о датируемой 1416 г. чешской глаголической рукописи № XVII-AI из библиотеки Пражского университета. И. Е. Евсеев показал, что текст этой рукописи «в значительной части восходит к хорватским глаголическим текстам старого извода и чрез это связывается с древнейшей древнеславянской — мефодиевской традицией»²⁵.

16 декабря (ст. ст.) 1916 г., на седьмом заседании общего собрания, были заслушаны и обсуждены сообщение В. М. Верюжского «Общий характер Охридской архиепископии и Феофилакт, архиепископ Болгарский» (в сообщении говорилось о двойственном, славяно-греческом характере этой епархии) и доклад И. Е. Евсеева о переводе на славянский язык одного из произведений Феофилакта — «Толкового Евангелия» (в докладе доказывалось, что перевод этот был сделан в Охриде в XI—XII вв.)²⁶.

¹⁹ ААН, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 25—27 об.

²⁰ Там же, л. 31—32.

²¹ Там же, л. 35, 36—37.

²² Там же, л. 38 об.—40 об.

²³ Там же, л. 84, 86—86 об.

²⁴ Там же, л. 45—47.

²⁵ Там же, л. 54 об.—55.

²⁶ Там же, л. 56 об.—59.

29 января (ст. ст.) 1917 г., на восьмом заседании общего собрания, были заслушаны и обсуждены сообщение А. И. Соболевского о Пражских глаголических отрывках XI в. (в сообщении приводились доказательства того, что тексты песнопений в этих отрывках относятся к древнейшей редакции славянского перевода богослужебных книг восточного обряда, которую необходимо связать с деятельностью Мефодия или его ближайших учеников, и что рукопись, к которой принадлежали отрывки, была переписана для употребления в Чехии или Моравии) и сообщение И. Е. Евсеева о польских библейских переводах XIV—XV вв. (в сообщении было показано, что эти переводы в основе своей восходят к переводам кирилло-мефодиевским)²⁷.

2 января (н. ст.) 1919 г., на одиннадцатом заседании общего собрания, была заслушана и обсуждена рецензия И. Е. Евсеева на первый выпуск издания славянского перевода книг Малых пророков, подготовленного Н. Л. Туницким²⁸.

24 декабря (н. ст.) 1920 г., на тринадцатом заседании общего собрания, были обсуждены и приняты предложенные И. Е. Евсеевым принципы работы над упрощенным подготовительным (фактически — упрощенным научным) изданием текстов кирилло-мефодиевской традиции²⁹.

26 февраля (н. ст.) 1921 г., на четырнадцатом заседании общего собрания, был заслушан и обсужден доклад И. Е. Евсеева, где, в частности, затрагивался вопрос о происхождении славянских толковых библейских переводов³⁰.

В 1915—1920 гг., согласно планам работ Комиссии, к печати были подготовлены: Д. И. Абрамовичем — издание славянского перевода Апокалипсиса по рукописи XIII в. из собрания Н. К. Никольского с вариантами из других рукописей³¹; И. Е. Евсеевым — инвентарь славянских библейских рукописей, издание Геннадиевской Библии 1499 г. издание славянского перевода книги пророка Иеремии, «Очерки по истории славянского перевода Библии» (опубликован первый выпуск второй части), «Столетняя годовщина русского перевода Библии» (работа опубликована), «Собор и Библия» (работа опубликована) и рецензия на первый выпуск подготовленного Н. Л. Туницким издания славянского перевода книг Малых пророков (рецензия опубликована)³²; А. В. Михайловым — издание Захарьинского паримийника 1270-х годов с вариантами из четырех других паримийников и пятый выпуск издания славянского перевода книги Бытия³³; А. И. Соболевским — издание славянского перевода книг Царств по рукописи XIV в. FI № 461 из Петроградской Публичной библиотеки³⁴; И. М. Тарабрыным — описание славянской толковой библейской рукописи из собрания Е. В. Барсова³⁵; Н. Л. Туницким — издание славянского перевода книг Малых пророков с толкованием по рукописи XV в. из библиотеки Московской духовной академии с вариантами из двух других рукописей (опубликован первый

²⁷ ААН. Там же, л. 68 об.— 69 об.

²⁸ Там же, л. 108 об.— 109.

²⁹ Там же, л. 123—123 об., 125—126.

³⁰ Там же, л. 127, 251—251 об.

³¹ Там же, л. 111.

³² Там же, л. 28, 36, 42 об., 43, 43 об., 44 об., 45, 51 об., 63 об., 64, 70 об., 84 об., 86—86 об., 88, 89, 90—90 об., 93, 95—96, 101, 102—102 об., 103 об., 108 об.— 109, 111, 112 об.; ф. 171, оп. 1, д. 51, л. 6 об., 7 об.

³³ ААН, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 54, 111, 112, 177 об.; ф. 171, оп. 1, д. 51, л. 7 об.

³⁴ ААН, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 34 об., 36, 43, 44 об., 51 об., 64, 89, 111, 112 об.

³⁵ Там же, л. 111, 112—112 об.

выпуск)³⁶; В. Н. Щепкиным — описание славянской рукописи XVI в. № 1 из собрания Вахромеева³⁷; неустановленными лицами — издания славянских переводов книги Иисуса, сына Сирахова (по Изборнику Святослава 1076 г. и I Вербницкому бревиарию XIV в.) и Песни Песней (по толкованию Феодорита и рукописи XIV—XV вв. № 1 из собрания Погодина)³⁸.

Из важнейших теоретических достижений Комиссии следует назвать, прежде всего, введение понятия о принципиальном различии между двумя типами изданий текстов кирилло-мефодиевской традиции — изданиями подготовительными, или предварительными, и изданиями научными, а также четкое определение степени ценности изданий того и другого типа для кирилло-мефодиевской текстологии.

Подготовительные издания представляют собой передачу типографскими средствами либо текста лишь одной рукописи (примером может служить подготовленное А. Х. Востоковым издание Остромирова Евангелия), либо текста одной рукописи с отдельными местами (вариантами) из других рукописей (примерами могут служить издания, подготовленные Г. А. Воскресенским). Подобные издания принципиально не могут быть чем-либо иным, кроме как собранием сырого материала, ибо для их выпуска в свет предварительное исследование истории кирилло-мефодиевского наследия не является чем-то абсолютно необходимым. Поэтому единственное, что дают подготовительные издания для кирилло-мефодиевской текстологии (здесь следует подчеркнуть, что в данной статье речь идет именно о текстологии, а не об истории славянских языков) — это чисто техническое облегчение работы исследователя, ибо они устраняют необходимость обращаться непосредственно к рукописям (которые могут быть либо труднодоступными, либо трудночитаемыми), облегчают сбор вариантов и т. п.³⁹

Научные издания представляют собой реконструкции первоначальных или последующих редакций памятников кирилло-мефодиевской традиции (примерами могут служить издания, опубликованные в 1935—1936 гг. И. Вайсом). Подобные издания принципиально не могут быть чем-либо иным, кроме как результатом предварительного исследования истории кирилло-мефодиевского наследия.

Подготовка научных изданий и является конечной целью кирилло-мефодиевской текстологии.

При открытии Комиссии, когда определялись ее задачи и принципы ее работы, острая полемика развернулась именно по вопросу о том, какой из двух названных выше типов должно будет представлять главное подготавливаемое ею издание.

На рассмотрение первого заседания общего собрания Комиссии, состоявшегося, как уже было сказано, 29 января (ст. ст.) 1915 г., были представлены «Руководственные соображения и правила для академического издания славянской Библии», автором которых был И. Е. Евсеев, и «Приложение к Положению и Правилам Комиссии», автором которого был А. В. Михайлов⁴⁰. Принципиальное различие между «Руководственными соображениями и правилами» и «Приложением» заключалось в том, что «Руководственные соображения и правила» видели конечную задачу Комиссии в выпуске научного издания, а «Приложение» сводило эту

³⁶ Там же, л. 36, 42 об. — 43, 44 об., 51 об., 64, 70 об., 89, 103 об., 108 об. — 109, 112 об.

³⁷ Там же, л. 111, 112.

³⁸ Там же, л. 124, 126 об.

³⁹ Ср. там же, л. 24 об., 150 об.; д. 2, л. 66.

⁴⁰ ААН, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 25—25 об.

задачу к выпуску издания чисто подготовительного. И. Е. Евсеев, кратко формулируя суть отличия задачи Комиссии согласно «Руководственным соображениям и правилам» от задачи Комиссии согласно «Приложению», сделал на полях последнего помету: «Научное издание, а не ремесленное»⁴¹.

Изданию, которое, согласно «Приложению», должна была представить в распоряжение ученых Комиссия в итоге своей деятельности, надлежало быть лишь собранием сырого, черного рукописного материала, публикуемого во всем своем объеме, без предварительного изучения истории кирилло-мефодиевской рукописной традиции и, как неизбежное следствие, без отделения в публикуемом материале главного от второстепенного⁴². «Приложение» требовало издать все разнообразие чтений славянских рукописных библейских текстов, то есть все качественные и количественные отличия этих текстов друг от друга (вплоть до индивидуальных качественных и количественных вариантов рукописей), и даже часть их правописных отличий друг от друга⁴³. В «Приложении» проводилась мысль, что «печатание текстов... по редакциям в пределах одного вида (паримейный, четий, толковый) и одного извода (русский, югославянский) нежелательно, ибо 1) требует предварительного изучения текстов, 2) в определении редакций может внести, за исключением редких случаев, много субъективных элементов и случайностей и 3) не соответствует цели издания, которое должно быть именно изданием, а не исследованием текста»⁴⁴ и что «в издании текста элементы его исследования неуместны»⁴⁵.

В противоположность «Приложению», в «Руководственных соображениях и правилах», полагавших, что Комиссия должна опубликовать в итоге своей деятельности научное издание, выдвигались такие принципиальные требования, как 1) сначала изучать историю текстов кирилло-мефодиевской традиции и лишь потом готовить основную публикацию, 2) главным считать уяснение и издание редакций этих текстов и 3) включать в основную публикацию лишь то, что для редакций этих текстов характерно. Иными словами, «Руководственные соображения и правила» предусматривали как нечто абсолютно необходимое отбор из имеющегося рукописного материала в основную публикацию лишь того, что имеет действительную ценность для ясного представления об истории кирилло-мефодиевской традиции (здесь снова следует подчеркнуть, что в данной статье речь идет о кирилло-мефодиевской текстологии, а не об истории славянских языков). «Списки XVII в. и второй половины XVI в.», — говорилось в «Руководственных соображениях и правилах», — «наименее ценные, по рассмотрению, могут быть совсем оставлены без привлечения в издание. Остальные списки изучаются применительно к представляемым ими основным редакциям перевода и исчерпываются в интересах восстановления своей редакции. Отсюда в среде этих списков производится естественное ограничение: для уяснения редакции могут оказаться достаточными не все, а только первые по сравнительной цельности и значительности текста списки (приблизительно первый десяток их), равным образом и варианты этих списков могут оказаться пригодными для издания не все, а лишь имеющие редакционное значение. Таким образом чтения, присущие отдельным спискам, чтения буквенные и представляющие формальные и даже словарные особенности, не характерные для редакции не входят в академическое издание»⁴⁶.

⁴¹ ААН. Там же, л. 143 об.

⁴² Там же, л. 25 об. — 26.

⁴³ Там же, л. 26, 142 об., 144 об. — 146 об.

⁴⁴ Там же, л. 143—143 об.

⁴⁵ Там же, л. 149.

⁴⁶ Там же, л. 2.

И. Е. Евсеев, решительно выступая на первом заседании общего собрания против попыток ограничить деятельность Комиссии работой над изданием чисто подготовительным, подчеркивал, что «следует приступить к изданию... после изучения... текстов», что «издание должно быть продуктом не механического только труда, а сознательной, исследовательской работы» и что в нем нужно представить «не нагромождение сырого материала, а исторически существовавшие изводы книги. Для каждого извода книги предварительное изучение должно дать ряд лучших списков книги; ими и следует ограничиться для воспроизведения каждого извода. Опускание второстепенных списков, при таком сознательном отношении к делу, будет не ущербом, а достоинством издания, так как издание не будет засоряться ненужным материалом. Такой способ издания дает возможность выдержать один и тот же порядок при издании всех книг: и книги, имеющие 30—40 списков, и Псалтирь с 3500 списков будут одинаково представлены во всех своих существенных изводах по лучшим спискам. В выборе разночтений точно так же будет проведен прием уважения к значащим, а не ко всем без различия особым чтениям всех рукописей»⁴⁷.

В своем выступлении И. Е. Евсеев убедительно показал, почему предложенная «Приложением» программа работы, сводящаяся к тому, что «из всех до одной рукописи извлекаются все без исключения варианты, и потом весь этот сырой материал, опять только механически сближенный, вносится в издание», неприемлема для Комиссии. По его словам, «если бы предложенный... прием изучения... рукописей применить к другим областям археологического изучения, то должна была бы получиться такая картина: по предписанию... Московского Археологического общества, все представители первобытной археологии свозят в полном объеме, без всякого остатка, все каменные орудия, все черепки, находимые ими при раскопках, в Московский Исторический музей и там складывают их в громадные ярусы до тех пор, пока не будут исчерпаны все стоянки, все городища русской земли, допуская единственное распределение их по объему. Когда будет достигнута исчерпывающая полнота изучаемого материала, тогда будет торжество науки — тогда последует период изучения собранного материала».

«Наука, — продолжал И. Е. Евсеев, — знает способ собирания в изданиях всего сырого материала, хаотический, так сказать, свод всего, что представляет значение для суждения об издаваемом памятнике. ... Сошлемся для образца на старое издание Ветхого Завета Holmes and Parsons, t. I—V, 1798—1828, и большое восьмое издание Нового Завета Типендорфа. И в том и в другом издании использованы для разночтений многие сотни рукописей, и все они объединены самым элементарным способом под одним основным списком в самых разнообразных и причудливых сочетаниях, без всякой попытки подметить и указать какую-нибудь систему в этих сочетаниях. ... Этот пестрый научный багаж в этих изданиях был полезен науке. На него опирались и из него почерпали материал попытки научных классификаций текстов. О нем с несомненной благодарностью вспоминает современный исследователь и издатель текста. Но это не значит, что такого рода метод пригоден навсегда и что современный издатель не должен ни на пядь не отступать от дороги, проторенной его почтенными предшественниками. ... Тип этих изданий пригодный для своего времени, для нашего времени устарел. Наша наука с того времени ушла вперед, не довольствуется простым стихийным подбором подходящего материала, а предъявляет более определенные специализованные требо-

⁴⁷ Там же, л. 26 об.

вания. ... Сырой, механически подобранный материал в наиболее широко поставленном специальном издании не признается сам по себе самодовлеющей научной ценностью, чтобы следовало повторять из-за него в увеличенном и расширенном виде старое, весьма почтенное издание.

И для русской науки миновали уже те времена, когда она могла довольствоваться изданием славянских... текстов в их первобытном стихийном виде. ... Можно твердо сказать, что мы знаем значительно больше половины библейских славянских текстов, можем безошибочно указать им надлежащее место и значение, можем толковать о них не как о совершенно неведомом нам материале, а как о хорошо известных литературных или церковнослужебных памятниках такого-то века славянской истории. Издавать при таких условиях материал, хорошо известный или способный сделаться известным при некотором внимании, по тому способу, какой применяется для вновь открываемых хартумских папирусов, возможно только при непреодолимом стремлении оказаться верным известной теории, закрепившей будто бы на все времена «требования и указания современной филологической науки».

И. Е. Евсеев ясно осознавал, как показывает его выступление, что русской науке не нужно издание, которое «Приложение» предлагало делать Комиссии. «Как Московский исторический музей, — говорил он, — набитый до стропил каменными топорами, скребками и черепками, собранными в полном объеме со всех полей, из всех городищ и курганов Российской империи, не был бы музеем, а был бы складочным местом, или сараем древних вещей, совершенно непригодным для целей научного пользования, так и хаотическое нагромождение механически выбранных из списков вариантов... не будет научным изданием..., где элемент сознательной оценки сырого материала, элемент критики, проверки текста мыслится неизбежно». Ошибочно, подчеркнул он, отождествлять научное издание с изданием «разнообразия рукописных списков». «Оторванное от руководящей, созидающей мысли о группировке и исторической последовательности материала, такое издание заведомо будет слепо к материалу, сопутствующему в истории взятым для обработки рукописям, может опустить в этом сопутствующем материале новые, не уцелевшие черты рукописной традиции, т. е. будет материалом при всей тщательности произведенной обработки в отмечаемых изданием границах неполным и мало надежным. Нам вполне понятны пережитки такого механического метода... С одной стороны, здесь могут иметь значение припоминания о той поре в издании текстов, когда всякий материал из взятой области был ценен; мы о нем говорили. С другой, — здесь можно видеть продолжение традиции старых изданий древнеславянских текстов (например, Маринское Евангелие), где в интересах уяснения древнего церковнославянского языка к основному тексту подводились чтения из других родственных текстов без всякого ограничения. Задачи уяснения мельчайших особенностей языка совершенно справедливо требовали в подобных изданиях исчерпывающего извлечения материала из сравниваемых списков, но этот прием не имеет принципиального значения для всех других изданий, имеющих другую цель и другой материал. Пережитки специального, в иных случаях, действительно пригодного метода совершенно не приложимы к научному изданию...».

И. Е. Евсеев показал также, что содержащаяся в «Приложении» «ссылка... на непререкаемые будто бы требования современной филологической науки лишена всякого значения. Филологическая наука никогда не ставила для себя идеалом ремесленное извлечение рукописных материалов из своих источников. Наоборот, наряду с черновой обработкой или извлечением текста, филологическая наука требует установки над-

лежащего вида этого текста, его идейного и исторического распределения». Издатель славянских текстов не должен выступать лишь «в роли механического собирателя чернового материала, в роли, так сказать, ученого тряпичника». Напротив, ему необходимо самому обработать «весь черновой материал», «а для этого он должен быть и исследователем текста. Исследование текста вынуждает поставить и решить вопрос о значении рукописного материала, списков, их отличий и группировки. Главное значение в издании имеют не списки и их отличия, а их основные русла — изводы. ...Списки и их отличия имеют значение постольку, поскольку они отражают известное течение, или извод текста; вне этого отношения списки характеризуют нечто случайное... — язык, манеру, оплошность писца и т. п. С этой точки зрения один и тот же количественный или качественный вариант в списке редакционного значения, в списке, характеризующем определенную группу списков, имеет одно значение, в списке не типичном, не характерном — другое значение; в первом случае это — вариант редакционный, ... во втором — вариант личный». «Вместо деления, — говорил И. Е. Евсеев, — отличий списков от основных представителей своего типа на качественные, количественные и др., я предлагаю деление их на редакционные и личные. Первые из них — редакционные, как существенно важные, следует в издании воспроизводить в полной мере, вторые — личные, как не имеющие существенного значения для редакции, ...следует полностью опускать. ... Правда, определение основных течений списков дело нелегкое, но зато, когда оно успешно достигнуто, большая и самая трудная половина дела может почитаться выполненной». «Повторяем: — сказал в заключение И. Е. Евсеев, — для целей Комиссии будет иметь непререкаемое значение правило, что ценность списку определяет извод, а не значение извода определяется списком. Списки, стоящие за пределами ценных для извода, не имеют цены для издания... и не вносятся в издание... При осуществлении такого плана не потребуются миллионной организации для выполнения черновой механической работы: вся она будет выполняться при скромных средствах немногими сотрудниками»⁴⁸.

В итоге дискуссии (состоявшейся на первом заседании общего собрания Комиссии (в дискуссии кроме А. В. Михайлова и И. Е. Евсеева участвовали С. О. Долгов, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, И. Г. Троицкий и Н. Л. Туницкий), Комиссия официально приняла именно «Руководственные соображения и правила», а не «Приложение»⁴⁹. Этот факт лучше, чем что-либо другое, свидетельствует о том, что уже в начале нашего века отечественная кирилло-мефодиевская текстология была способна перейти с уровня «механического собирания черновых материалов»⁵⁰ на новый, более высокий уровень.

Показательно, что рецензируя первый выпуск подготовленного Н. Л. Туницким издания славянского перевода книг Малых пророков, И. Е. Евсеев главный недостаток этого издания видел в воспроизведении всех индивидуальных, передаточных черт избранного ведущим списка и в отсутствии попыток сделать хотя бы первые шаги к восстановлению представляемой этим списком редакции⁵¹. Показательно также и то, что когда позднее, в конце 1920 г., Комиссия решила временно заняться работами над «упрощенным подготовительным изданием»⁵², в правилах этих

⁴⁸ ААН, ф. 109, оп. 2, д. 2, л. 65—75 об.

⁴⁹ ААН, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 25—27 об., 50 об.

⁵⁰ Ср. там же, л. 26.

⁵¹ «Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. 23, кн. 2, стр. 281.

⁵² ААН, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 123—123 об., 125—126.

работ было сказано: «стремиться воспроизвести редакцию, а не случайное ее отражение в разновременных р/у/к/опи/сях»⁵³. Таким образом, при всех изменениях планов своих работ Комиссия оставалась верна принципу приоритета редакции над отдельным списком (в результате чего, в частности, «упрощенное подготовительное издание», вопрос о котором был поставлен в конце 1920 г., должно было явиться по существу упрощенным научным изданием).

Интересен в этой связи также и тот факт, что И. Е. Евсеев выступал против того, чтобы при отборе ведущих списков для научного издания поступаться менее сохранными списками, несмотря на их большую редакционность, в пользу списков, не обладающих ярко выраженной редакционностью, но более сохранных⁵⁴.

Из всего этого, однако, нельзя делать вывод, что Комиссия вообще отрицала какую-либо пользу подготовительных изданий для своей работы. Комиссия хорошо понимала, что подготовительные издания могут быть хорошими вспомогательными пособиями при работе над изданиями научными. Поэтому в числе изданий, которые члены Комиссии подготовили к печати в 1915—1920 гг. (эти издания были перечислены выше), был ряд изданий подготовительных.

Далее к числу важнейших теоретических достижений Комиссии следует отнести введение ею понимания редакций текстов кирилло-мефодиевской традиции как «исторических проявлений» последней⁵⁵. Именно основываясь на таком понимании редакций Комиссия намеревалась в своих изданиях этих текстов давать не абстрактные, а «исторически существовавшие изводы»⁵⁶. В отличие от Г. А. Воскресенского, для которого его редакции представляли четыре рукописи, а вариантами редакций были чтения как четых, так и не-четых рукописей, и в отличие от Й. Вайса, для которого его редакция была оформленным в виде связного чисто четьего текста набором чтений, выделенных как из четых, так и из не-четых рукописей, Комиссия всегда связывала понятие редакции с понятием о конкретных формах рукописных книг и никогда не допускала смешения четых и не-четых чтений. Поэтому, например, для Комиссии равнозначными были понятие «древнейшая или кирилловская редакция одного из первых славянских переводов» (то есть понятие, определяемое через время или автора), и понятие «паримийная редакция» (то есть понятие, определяемое через форму рукописных книг)⁵⁷. Иными словами, если Г. А. Воскресенского и Й. Вайса интересовало лишь то, что может быть названо «типом текста», то Комиссия считала необходимым заниматься тем, что может быть названо «типом книги—текста». Отсюда вытекало, что для Комиссии редакции древнеславянских переводов библейских книг являлись производными от редакций конкретных древнеславянских книг, и что Комиссия в определении последних видела необходимую предпосылку для определения первых, ибо последние, будучи определенными, позволяли легко решать многие вопросы, касающиеся первых. Так, о редакционном единстве древнеславянских переводов библейских книг можно было делать обладающие большой степенью достоверности заключения уже на основании простого соседства этих переводов в конкретных древнеславянских книгах одной редакции⁵⁸.

⁵³ ААН. Там же, л. 123 об.

⁵⁴ Там же, л. 144.

⁵⁵ Там же, л. 2.

⁵⁶ Там же, л. 26 об.

⁵⁷ Ср. там же, л. 168, 170, 171, 178, 180, 183.

⁵⁸ Ср. там же, л. 159, 164 об., 165 об., 168 об., 169, 180; д. 2, л. 68 об.

То, что Комиссия стала на путь строгого историзма в определении редакций переводов кирилло-мефодиевской традиции, имело своим естественным следствием широту сферы ее интересов. Комиссия не ограничивалась изучением лишь славянской Библии в узком значении этого термина. В «Руководственных соображениях и правилах» указывалось, что в Комиссии «одновременно с изучением и использованием библейских списков производится изучение и соответствующее делу извлечение библейского материала, содержащегося в небиблейских списках: хронографях, Палее, толкованиях, переводах святоотеческих творений, сборниках — преимущественно древнейших. Составление перечня этих произведений поручается специалистам по славянской и древнерусской письменности. Это обращение к текстам родственной письменности имеет двойное значение: оно расширяет кругозор на исторически-бытовое отражение библейских текстов в нашей письменности и дает новый материал для уяснения наметившихся редакций; самое же главное — оно должно дать уверенность, что издателями не оставлено что-либо существенное из основных редакций, почему-либо, может быть, не сохранившихся в чисто библейских списках»⁵⁹. В соответствии с таким взглядом на свои задачи Комиссия постоянно уделяла внимание изучению отрывков из переводов кирилло-мефодиевской традиции, встречающихся в различных древнеславянских памятниках⁶⁰. Кроме того, Комиссия приняла специальное решение изучать древнеславянские переводы книги Менаандра и сочинений Иосифа Флавия, сопутствовавшие в XV—XVI вв. переводам кирилло-мефодиевской традиции⁶¹.

Наконец, к числу важнейших теоретических достижений Комиссии следует отнести тезис о том, что редакции славянских переводов кирилло-мефодиевской традиции должны обязательно определяться через их греческие оригиналы. «Определение изводов наших славянских ... текстов,— говорил И. Е. Евсеев, — приводит нас к уяснению их отношения к греческим текстам. Наши тексты почти все переведены с греческого, взаимоотношение перевода и оригинала проясняет характер и судьбу перевода, поэтому сопоставление наших славянских переводов с греческими (или иными оригинальными) текстами весьма желательно... Отыскание оригинала сразу ставит славянский текст известного извода в определенное русло. Наибольшая степень соответствия перевода с оригиналом даст возможность установить основное русло перевода и определить последовательный ряд списков, наиболее точно отражающих первоначальный вид перевода; характер отклонений от оригинала в такой же степени будет говорить о степени отдаления известного славянского списка от его основного русла. Точно установленный оригинал перевода — самый надежный свидетель первоначального вида и судьбы перевода, не заменимый ни в каком случае ни языковыми, ни графическими признаками»⁶². Различия типов греческих текстов давали, согласно И. Е. Евсееву, «неопровержимые опоры» для определения редакций древнеславянских переводов с этих текстов⁶³.

Выдвижение и обоснование этого тезиса Комиссией имело особенно важное значение в связи с тем, что многие тогдашние слависты разделяли следующую точку зрения А. В. Михайлова: цель издания памятников кирилло-мефодиевской традиции «должна быть только научная

⁵⁹ ААН, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 2—2 об.; ср. там же, л. 27.

⁶⁰ Там же, л. 54 об., 63 об., 96, 111, 112 об.

⁶¹ Там же, л. 94; ср. там же, л. 2 об.

⁶² Там же, д. 2, л. 73 об.— 74 об.

⁶³ Там же, д. 1, л. 183; ср. там же, л. 185.

в пределах древнеславянских текстов..., без отношения к подлинникам, с коих эти тексты были переведены»⁶⁴.

В своей рецензии на первый выпуск подготовленного Н. Л. Туницким издания славянского перевода книг Малых пророков, И. Е. Евсеев привел конкретные примеры того, что сопоставление древнеславянских переводных текстов с их греческими оригиналами позволяет установить первоначальный облик этих текстов. Здесь же И. Е. Евсеев подчеркнул чрезвычайно важное обстоятельство, которое большинство славистов, изучающих кирилло-мефодиевское наследие, не осознали до сих пор: изданий тех типов греческих библейских текстов, к которым относились оригиналы кирилло-мефодиевских переводов, нет, существующие издания греческих библейских текстов оригиналами этих переводов считаться не могут, поэтому для славистов, работающих в области кирилло-мефодиевской текстологии, самостоятельное изучение истории греческих библейских текстов под углом славистических интересов является абсолютно необходимым⁶⁵.

Практическим результатом работы, проводимой на основе всех этих теоретических положений, должно было стать выделение не грубо обобщенных, абстрактных, а детально дифференцированных и конкретно исторически идентифицируемых редакций. Именно строгого различения редакций с самого начала работы над древнеславянскими переводами прежде всего требовал И. Е. Евсеев в своих письмах-инструкциях сотрудникам Комиссии. Он привлекал внимание своих коллег не только к главным редакциям этих переводов (паримийной — кирилловской, четьей — мефодиевской, четьей — сimeoновской южнославянской и четьей — сimeoновской русской), но и к их второстепенным редакциям (к редакциям в пределах паримийной редакции⁶⁶, к редакции, представляемой, возможно, датированной XIV в. рукописью № 1 из библиотеки Троице-Сергиевой лавры⁶⁷, к возможной редакции времен Иоанна Грозного⁶⁸, к возможной хронографической редакции⁶⁹, к редакциям скорининской и представляемой датированной XVI в. рукописью № 262 (10) из Виленской публичной библиотеки⁷⁰, и к другим обнаруживающимся для отдельных переводов редакциям⁷¹). Он также предостерегал своих коллег от повторения ошибок, допускаявшихся ранее исследователями при выделении редакций переводов кирилло-мефодиевской традиции (в частности, от повторения ошибок А. В. Михайлова, который, готовив в течение многих лет обширное исследование о древнеславянском переводе книг Бытия, так и не сумел ни разделить две важнейших редакции его четьего текста — сimeoновскую южнославянскую и сimeoновскую русскую⁷², ни обосновать выбор основного списка для четьей — сimeoновской русской редакции⁷³).

Определяя значение в наши дни итогов развития Комиссией отечественной теории кирилло-мефодиевской текстологии, следует прежде всего отметить, что невведенность результатов деятельности Комиссии в научный оборот приводит к тому, что при оценке степени развитости отечественного изучения текстов кирилло-мефодиевской традиции учитываются лишь их отдельные печатные издания (по своему характеру, кстати, под-

⁶⁴ ААН. Там же, л. 142 об.

⁶⁵ «Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. 23, кн. 2, стр. 281—284.

⁶⁶ ААН, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 168 об.— 169, 171, 185—185 об.

⁶⁷ Там же, л. 161 об.

⁶⁸ Там же, л. 178, 180—180 об., 192.

⁶⁹ Там же, л. 164 об., 168 об., 181 об.

⁷⁰ Там же, л. 164.

⁷¹ Там же, л. 167, 171 об., 174—175 об., 185 об., 192.

⁷² Там же, л. 160 об., 168 об.

⁷³ Там же, л. 168 об., 180 об.

готовительные). В результате этот раздел отечественной кирилло-мефодиевской проблематики принято характеризовать как весьма слабо развитый. Считается, что мы очень немного знаем о текстах и языке древнеславянских переводов библейских книг. Н. А. Мещерский, например, утверждал в своей опубликованной в 1964 г. статье, посвященной проблемам изучения славянорусской переводной литературы XI—XV вв., что «из числа переводов ветхозаветных книг изданы и изучены в текстологическом отношении только книга Бытия, книги пророков Исаии и Даниила, некоторые книги „малых пророков“. Если к этому прибавить текст „Синайской псалтири“..., то этим будет исчерпан список доступных нам изданий ветхозаветных славянских текстов... Еще слабее изучены в текстологическом отношении переводы книг Нового завета... Единственным критическим изданием, которое имеется в распоряжении исследователей, является издание древнеславянского текста евангелия от Марка... Что же касается текстов апостольских чтений или книги Апокалипсиса, то в этом отношении даже не предпринималось никаких предварительных разысканий»⁷⁴. Но не говоря уже о том, что Н. А. Мещерский назвал почему-то не все вышедшие у нас в прошлом печатные издания текстов кирилло-мефодиевской традиции (так, например, им не названы издания ряда древнеславянских переводов Павловых посланий), наследие, оставленное нам отечественной кирилло-мефодиевской текстологией прошлого, не сводится — как это явствует из всего, что говорилось выше о деятельности Комиссии — к нескольким подготовительным изданиям. Следует также отметить, что невведенность в научный оборот результатов деятельности Комиссии приводит к тому, что у нас сейчас продолжают работы над научными изданиями текстов кирилло-мефодиевской традиции и единственно необходимыми для изучения кирилло-мефодиевского наследия считаются издания подготовительные (так, например, поднят вопрос о новом издании Остромирова Евангелия, публиковавшегося уже трижды).

Значение итогов теоретической деятельности Комиссии заключается, однако, не только — и не столько — в том, что они представляют собой вершину отечественной теории кирилло-мефодиевской текстологии. Самое важное — это, пожалуй, то, что итоги теоретической деятельности Комиссии представляют собой вершину межнациональной теории этой научной дисциплины.

Об этом свидетельствует, например, то, что в самое последнее время новые результаты в изучении кирилло-мефодиевского наследия (а именно, прогресс в попытках установления оригиналов кирилло-мефодиевских переводов) были достигнуты благодаря применению исходных положений, по существу идентичных введенному Комиссией пониманию редакций текстов кирилло-мефодиевской традиции как «типов книги — текста», определяемых на основе сопоставительного изучения славянских и греческих рукописей⁷⁵.

Об этом свидетельствует и то, что среди итогов теоретической деятельности в области кирилло-мефодиевской текстологии, достигнутых в наше столетие, лишь итоги теоретической деятельности Комиссии в этой области принципиально равноценны последним достижениям теории текстологии ведущих памятников эллинистического койна.

Необходимость в сравнении тех или иных теоретических положений кирилло-мефодиевской текстологии с последними достижениями теории текстологии названных памятников для объективной оценки значимости этих положений вытекает из следующего. Как положительный, так и от-

⁷⁴ «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР», XX. М.—Л., 1964, стр. 183—184.

⁷⁵ Ср. Y. V u r n s. Chapter Numbers in Greek and Slavonic Gospel Codices.

рицательный опыт работы над историей текста ведущих памятников эллинистического койнэ имеет бесспорное значение для теории исследования истории текста любых древних письменных памятников. Но в случае, когда речь идет о кирилло-мефодиевских переводах, этот опыт, помимо методологических соображений, важно учесть еще и по двум особым причинам. Во-первых, определенные редакции ведущих памятников эллинистического койнэ послужили оригиналами для кирилло-мефодиевских переводов. Во-вторых, как исследователи, занимающиеся этими памятниками, так и исследователи, занимающиеся кирилло-мефодиевскими переводами, сталкиваются с самого же начала своей работы с одной и той же главной проблемой, по существу определяющей всю их дальнейшую деятельность: автографы изучаемых текстов отсутствуют, а число представляющих эти тексты рукописей, каждая из которых в той или иной степени отличается от всех других, очень велико.

Уровень развития, достигнутый на настоящее время теорией текстологии ведущих памятников эллинистического койнэ, лучше всего характеризуют, как кажется, следующие два положения:

1. Исследователь, изучающий историю текста этих памятников, должен концентрировать свое внимание на их древних местных типах, то есть на древнейших из тех редакций, которые находят свое отражение в дошедших до нас рукописях и которые не идентичны состоянию автографов.

2. Ни одна из рукописей, дошедших до нас, не сохранила все чтения отражаемой ею редакции, поэтому чтения даже «лучших» рукописей подлежат индивидуальной проверке на редакционность⁷⁶.

Нетрудно видеть, что с этими двумя положениями полностью согласуются взгляд Комиссии на научные издания (являющиеся реконструкциями редакций) как на главный предмет своих занятий (и конечный результат исследований в области кирилло-мефодиевской текстологии вообще) и понимание ею редакций текстов кирилло-мефодиевской традиции как «исторических проявлений» последней. Кстати, и тезис Комиссии о том, что редакции славянских переводов кирилло-мефодиевской традиции должны обязательно определяться через их греческие оригиналы полностью согласуется с одним из последних достижений теории текстологии ведущих памятников эллинистического койнэ — требованием подходить к этим памятникам как (по крайней мере частично) к переводам и учитывать их взаимоотношение с оригиналом.

Оценивая значение теоретических достижений Комиссии в рамках истории межнациональной кирилло-мефодиевской текстологии, нельзя не сказать о том, что неудача попытки Й. Вайса дать в распоряжение славистов научное издание кирилло-мефодиевских переводов (самой известной из попыток такого рода, имевших место с конца 20-х годов до наших дней) во многом может объясняться тем, что этот ученый не принял некоторые их тех теоретических принципов, которым следовала в своей работе Комиссия, в частности принципу, согласно которому редакции текстов кирилло-мефодиевской традиции следует понимать как «типы книги — текста».

Все сказанное в данной статье достаточно убедительно, как представляется, говорит за то, что теоретические принципы, которыми руководствовалась в своей деятельности Комиссия, являются не просто фактом истории отечественной славистики, а лучшим (и, к сожалению, пока совершенно недостаточно используемым) из всего того, чем в настоящее время располагает теория кирилло-мефодиевской текстологии.

⁷⁶ Ср. [M. Black]. The Beginnings and the 'Classical' Period of New Testament Textual Criticism, p. 1, 9; «The History of the New Testament Text», p. 1—4, 9.

А. СОЛОВЬЕВА

ЦИКЛ РАССКАЗОВ В ЧЕШСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Чешская литература развивающегося реализма ставила перед собой новые трудные задачи, главной из которых становилось конкретно-историческое изображение действительности: «Прежде всего необходимо, чтобы мы научились познанию людей, изучили их жизнь, их потребности, радости и печали, мы нуждаемся в верных рассказах о жизни, в образах людей, живущих в различных условиях, в сборниках правдивых рассказов о жизни, в опыте не выдуманном, но подлинном»¹.

Этой эстетической задаче художественного освоения новых пластов действительности, сближения литературы с жизнью на ранних этапах развития реализма XIX в., в годы его утверждения, особенно полно отвечали гибкие подвижные малые жанры прозы — очерк, рассказ, повесть, чутко реагирующие на все острые, больные вопросы бытия, на все новое, что входит в жизнь наций. «Есть события, есть случаи, которых, так сказать, не хватило бы на драму, не стало бы на роман, но которые глубоки, которые в одном мгновении сосредотачивают столько жизни, сколько не изжить ее и в века: повесть ловит их и заключает в свои тесные рамки. Ее форма может вместить в себя все, что хотите, — и легкий очерк нравов, и полную саркастическую насмешку над человеком и обществом, и глубокое таинство души, и жестокую игру страстей», — так писал В. Г. Белинский о русской повести и повестях Гоголя².

Чешский литературный процесс в этом отношении родствен развитию других славянских литератур, в частности польской³ и русской⁴, где на пути к созданию широких социальных обобщений, эпических полотен и жанра социально-бытового или социально-психологического реалистического романа, который является наиболее характерной и полноценной формой развитого реализма, лежала фаза малой эпической формы — очерка, в том числе «физиологического» очерка, наброска, рассказа, повести.

Разработка малых жанров прозы, требующих от писателя острой наблюдательности, умения избрать жизненно важный и правдивый конфликт, мастерства композиционного построения и самого повествования, способствовала накоплению эстетического опыта реалистической типизации, опыта в создании синтетических картин действительности, свойственных роману. Не случайно, например, из-под пера Л. Толстого выходят сначала

¹ J. Neruda. O umění. Praha, 1950, s. 28.

² В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах, т. I. М., 1948, стр. 112.

³ Е. З. Цыбенко. Польский социальный роман 40—70-х годов XIX в. Изд-во МГУ, 1974, стр. 97—107.

⁴ «Развитие реализма в русской литературе», т. I. М., 1972.

«Севастопольские рассказы», а уж затем рождается эпопея «Война и мир». Художник постепенно овладевал искусством связи раздробленных фактов, мыслей, событий жизни нации в единое эпическое целое, мастерством создания обобщенного синтетического образа сражающегося народа, раскрытия психологии и сущности русского национального характера.

Однако порою становление жанра романа шло параллельно и одновременно с развитием малых прозаических форм, даже сочетаясь в творчестве одного писателя (Тургенев, К. Светлая).

Характерной чертой развития реализма в чешской, как и во многих других литературах, является циклизация малых прозаических форм⁵, которая открывается писателям как особая художественная возможность.

В самом деле, создание цикла позволяло писателю оставаться в рамках малой прозаической формы, однако давало простор для художественного синтеза, для создания чего-то единого, цельного, для масштабных образов и обобщений, которые воспринимаются и прочтываются читателями в контексте всего цикла. Эта форма давала возможность отражать жизненные явления с обстоятельностью эпоса, создавая единство жизненного материала при его богатом разнообразии. Цикл имеет свою сложную своеобразную структуру. С одной стороны, каждое произведение закончено, по своему содержанию, имеет самостоятельную художественную ценность и может фигурировать вне целого цикла. С другой стороны, в контексте оно приобретает дополнительную нагрузку, которая делает его неотъемлемой частью целого.

Идейная целеустремленность и художественная цельность цикла во многом теряется, обедняется, если из него изъять отдельные произведения. Применительно к циклам Гоголя Г. А. Гуковский подчеркивал такое единство системы воззрений писателя на мир, «при котором целостное выражение идеи образуется лишь в совокупности рассказов книги, их взаимоотношений»⁶. Подобным образом создавалось сложное единство, глубокая внутренняя сцепленность отдельных рассказов «Записок охотника» Тургенева, «Петербургских повестей» и «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя, «Нравов Растеряевой улицы» Г. Успенского. По этим же законам циклизации написаны и некоторые произведения чешских писателей — «Зарисовки Ештедского края» Светлой, «Горные рассказы» Ирасека, «Малостранские повести» Неруды.

Цикличность, впечатление цельности, единства достигаются художниками по-разному: иногда с помощью главного, сквозного героя, который становится центром повествовательной структуры, как Печорин в «Герое нашего времени», иногда обращением к единой теме («Севастопольские рассказы» Толстого, «Горные рассказы» Ирасека), или с помощью единого повествователя («Записки охотника» Тургенева) и др.

Однако наиболее прочно отдельные части повествования связываются в сложную структуру цикла единым собирательным обобщенным героем. В произведениях многих русских и чешских реалистов рождается конкретный реальный образ целостного человеческого коллектива, спянного единым укладом жизни, единой социальной психологией, — как бы индивидуализированный образ среды. Исследователи творчества Гоголя справедливо отмечают, что до него европейская литература не знала подобного

⁵ В чешской литературе прошлого века не было строгого разграничения внутри малых прозаических форм, как и в русской литературе первой половины XIX в. Границы между рассказом, повестью, новеллой были настолько зыбки, что они воспринимались зачастую как единый малый прозаический жанр. Для его обозначения широко пользовались термином «повесть» («Повести Белкина», «Петербургские повести», «Малостранские повести» и др.).

⁶ Г. А. Гуковский. Реализм Гоголя. М.—Л., 1959, стр. 64.

способа типизации, не знала героя как «единства совокупности людей, коллектива, образованного либо слитностью, гармонией стремлений и вообще содержания жизни образующих его людей... либо, наоборот, образованных сцеплением, столкновением противоречивых, пестрых, дифференцированных и враждебных друг другу интересов, образованного единством борьбы в ненормальных условиях, дурным единством антагонизмов, взорвавших органическую гармонию»⁷.

Наиболее отчетливо это гоголевское начало прослеживается в русской литературе XIX в. в творчестве Салтыкова-Щедрина, с его приемами внешне свободного, но всегда внутренне мотивированного сцепления серии малых произведений в единый цикл (циклы очерков и набросков о городе Глупове и глуповцах, «Губернские очерки» о жизни вымышленного захолустного города Крутогорска, «Помпадуры и помпадурши», «Господа Ташкентцы» и др.). Щедрин называл себя «летописцем минут», «историком современности», призванным улавливать в потоке жизни главные течения, типы и раскрывать «трагическую истину русской жизни». С этим связана и специфика его жанра романов-хроник, романов-обозрений, романов-исследований. За авторской характеристикой места действия скрывается образное обобщение бессмысленной власти царизма (город Глупов) или тугого существования провинции (город Крутогорск). Внимание писателя, как справедливо подчеркивают исследователи его творчества (С. А. Макашин, А. С. Бушмин и др.), приковано прежде всего к общественной сфере жизни целых социальных групп, которые объединены по внешнему топонимическому признаку («глуповцы», «ташкентцы») или по иным, более глубоким признакам социального родства («иванушки» — забитые крестьянские массы, «помпадуры» — губернаторы и другие представители высшей царской администрации). Обращаясь к индивидуализированным образам живых людей, писатель и здесь стремился прежде всего раскрыть черты их социальной психологии (господа Головлевы).

Некоторая близость общественно-политических условий развития Чехии и России в XIX в., так же как и общие закономерности литературного процесса, при всей его национальной индивидуальности обусловили типологическое родство отдельных черт развития чешского и русского реализма, в том числе типологическое родство циклов малых прозаических форм. Следует иметь в виду и существование литературных связей, возможность творческих импульсов, идущих от других литератур, в том числе от русской реалистической литературы, вероятность сознательного обращения чешских литераторов к творческому опыту русских реалистов. Ведь именно переломные, этапные моменты литературного процесса, когда назревает потребность в создании новых эстетических критериев, требований, типов литературных обобщений, настоятельно диктуют обращение к инонациональному опыту. Здесь вступают в силу законы активности выбора, могучая логика тяготения к тем, а не иным инонациональным литературным явлениям. Это ярко проявилось в чешской литературе в пору формирования и утверждения реалистического направления.

В XIX в. в Европе сложились три великие национальные школы критического реализма — французская, английская и русская. (Для Германии наиболее выразительные художественные ценности связаны с романтизмом.) Однако для чешской литературы периода утверждающегося реализма (60—70-е годы) характерен особый интерес к русским реалистам. (Известно, что первые переводы Бальзака, Флобера, Диккенса появляются лишь в 80-х годах, Стендаля — в 90-е, Теккерея в 900-е годы, скандинавских писателей — в 80-е годы.) Этот факт нельзя объяснить ничем иным,

⁷ Там же, стр. 260.

как активной избирательностью, сознательным обращением к опыту родственной славянской литературы, которая решала в своем развитии близкие наболевшие задачи. В интересе к русской литературе, бесспорно, выражалось и отношение к русскому народу как к самой большой и независимой славянской нации, потенциальной опоре в борьбе с иноземными поработителями, симпатии к русскому демократическому движению 40—60-х годов. «...На оригинальную нашу литературу русские имели и имеют решительное и притом благоприятное влияние,— писал Неруда.— До 50-х годов у нас царили французские, немецкие, английские образцы, в 50-е годы и в начале 60-х годов на нас начали воздействовать Гоголь, Гончаров, Толстой, Тургенев и другие. Молодые наши литераторы внимательно изучали эти образцы, и в нашей новейшей литературе сразу обнаружались благотворные следы этого внимания»⁸.

Неруда и его соратники по литературным боям за утверждение в литературе реализма глубоко и заинтересованно изучали передовую русскую литературу, сознавая, как отмечал Неруда, что «русский роман уже признан в мировой литературе как лучший» и что «вслед за этим, бесспорно, последует признание русской драматургии». Чешские писатели по примеру русских стремились обратить отечественную литературу к познанию глубинных процессов социальной действительности и созданию художественных обобщений, объективный смысл которых заключается в отрицании основ собственнического общества (статья Галека с симптоматичным названием «Ищу Гоголя!», статьи Неруды о «Ревизоре», прозе Тургенева, пьесах Островского, Вавры о Некрасове, Сабины о Тургеневе и др.).

Творчество каждого большого русского писателя осваивалось чешской литературой в связи с внутренними потребностями развития национальной литературы, с теми насущными эстетическими задачами, которые ей приходилось решать на каждом этапе собственного литературного развития.

Чешская литература 50—70-х годов в годы формирования реализма особенно тяготела к творчеству Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Некрасова, явно выделяя имена этих писателей не только из необъятного моря мировой литературы, но и из переводного потока собственно русской литературы. Понимание величия романов Л. Толстого, чешские переводы произведений которого на рубеже 50—60-х годов были первыми за рубежами России, пришло лишь в конце XIX столетия, чему способствовали жаркие дискуссии о существовании натурализма и реализма, которые вела чешская литературная общественность. Творчество Толстого стало как бы мерилом и критерием подлинного реализма⁹. В эту же пору пришло подлинное признание и к Достоевскому, произведения которого также переводились уже с конца 50-х годов, однако их философичность, ощущение острой дисгармонии мира, глубокий психологизм оказались особенно созвучны лишь поколению 90-х годов.

Внешние импульсы, проникая в литературу, подчиняются внутренней динамике ее собственного развития. Творчество многих русских писателей становится не только объектом читательского освоения, оно как бы участвует в чешском литературном процессе, помогая формировать новое общественное и художественное сознание, эстетические принципы, художественный вкус.

Очевидно, не следует исключать возможности восприятия опыта русских реалистов чешскими художниками и в их жанровых исканиях, тем более, что они шли в едином русле развития реалистического искусства.

⁸ J. Neruda. Spisy. Podbizny, d. IV. Praha, 1957, s. 79—80.

⁹ И. М. Порочкьяа. Л. Н. Толстой-художник в чешской критике конца XIX — начала XX в. В сб. Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. М., 1968.

Наиболее характерной и существенной чертой, сближающей, роднящей циклы рассказов и повестей русских и чешских реалистов второй половины XIX в., является поиск в создании типических обобщенных характеров.

Чванливый роскошный Петербург, полный самых резких контрастов, поэтичный хутор близ Диканьки у Гоголя, глухая провинциальная Растеряева улица у Г. Успенского, тихая пражская Мала Страна у Неруды или деревни, спрятавшиеся в суровых и прекрасных Ешtedских горах у К. Светлой — отнюдь не служат лишь внешним фоном, на котором развергивается действие всех рассказов цикла. Они воссоздают ту общую социальную почву, которая определяет специфику, «внутренние пружины» основных драматических коллизий, накладывая свою особую печать на человеческие характеры, на нравственный облик действующих лиц, на взаимоотношения героев, определяя человеческие судьбы. Именно эта широкая картина социальных нравов избранной писателем среды, эти типические обстоятельства, в которых естественно и полно существуют герои, прочно цементируют отдельные части повествования в единое целое, как бы играя одновременно роль главного сквозного «героя».

Большое место в повествовании этого рода занимает авторская характеристика обобщенного «героя», определяя важную роль экспозиции в композиционной структуре цикла или отдельных рассказов, составляющих цикл.

Поэтическая картина дивной украинской природы, живописного староукраинского хутора Диканьки, купающегося в пышных садах, могучего Днепра предваряет и как бы предопределяет смысл происходящих событий. Здесь жизнь человека неразрывно связана с родной землей, с ее прекрасными сказками и легендами, здесь торжествует молодость, любовь, красота. Так воплощается мечта Гоголя о нравственно прекрасной жизни человека, которая в народном коллективе является нормой.

Так же и знаменитая картина Невского проспекта, предваряющая «Петербургские повести». Это не просто блестящее живописание главной улицы столицы николаевской империи, но характеристика сущности тогдашней российской действительности. Как справедливо подчеркивают исследователи Гоголя М. В. Храпченко, Г. А. Гуковский и др. за почтительным, даже восторженным описанием внешнего блеска Петербурга с его парадом шуртоков, носов, шляпок и бакенбардов, когда люди в характерной гоголевской метонимической манере приравнены к вещам, проступает облик враждебной человеку государственной машины. Поэтому Петербург в «Петербургских повестях» не случайно лишен конкретной бытовой характеристики. Гоголь выступает здесь не как бытописатель, он ставит среднего чиновника, офицера, ремесленника, важное лицо в остро конфликтные, порой фантастически невероятные жизненные ситуации, лишь намечая обыденно-бытовую конкретику. Гоголь не просто рисует внешние приметы жизни главного героя повестей — Петербурга, но стремится показать суть злого, подлого, античеловеческого существования столицы, где усы и бакенбарды ездят в каретах, где чин и положение в обществе важнее человека, ума, души, таланта, суть современного ему общественного уклада вообще. Как пишут исследователи Гоголя, гротескно-бредовые мотивы, объединяя все пять повестей цикла, не только способствуют единству образа Петербурга, но и выявляют его основную злую сущность — это город «ненормальный», невероятный, развращающий душу человека своим денежным наваждением, своей бездушной бюрократической машиной, враждебной человеку.

Чешский реалист Ян Неруда подобно Гоголю также рисует собирательный портрет избранного им обобщенного «героя» — Малой Страны,

одного из районов Праги, заселенного мелкобуржуазными слоями чешского общества. Живописный и психологический портрет Малой Страны рассредоточен по повестям цикла, предворяя многие из них в качестве экзопозиции. «В ее домах и людях есть что-то такое солидное, стародавнее, дремотное», — пишет автор в одной из повестей, чтобы, подхватив эту характеристику, продолжить, развить ее в другой: «Для всего было свое определенное место и открыты бакалею там, где раньше была, например, галантерейная лавка, считалось столь неразумным, что никто из малоотрапцев не отважился бы на такой поступок».

Собирательный образ Малой Страны постепенно выстраивается в сознании читателя, постоянно «подпирается», подкрепляется непосредственной открытой авторской характеристикой, правописанием этого главного героя («Почтенный житель Малой Страны еще и поныне относится к погоревшему совсем иначе, чем к другим людям») или «Отважиться сесть на место, к которому привык кто-то другой, — это было невозможно, каждый порядочный и любящий порядок малоотрапцев решительно отверг бы это как совершенно невозможное, потому что, ну потому что немислимо и подумать»).

Если гоголевский Петербург олицетворял николаевскую империю, то и тихая, застойная, дремотная Мала Страна, с ее косностью и паническим страхом перед движением вперед, жизненными переменами, в какой-то мере олицетворяла «нерв» общественной жизни чешской столицы, которая оказалась заштатным провинциальным городом австрийской монархии Габсбургов. При этом Неруда прекрасно понимал роль обыденной стихии в жизни мелкобуржуазной Малой Страны, с ее жесткими неписанными законами быта, властью привычного порядка, почти магической силой вещей. Наряду с деньгами вещь делалась мерой всех ценностей жизни, символом счастья, единицей измерения человеческих взаимоотношений, которые по своей сути чужды каким бы то ни было мерам. Вещь как бы срасталась с человеком, становилась частью его самого, подобно тому как это было, например, в «Мертвых душах» Гоголя. Поэтому чешский писатель рисует своих героев в окружении привычного им внешнего мира, в повседневных мелочных заботах и поступках (как Гоголь в «Миргороде»), идя от внешнего, конкретного, единичного — к общему, существенному. Писатель хорошо знал, как одеты его герои, какая мебель стоит в их квартирах, что они едят на обед и на ужин, как они проводят свои свободные вечера, о чем говорят за кружкой пива... В жизни этих чешских буржуа все было устойчиво и привычно. Бессобытийность, «мелочность и обыкновенность описываемых автором происшествий», которую отмечал Белинский в миргородских повестях Гоголя, составляют коллизию и всех «Малоотрапских повестей» Неруды. Очень редко автор выходил за рамки повседневных событий жизни героев и создавал острые драматические положения, приводящие к крутым поворотам в судьбе и характере человека. Писатель создает открытую, как бы незавершенную форму сюжета, которая прямо соответствовала его цели — показать медленное течение жизни чешского обывателя, не богатой духовными поисками или нравственными потрясениями. От рассказа к рассказу перед читателем все более обнажаются скрытые подлинные пружины жизни малоотрапца, чешского обывателя, с его преклонением перед властью золотого мешка и стремлением пробиться в верха. А это означало для чехов в ту эпоху не только утрату многих драгоценных качеств человеческой личности, но и потерю национальной гордости, а зачастую и прямой отказ от своей национальности, которая не была «господской», правящей.

В обывательском мире мелких страстишек, движимом жаждой обогащения, все более и более «имеют электричества чин, денежный капитал,

выгодная женитьба, чем любовь», как справедливо утверждал Гоголь в своем «Театральном разезде». Поэтому не случайно и у Гоголя, и у Неруды, и у Г. Успенского любовные конфликты играют второстепенную роль, приобретая порой комический характер.

Как неподвижна и неизменна с годами Мала Страна, так и Растеряева улица Г. Успенского (цикл «Нравы Растеряевой улицы»), с ее косным бытом провинциального захолустья, не тронутого пореформенными порядками, идет по «прадедовским следам», шарахаясь от всего нового, представляя собой словно бы скалу, о которую разбиваются всякие «направления», «плоды реформ», «отрадные явления» и «явления», над которыми можно призадуматься¹⁰. Она требует полной неподвижности во всем, разрешая лишь незначительные изменения в зависимости от дней недели или времен года: «Все полагают, что завтра в воскресенье почему-то будет легче на душе, хотя в то же время все вполне достоверно знают, что завтра будет такая же смертельная тоска и скука, только слегка подрумяненная густым колокольным звоном да огромным пирогом, густо намазанным маслом»¹¹.

Г. Успенский последовательно, порой очень детально, показывает, как растеряевский обществственный быт, как господствующая там, по выражению Чернышевского, «неразумная сила вещей» формирует человеческие характеры — бесчестного хапуги Прохора Порфирыча, пройдохи Хрипушина или жестокого самодура Семена Ивановича Толоконникова. Словно вязкое болото держит Растеряева улица своих обитателей — мещан, чиновников, ремесленников — в плену, навязывая тягу к стяжательству, общий мертвый застой жизни, душевную опустошенность, рабский страх перед сильными мира сего. Почти не показывая становления характера своих героев, его развития, рассматривая каждого участника происходящих событий как определенную социальную данность, Неруда также неразрывно связывает нравственный облик малостранцев, их психологию с законами Малостранской жизни, которым они следуют (мещанин до мозга костей, кандидат в адвокаты Крумловский, художник Августа, откровенно торгующий своим искусством, как простой ремесленник) или которые они презирают и нарушают (юный Бавор, мечтающий стать писателем, доктор Гериберт, имеющий смелость жить не так, как все, и др.). Каждая главка «Растеряевой улицы», как и каждая «Малостранская повесть» в чем-то углубляют характеристику изображаемой автором среды, вводят новые характеры, вносят новые черточки общественного быта, это делает образ собирательного «главного героя» ощутимо конкретным, эмоционально убедительным. Индивидуальные образы отдельных персонажей, их судьбы, словно яркие стежки вышивки, ложатся на подготовленную канву. В самом деле, «деяния» Прохора Порфирыча, который бессовестно обобрав мать и брата, хочет упрочить свое благосостояние женитьбой на «таковской» девице с деньгами, не только рисуют яркими мазками тип процветающего растеряевца, но в нем и через него — типичную черту растеряевского общественного быта: страсть к наживе, бульдожьё хватку накопителя. Или, скажем, трагичная судьба малостранца-торговца пана Ворела, который разорился и повесился, свидетельствует не столько о честности, энергии и вместе с тем житейской неопытности героя, сколько о торжестве косной малостранской стихии, которая жестоко губит все новое, не укладывающееся в привычные рамки спокойного обывательского бытия. Сквозные герои у Г. Успенского и Я. Неруды не только скрепляют

¹⁰ Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. II. Изд-во АН СССР, 1950, стр. 82—83.

¹¹ Там же.

повествовательную канву, но и усиливают звучание групповой характеристики растеряевца и малостранца. Оба писателя тяготели к гоголевской манере преувеличения, заострения, подчеркивая ироничностью тона абсурдность, ненормальность существующих отношений.

«Зарисовки Ештедского края» чешской писательницы Каролины Светлой также объединены в цикл единством изображаемой среды, внешним и внутренним единством места действия. Это как бы создает единое эпическое полотно, связывает индивидуальные судьбы героев, раскрывая через их психологический склад важные черты национального характера чешского крестьянина. В отличие от Неруды и Успенского, она почти не дает авторской характеристики быта и нравов ештедских крестьян, игнорируя выигрышную легкость введения ярких этнографических или бытовых примет полюбившейся ей Северной Чехии. Нет у нее и авторской обобщенной «нравственной» характеристики Ештеда, который диктует моральные нормы или тип мышления его обитателей. Однако этот собирательный портрет Ештеда существует, он легко создается в воображении читателя.

В своем повествовании писательница переносит акцент на нравственные проблемы, пытаясь разглядеть и национальное своеобразие своих героев. По словам К. Светлой, именно в Ештедских горах она увидела чешский характер во всей его самобытности. От рассказа к рассказу писательница обогащает представление о нравственном облике ештедских крестьян, рисуя все новые черты, новые грани, воссоздающие обобщенный характер. Писательницу привлекают цельные самобытные характеры ештедцев, не испорченные ложной буржуазной моралью, не развращенные городской цивилизацией. Многообразны герои этого цикла. Однако, как звенья одной цепи, все они связаны между собой нравственным кодексом простых людей, живущих своим трудом, который является для них не только средством существования, но и содержанием жизни, своего рода кастовой гордостью: здесь умеют не только трудиться, но и ценить это умение у пахаря, столяра или бабки, врачующей травами. Поэтому герои так любят землю, которая их поит и кормит, так бережны к окружающей природе, с которой они слиты в своем повседневном существовании. Они буквально вписаны в природу, зарисовки которой несут большую функциональную нагрузку. Цветущие долины, застывшие громады гор с полуразвалившимися замками и часовнями, хижины, скрывающиеся в густой тени лип — вся прелесть Ештеда вошла в душу его обитателей, она всегда присутствует в сознании героев, автора и читателей, словно безмолвный, но полнокровный участник событий («липа раньше ревновала, а теперь плакала горячими слезами» или «диву даются колокольчики и анютины глазки» и т. д.), направляющий их течение. Человек здесь неразрывно связан с родной землей, с миром народных легенд и поверий, он живет по законам народной здоровой морали; их нарушение не может принести человеку счастья. Это ощущение единства с родной землей, глубокая любовь к ней питают национальное чувство и национальную гордость ештедцев.

Писательница выбирает кульминационные моменты жизненного пути героя, когда особенно полно и ярко раскрывается характер человека — счастливые минуты исполнения заветных желаний или моменты крушения надежд, горе, отчаяние. Светлая ставит своих героев в остро конфликтные жизненные ситуации, перед дилеммой — следовать велению души и сердца, либо неумолимого нравственного долга.

В сюжетной структуре повествования неизбежно начинает играть большую роль любовная фабула. Причем многие женские образы Светлой наделены той всепобеждающей силой добра, любви, терпения, самоотверженности, которая делала в деревне именно женщину хранительницей семейного очага.

Развивая достижения своих предшественников, Светлая сумела создать реалистический обобщенный образ чешского крестьянина, ештедца, не столкнувшегося еще вплотную с развращающей силой буржуазной цивилизации, буржуазной морали.

Подобно Светлой Ирасек в своих «Горных рассказах» обратился к изображению жизни чешского крестьянства горного Гронова. Не только социальные отношения, но и сама природа создают суровый уклад жизни, в котором складываются тоже несколько суровые, своеобразные характеры героев Ирасека. Его рассказы лаконичны, в основу сюжетного повествования положен, как правило, один какой-либо факт или событие, раскрывающие характер героя. Писатель стремится психологически мотивировать поступки действующих лиц, которые зачастую создают или усугубляют драматизм жизненной ситуации. Рассказы этого цикла не имеют такого прочного внутреннего сцепления, как «Малоостранские повести» или «Зарисовки Ештедского края». И все же именно их совокупность дает представление о нравственном облике чешского крестьянина-горала, создает ту обстоятельность и широту эпического повествования, которое отличает структуру романа, намечает контуры обобщенного собирательного образа чешского крестьянина-труженика, который становится главным действующим лицом в романах-эпопеях писателя, созданных десятилетия спустя.

Литературам развивающегося реализма, в том числе литературе чешской, был в высшей степени свойствен пафос познания, изучения, исследования жизни, стремление дать объективную ее картину, глубоко проникнуть в жизнь различных слоев нации. Литература идет путем трудных поисков, пытается изобразить человека в сложных формах и противоречиях жизненного процесса, воплотить всеобщий всечеловеческий смысл в частных судьбах и переживаниях героев, создать многоплановое, многоголосое произведение.

Заметными вехами на этом пути сделались своеобразные циклические формы (которые часто предшествовали развитию романа), где галерея конкретных человеческих характеров, цепь отдельных эпизодов жизни органически объединялась единой идейной направленностью, единым нравственным идеалом писателя, единой художественной концепцией.

Т. Н. МОЛОШНАЯ

О НОВЫХ МОДЕЛЯХ АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

(на материале русского, польского, чешского,
словацкого, болгарского и сербохорватского языков)

В современных славянских языках, особенно в сфере устной разговорной речи, довольно широко распространено явление, называемое синтаксическим переразложением. Это изменение структуры словосочетаний в составе предложения в результате изменения смысловых и грамматических связей между их компонентами. Такие изменения связей компонентов словосочетания друг с другом в строе предложения обычно бывают обусловлены различными коммуникативными заданиями предложения (т. е. содержанием высказывания, его целью, обстановкой, в которой оно осуществляется, стилем речи, эмоциональной окрашенностью и т. п.). Синтаксическое переразложение приводит к распаду словосочетаний, к изменению их структурных типов — моделей, к возникновению новых моделей словосочетаний.

Рассмотрим несколько случаев переразложения словосочетаний, иллюстрируя их для простоты изложения русскими примерами. Синтаксическое переразложение весьма часто наблюдается при употреблении в речи таких моделей субстантивных словосочетаний, в которых управляющее существительное определяется прилагательным или причастием в полной форме и в которых выражаются определительные отношения, например, *веселые дети*, *приближающийся поезд* и т. п. Естественно, что такие словосочетания могут и в строе предложения сохранять присущее им значение и словорасположение, оставаясь тем самым атрибутивными словосочетаниями: *Веселые дети | бежали в комнату*; *Приближающийся изда-
лека поезд | загудел*. Здесь реализуется субстантивная модель словосочетаний Прил + Сущ, согласованные в роде, числе и падеже¹. Однако эта же модель, входя в состав предложения, может претерпевать изменения. Прилагательное или причастие может быть отнесено не только к определяемому существительному, с которым оно связано по смыслу и грамматически (согласованием), но и к глаголу — сказуемому предложения (по смыслу). Это происходит в соответствии с общим заданием высказывания, —

¹ Модели субстантивных словосочетаний описываются здесь так же, как в кн. Т. Н. Молошная. Субстантивные словосочетания в славянских языках. М., 1975.

со смыслом, вкладываемым в него говорящим, например: *Веселые | дети*
бежали в комнату; Приближающийся издали | поезд загудел. В таких
 случаях возникает значение добавочного сообщения, и чисто атрибутивные
 отношения сменяются иными, обычно называемыми полупредикативными.
 Иным в соответствии с этим оказывается и интонационно-смысловое членение предложения. В результате двучленные субстантивные словосочетания распадаются — определяющее прилагательное или причастие отделяется от определяемого существительного.

Возникновение полупредикативности может выражаться как интонационными средствами, так и порядком слов — инверсией. Очень часто полупредикативные причастия и прилагательные постпозитивны по отношению к определяемому существительному, например, *Поезд, приближающийся издали, загудел.*

Прилагательные и причастия, входящие в модель Прил + Сущ, согласованные в роде, числе и падеже, могут не только обособляться от определяемого существительного, связываясь по смыслу также и с глаголом — сказуемым, но и образовывать вместе с глаголом составное сказуемое. В таком случае прилагательное или причастие тесно сближается с глаголом, например, *Сливы сняли неселые; Весна выдалась недружная.* По справедливому замечанию А. М. Пешковского, здесь происходит «огромный синтаксический сдвиг: прилагательное покидает свою нормальную точку опоры — существительное и сцепляется с глаголом»². В таких случаях предикативного употребления прилагательных и причастий в составе сказуемого также имеет место синтаксическое переразложение. Соответствующие субстантивные словосочетания распадаются, а зависимости их части входят в состав глагольного словосочетания.

Синтаксическому переразложению нередко подвергаются и такие модели субстантивных словосочетаний, в которых определяющим компонентом является предложно-падежная группа существительного, например, *дом с (высоким) крыльцом, дама в (сиреневом) платье.* В строе предложения здесь могут развиваться отношения полупредикативности. Определяющий компонент получает в таких случаях относительно большую самостоятельность, что приводит к его интонационному обособлению от определяемого, например, *Мы увидели новый дом, с высоким крыльцом; Величественно вошла дама, в сиреневом платье.* Здесь словосочетания модели Сущ₁ + предл + Сущ₂ косв распадаются, поскольку определяющий компонент тяготеет по смыслу также и к глаголу — сказуемому предложения.

Изменения в характере отношений компонентов словосочетания могут происходить под влиянием как элементов предложения, не входящих в это словосочетание, так и входящих в него. Выше были приведены образцы переразложения первого вида. Нас же здесь будут специально интересовать случаи переразложения, не выходящего за рамки одного словосочетания, которые приводят в современных славянских языках к возникновению адъективных словосочетаний из многочленных субстантивных. Продолжим пока рассматривать русские примеры. Субстантивные словосочетания типа *густые волосы с проседью, холодный ветер с изморосью, серый конь в яблоках, синий костюм в полоску, белое платье с кружевами, зеленые листья с белым подбоем* и т. п., функционируя в составе предложения, могут преобразовываться различным образом.

² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 250.

Определяющий субстантивный компонент словосочетания, обычно постпозитивный по отношению к определяемому, может стать препозитивным, располагаясь между зависимым прилагательным и управляющим существительным: *Он расчесывал густые, с проседью волосы; Доброе, в мелких морщинках старушечье лицо расплылось в улыбке; Маленький, с живыми глазками солдат что-то рассказывал* и т. п.

Изменение структуры словосочетания отражается в изменении отношений между компонентами: предложно-падежная группа объединяется сочинительной связью с другим зависимым компонентом — прилагательным. В устной речи это передается с помощью соответствующей интонации (интонации при однородных членах), а на письме — запятой³.

Такое же перенесение зависимой предложно-падежной группы в позицию между зависимым прилагательным и управляющим существительным может сочетаться с интонационным обособлением от соседних компонентов, что на письме передается выделением ее с двух сторон запятой (реже тире или скобками): *Яркий, цвета бирюзы, шарф был накинута на плечи; За окном свисали тонкие, в инее, ветки березы.*

В таких случаях изменение в отношениях между компонентами имеет другой характер. Интонационное обособление предложно-падежной группы существительного как от управляющего существительного, так и от зависимого от последнего прилагательного указывает на двустороннюю связь этой формы. Ослабив свою связь с управляющим существительным, она связывается по смыслу и с зависимым прилагательным, выступая по отношению к нему в качестве дополняющего, уточняющего его элемента и обнаруживая тенденцию к образованию с ним адъективного словосочетания⁴.

Эта тенденция иногда реализуется. Возникает еще один вариант синтаксического переразложения субстантивного словосочетания с образованием адъективного, в целом выступающего в качестве определяющего компонента при управляющем существительном⁵. Схематически это можно изобразить следующим образом: Прил + (предл. + Сущ₂к_{осв} + Сущ₁) → (Прил + предл. + Сущ₂к_{осв}) + Сущ₁ черные (с проседью волосы) → (черные с проседью) волосы; серый (в яблоках конь) → (серый в яблоках) конь.

Такое переразложение субстантивных словосочетаний с возникновением адъективных происходит прежде всего в случае, когда прилагательное принадлежит к определенной семантической группе; подобные модели довольно свободно образуются с качественными прилагательными, обозначающими названия цветов (в том числе цвет волос и масть животного). Это относится не только к русскому, но и ко всем рассматриваемым славянским языкам, кроме чешского и словацкого. Например: русск. *Фу, ты пропасть, какие смушки! Сизые с морозом!; . . . его карие с желтизной, большистой выразительные глаза; Выставлялась лошадиная голова, гнедая с извилистой проточиной; дымято-серый в темных яблоках мех; красная в полоску ткань; голубой в разводах шифон; черная в белых носочках кобыла* и пр.; польск. *czarny z fioletem, granatowy z wzorami, siwy w jabłku, błękitna w paski, biała w kratkę, niebieski w różnych odcieniach, wielobarwne o nowoczesnych wzorach* и т. п.; болг. *жълт с петна, червен с дребни-*

³ См. «Грамматика современного русского литературного языка». «Наука», 1970, стр. 639 и сл.

⁴ См. там же, стр. 646 и сл.

⁵ См. Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966; его же. О процессах структурного преобразования словосочетаний в современном русском языке. В кн. «Развитие синтаксиса современного русского языка», М., 1966.

десени, син в ярки рисунки, едноцветен в широки райета, сив на петна, бял на линии, червена на квадрати и т. п.; срх. бела са пругама, црвена са коцкима, плав са туфнама, бео у цветном десену, љубичаст у пруге, жут на тачке, плав на пруге и т. п.

Как видно из приведенных примеров, в результате переразложения возникают адъективные словосочетания разных моделей. Для большинства рассматриваемых языков в первую очередь характерна модель Прил + с + Сущ_{ТВ}, например, русск. *сизые с морозом, карие с желтизной, черные с проседью, коричневый с чернотой, зеленый с золотом, черный с искрой, рыжая с подпалинами (кобыла), светлогнедая с золотистым отливом (лошадь), вороной с фартучком (конь), арабский с магометовой печатью на поясице (конь)*⁶ и т. п.

В польском языке в этой модели соответственно используется предлог *z* — Прил + *z* + Сущ_{ТВ}, например, *biały z granatem, czarny z fioletem, brązowy z ciemnym cykamenem, czarny z czerwienią, biały z chabrem, fioletem z wzorami* и т. п.⁷

В болгарском языке также употребляется новая адъективная модель с предлогом *с*, но в силу разрушенности падежной системы существительного и прилагательного и отсутствия у них падежных флексий, она имеет вид Прил + *с/със* + Сущ, например, *сив със зелен оттенък, розовият с оттенък в цвета на съомга, лилавокафявите с отблясък на златно и оранжево, светлобежов с лека жълтеникава отсянка, сив с петна, бяла с ярки рисунки, пъстър с бели и тъмни петна, сламеножълти с дребни десени, жълти с десен на пепит, червен с десен в два различни размера, едноцветен с апликация от разноцветни мотиви, червен с дискретни пъпки* и т. п.⁸

Рассматриваемая новая адъективная модель субстантивного происхождения обнаружена и в сербохорватском языке — Прил + *с/са* + Сущ_{ТВ}, например, *плав с искром, бела са цветним пругама, жута са ориенталним шарама, ружичаста са цветним десеном, црвена са ситним коцкима, светлозелен са мотивима цвећа и животиња, жут са мотивима стилизованог букета цвећа, зелена са мотивом шах поља, светло-љубичаст са великим цветовима, тамноцрвена са ружичастим и плавим цветовима, светлоплав са белим туфнама* и т. п.⁹

В русском, польском, болгарском и сербохорватском языках из субстантивной модели Сущ₁ + *в* + Сущ_{ВИН} возникла модель Прил + *в* + Сущ_{ВИН}. В русском и польском языках она приблизительно одинаково употребительна. Например, русск. *синий в полоску, красный в горошек, зеленый в белую клетку, розовый в крапинку* и т. п.; польск. *siwy w jabłka, siwy w wielkie ciemne jabłka, błękitna w paski, granatowa w pasy, biała w kratkę, zielona w szkocką kratkę, granatowa w krataczkę, czerwona w groszki, liliowy w kropki, jasne w drobne wzorki, kolorowy w roślinny wzory, zielony w geometryczny wzór w stylu folk, kolorowe w kwiaty, czerwony w drobniotkie kwiatki, niebieskie w plamy, białe w czarne pregi, jasnokremowa w delikatne niebieskie prążki, białe w czarne i szare kółka* и т. п.

В болгарском языке адъективная модель с предлогом *в*, естественно, содержит зависимое существительное в общем падеже, не отличаясь от

⁶ См. большое количество примеров с прилагательными, обозначающими масти лошадей, в кн. «Коневодство», Под ред. А. С. Красникова. «Голос», 1973.

⁷ Материал почерпнут из словаря W. D o g o s z e w s k i. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1958, а также из журнала «Przekrój», Kraków, 1974—1976. Последний отражает преимущественно современную разговорную речь.

⁸ В качестве источников материала, кроме словарей, были использованы журналы мод «Лъч», София, 1972—1974; «Лада», София, 1975.

⁹ Примеры заимствованы из книги: М. С т е в а н о в и ћ. Савремени српско-хрватски језик. II Синтакса, друго изд. Београд, 1974, а также из журналов «Praktična žena», Beograd, 1974—1976 и «Наша жена», Титоград, 1973—1974.

модели Прил + *в* + Сущ_{предл.}, характерной для других славянских языков. Например, *бяла в ярки рисунки, жълто-кафява в широко райета, оранжевомеден в десен на печатни цветчета, небесносин във фигурални десени* и др. Сразу же отметим, что в болгарском языке адъективных словосочетаний данной и других моделей меньше, чем в русском и польском. Очевидно, это объясняется особенностями грамматического строя болгарского языка, чертами аналитизма в его морфологии и синтаксисе. Безусловно, более твердый порядок слов в болгарском предложении, чем в русском или польском, а также упомянутое отсутствие надежных флексий у существительного и прилагательного затрудняют переразложение словосочетаний, препятствуют смысловому перетягиванию предложно-надежной группы от существительного к прилагательному.

В сербохорватском предлогу *в/ш* других славянских языков соответствует предлог *у*, поэтому рассматриваемая модель адъективных словосочетаний выглядит как Прил + *у* + Сущ_{вин.}, например, *светла у ситан десен, двобојне у пруге* и др. Из анализа собранного материала создается впечатление, что эта модель в сербохорватском менее употребительна, чем в русском и польском языках.

Третья адъективная модель, возникающая в результате переразложения соответствующей субстантивной, — Прил + *в* + Сущ_{предл.}. Она также представлена во всех рассматриваемых славянских языках, кроме чешского и словацкого. Например, русск. *серый в яблоках, сиреневый в узорах, розовый в цветочках, желтоватый в золотых тонах* и т. д.; польск. *niebieski w różnnych odcieniach, czerwona w ciemnym kolorze, beżowy w złotych tonacjach* и т. п.; срх. *бео у цветном десену, бордо у десену у фолклорном стилу, сив у десену рибље кости, бледнозелена у плавим нијансама* и т. п. Как уже указывалось, в болгарском языке модель Прил + *в* + Сущ_{предл.} не могла не слиться с моделью Прил + *в* + Сущ_{вин.}.

Польский язык отличается от остальных наличием новой адъективной модели Прил + *о* + Сущ_{предл.}, например, *blond o odcieniu złotawym, wielobarwne o nowoczesnych wzorach* и т. п. Очевидно, что в других славянских языках эта адъективная модель не возникла потому, что в них соответствующая субстантивная модель Сущ + *о* + Сущ_{предл.} не имеет определительного значения (ср. польск. *drzewa o gałęziach, dziewczyna o jasnych włosach, człowiek o twarzy trupa*).

Болгарский и сербохорватский языки характеризуются довольно широким распространением адъективных словосочетаний с предлогом *на*, которые описываются моделями Прил + *на* + Сущ в болгарском и Прил + *на* + Сущ_{вин.} в сербохорватском. Например, болг. *сив на петна, бяла на линии, бяла на черти, виненочервен на райета, златистожълт на вертикалните и хоризонталните класически райета, червена на квадрати, студеносин на червено-бели квадрати, светлосин на двуцветни квадратчета, лимоненожълт на точки, бяла на ярки цветове, бяла на рисунки, син на карета тип «шотландски»* и пр.; срх. *наранџаст на пруге, маринскоплав на коцке, лимун жут на тачке, жуџкаста на туфне* и т. п.

Следует заметить, что сравнительно большое количество приведенных здесь адъективных словосочетаний с зависимой предложно-надежной группой не должно создавать впечатления, что они преобладают над соответствующими прилагательными. Хотя в болгарском и сербохорватском языках такие словосочетания бесспорно имеются, по употребительности они уступают прилагательным. Так, срх. *пругав, пругаст* употребляется чаще, чем *у пруге, с пругама; кариран, каро, коцкаст* — чаще, чем *са коцкима, на коцке; тачкаст* — чаще, чем *на тачке* и т. п.

Как уже указывалось, в отношении рассматриваемых моделей адъективных словосочетаний чешский и словацкий языки составляют интерес-

ный контраст с другими славянскими. Там таких словосочетаний нет. Иными словами, в чешском и словацком не происходит переразложения некоторой группы субстантивных словосочетаний в адъективные, обозначающие названия цветов, их оттенков и дополнительных характеристик. В чешском и словацком языках моделям типа Прил + предл + Сущ_{носв} соответствует модель Прил (или Прич) + Сущ, согласованные в роде, числе и падеже. Например, *серый в яблоках* — чеш. *šedý grošovatý, sedý s proseedňo* — чеш. *prošedivélé*; прилагательное + в *полоску* — чеш. *proužkováný, páskováný*, слов. *pásikový*; прилагательное + в *клеточку* — чеш. *kostkováný, károváný*, слов. *kockováný, károváný*; прилагательное + в *узорах* — чеш. и слов. *vzorováný, vzorkováný*; прилагательное + в *цветочках* — чеш. *kytičkový* и т. п.¹⁰

Можно предположить, что эта особенность чешского и словацкого языков является результатом влияния на них со стороны немецкого.

Однако в качестве определений к существительным в чешском и словацком языках кроме указанных прилагательных и причастий употребляются также и предложно-падежные группы типа *в полоску, с узором* и др. Например, чеш. *látka s proužky, sukňe s puntíky, kostým s drobným vzorem, hedvábí s orientálními motivy, svetry s tímto dezénem, pastelové tóny s romantickými prvky, čokoládova barva ve středních tónech* и т. п.; слов. *brokát s kvetinovou vzorkou, kabátik s orientálnym dezénom, materiály v zaujímavých farbách, zamat v dezéne záplat, denim v dvoch zelených odtieňoch* и т. п.

Итак, в результате синтаксического переразложения субстантивных словосочетаний в современных славянских языках возникли следующие новые модели адъективных словосочетаний: 1) Прил + *c/z* + Сущ_{тв}, 2) Прил + *v/y/w* + Сущ_{вин}, 3) Прил + *v/y/w* + Сущ_{предл}, 4) Прил + *o* + Сущ_{предл}; 5) Прил + *na* + Сущ_{вин}.

Распределение этих моделей по рассматриваемым языкам для наглядности показано в таблице.

Т а б л и ц а

Язык	Прил + <i>c/z</i> + + Сущ _{тв}	Прил + <i>v/y/w</i> + + Сущ _{вин}	Прил + <i>v/y/w</i> + + Сущ _{предл}	Прил + <i>o</i> + + Сущ _{предл}	Прил + <i>na</i> + + Сущ _{вин}
Русск.	+	+	+	—	—
Польск.	+	+	+	+	—
Бол.	+	+	+	—	+
Срх.	+	+	+	—	+
Чеш.	—	—	—	—	—
Слов.	—	—	—	—	—

Что касается типологических различий между славянскими языками в рассматриваемом аспекте, то русский, польский, болгарский и сербохорватский языки характеризуются первыми тремя новыми адъективными моделями, в то время как чешский и словацкий таких словосочетаний не знают. Таким образом, можно считать, что результаты процесса синтаксического переразложения субстантивных словосочетаний делают славянские языки на две группы.

¹⁰ Материал извлекался из словаря F. F r á v n í č e k. *Slovník jazyka českého*. Praha, 1952, а также из журналов «Zena a moda», Praha, 1975—1976; «Odívání», Praha, 1975; «Vlasta», Praha, 1976; «Moda», Bratislava, 1974—1976.

Внутри первой группы польский язык отличается новой адъективной моделью с предлогом *o* и предложным падежом определяющего существительного; в остальных языках такая адъективная модель, вероятно, не появилась потому, что в них соответствующая субстантивная модель $\text{Сущ}_1 + o + \text{Сущ}_2_{\text{предл}}$ не выражает определительных отношений. (Имеющиеся в русском языке определительные словосочетания типа *конь о четырех ногах, змей о двух головах* представляют собой лишь отдельные устойчивые архаические выражения.)

В болгарском и сербохорватском языках употребляется новая адъективная модель с предлогом *на*. Она возникла из субстантивной модели $\text{Сущ}_1 + \text{на} + \text{Сущ}_2_{\text{вин}}$, способной передавать в этих языках собственно определительное значение (например, болг. *пуловер на квадрати*, срх. *хальина на туфне*). Это является общей отличительной особенностью болгарского и сербохорватского языков. Мы уже указывали, что болгарский язык выделяется среди остальных отсутствием падежного оформления у зависимого существительного по причине утраты им категории падежа.

Наша первая группа славянских языков, затронутых процессом переразложения субстантивных словосочетаний, не однородна также и в отношении продуктивности и употребительности возникших адъективных моделей. В современном русском языке эти модели составляют в кругу адъективных словосочетаний большую и широко употребительную группу. В польском языке они также стали достаточно многочисленными и прочными. В болгарском и сербохорватском языках словосочетаний этих новых моделей несколько меньше и они менее устойчивы, чем в русском и в польском. Выше высказывалось предположение, что в болгарском языке развитию процесса синтаксического переразложения препятствуют элементы аналитизма в его грамматическом строе (например, твердый порядок слов).

Новые адъективные словосочетания рассматриваемого типа обнаруживаются в славянских языках, в частности в русском, уже в конце XIX в., а в XX в. и особенно в нашу эпоху употребительность таких адъективных словосочетаний активно возрастает. При этом уменьшается число случаев, когда возможно как препозитивное, так и постпозитивное по отношению к управляющему существительному употребление предложно-падежной группы: *серый в яблоках, синий в полоску, красный в клетку, белый в крапинку, черные с проседью, лиловый с чернотой* и т. п.; польск. *czarny z fioletem, siwy w jabłka, granatowy w pasy, biały w kratkę, lilijowy w groszki, jasne w kwiaty, blond o odcieniu (złotawym)* и т. п.; болг. *сив на петна, бял на райета, син на рисунки, зелен със оттенък, пъстър с петна, червен с рисунки* и т. п.; срх. *жут са шарама, црвен са коцкима, бео у десену, наранџаст на пруге, син на туфне* и пр. становятся устойчивыми адъективными словосочетаниями. Более того, наблюдается тенденция к расширению семантического круга прилагательных, способных образовывать адъективные словосочетания на основе переразложения субстантивных, а вместе с тем и тенденция к известному расширению круга зависимых существительных.

Переразложение может возникать не только тогда, когда после прилагательного со значением цвета или масти следует зависимое существительное, способное служить обозначением цвета с новым его оттенком, но и тогда, когда зависимое существительное по своей семантике не способно к обозначению цвета, масти. Например, русск. *На голове у нее была серая с широкими полями шляпа; . . . поправляя белый с кружевами платок; по двору бродила белая с хохлом курица*; польск. *pióra szubrysto-jedwabiste o chorągiewkowym zakończeniu, suknie ciemne jednokolorowe z długimi rękawami, mineral biały z układem krwionosnym w postaci ciemnych ży-*

лек; болг. *рокля светлосина в класически стил, тъканите разноцветни с ажурена сплитка*; срх. *марама карирана са очитим фолклорним утицајем; сукње двобојне са фалтама и шлицевима*.

Правда, в таких адъективных словосочетаниях связь между прилагательным и предложно-падежной группой еще не крепка, поэтому возможна и постпозиция предложно-падежной группы по отношению к управляющему существительному. Ср. русск. *Сшила новое платье — красное с белой отделкой* и *Красное платье с белой отделкой — точно флаг*; срх. *...марама карирана са очитим фолклорним утицајем и карирана марама са очитим фолклорним утицајем* и т. п.

Различные относительные прилагательные, в большей или меньшей степени способные развивать качественные оттенки и обозначать признак по материалу, также могут образовывать адъективные словосочетания путем переразложения субстантивных. Например, русск. *подарил серебряные с камешками (серьги), лежал деревянный с резьбой (портсигар), бросил смушковую с малиновым верхом (шапку), надела шелковое с серебристым отливом (платье), (любки) кисейные с широкими рубцами, (пирог) пресный с яйцом, газоее с золотом (платье), стояли простые под орех (стулья), росли большие с кулак (цветы)* и т. п.¹¹; польск. (sweter) *gówny raglanowy z kapturzem; (spódnica) wąska z rękniętymi kieszeniami; (spódnica) supermodna równa z fałdem; (kardigany) proste z paskem; (modele) koszulowe w fałdy; (sweter) luźny, obszerny w geometryczny wzór; (wełna) miękka w ciemnym kolorze; (kurtka) ciepła w szerokie pasy; (rzeczy) miękkie wielkie o efekcie jedwabistym; (styl) swobodny i sportowy o charakterze nie efektownego folklorzu* и т. п.; болг. *(тъканите) гладки с цвета в шахматно повторение, (обувки) леки с красиво деколте и декоративни елементи, (повърхнини) глянчеви с «перлен» ефект* и т. п.; срх. *(мантили) класични, равни у пруге; (платно) уздужно, широко на туфне; (халфина) псилирана са ситним цветовима на црној подлози; (кошуљица) мала, недуга у црвено-белој комбинацији* и т. п.

Многие из подобных адъективных словосочетаний неустойчивы — возникнув, легко распадаются. Но показательно, как проявление тенденции к переразложению некоторых субстантивных словосочетаний в русском, польском, болгарском и сербохорватском языках, что существует возможность такого членения предложения (во всяком случае, в современной разговорной речи этих языков), при которой предложно-падежная группа оказывается зависящей от прилагательного, а не от существительного. Более того, даже в чешском и словацком языках, где не возникли рассматриваемые новые адъективные модели словосочетаний, также иногда наблюдаются случаи временного перетягивания зависимой предложно-падежной группы от существительного к прилагательному. Например, чеш. (barva) *bledá bézová s kouskem čokolady*; слов. (šaty) *romantické s ažúrkami, volánikmi a vyšivaním; (blúzka) s módnym v celku strihaným golierom; (šaly) dlhé, hrubé s tureckým vzorom* и т. п.

Это свидетельствует об активности процесса синтаксического переразложения данного типа в современных славянских языках в целом, особенно в стихии разговорной речи. Возникшие адъективные словосочетания новых моделей укрепляются в системе адъективной сочетаемости, процесс переразложения субстантивных моделей все шире охватывает новые семантические разряды прилагательных и существительных, служащих для их определения. Будучи устно-разговорными по происхождению, новые адъективные модели проникают и в литературно-письменную сферу славянских языков.

¹¹ См. большое количество примеров такого рода в кн. В. Н. Ш е н. Морфологические способы выражений определений в современном русском языке. М., 1967.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

В. Д. КОРОЛЮК

ЧЕШСКИЙ ХУДОЖНИК ВАЦЛАВ ФИАЛА

Персональная выставка произведений Вацлава Фиала, старейшего чешского художника, давнего и верного друга нашей страны, проходившая осенью во Львове и зимой в Москве (открылась 10 января 1976 г.), была большим событием в культурной жизни Советского Союза, связанного крепкими традиционными узами с Чехословакией. Выставка эта была организована министерствами культуры СССР и ЧССР. Был издан каталог с прекрасными иллюстрациями и серьезными введениями к нему¹. И москвичи и львовяне, гости из других городов и зарубежных стран с глубоким интересом и признательностью приняли эту новую выставку заслуженного художника ЧССР².

Вполне естественно, что с огромным сердечным волнением, с любовью, с серьезными размышлениями готовился В. Фиала к выставке. Художник, которому в 1976 г. исполнилось 80 лет, стремился поделиться своим опытом и мастерством с советской аудиторией. В своих заметках «Несколько слов о жизни, о себе и об искусстве» в 1975 г. он прямо обращается к советской общественности: «Я всегда верил в Советский Союз, а еще раньше верил в будущность России»³.

При организации выставки художник стремился к тому, чтобы она без всяких шумных эффектов явилась деловым отчетом о творчестве, что ему вполне удалось.

В экспозиции выставки, построенной ретроспективно, были полно отражены все периоды долгого, сложного, но очень органичного творческого пути. На выставке представлены поиски и решения художника во всех областях его творческой деятельности — живопись, графика, оформление книги и книжные иллюстрации.

Художник-путешественник, он был в России, в СССР, в Японии, Юго-Восточной Азии, Франции, Италии и Греции, на Балканах, причем особой любовью художника пользовались Чехия и Россия, — рисовал и писал пейзажи, изучал нравы и обычаи, искусство и литературу. Путешествия художника были отражены в его восточных очерках. Выставка в Москве — не только отчет художника, но и его творческий портрет.

Детские и юношеские годы Фиала (он родился в Праге в 1896 г.) провел в России, куда его отец переехал в 1899 г. Окончив в 1915 г. Харьковское художественное училище, он поступил в Петербургскую художественную академию, но через год его призвали в русскую армию. Шла

¹ «Вацлав Фиала. Чехословакия. Живопись. Графика. Книжная иллюстрация». Каталог. «Советский художник», 1976.

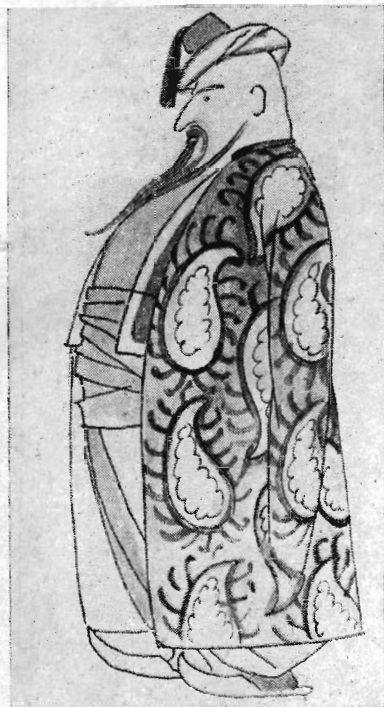
² «Наш друг — Вацлав Фиала». «Правда», 1976, 11 декабря.

³ V. F i a l a. Několik slov o sobě a o životě i umění. В каталоге: Václav Fiala. Výběr z životního díla. Rijěn — listopad 1975. Praha, 1975, s. 6.

первая мировая война. Началась революция в России. Перед художником встала проблема вступления в чехословацкий корпус, от чего художник отказался, решив вернуться в Чехословакию. В 1918—1920 гг. В. Фиала побывал в Харькове, Омске, Петропавловске, Иркутске, Владивостоке. Во Владивостоке в 1919—1920 гг. он работал главным образом художником-журналистом. В 1920—1922 гг. — путешествие в Китай, Японию, на Дальний Восток. В 1920 г. в Японии В. Фиала женился на Марианне

Эскиз костюма для «Мистерии-Буфф»
В. В. Маяковского. 1920 г.

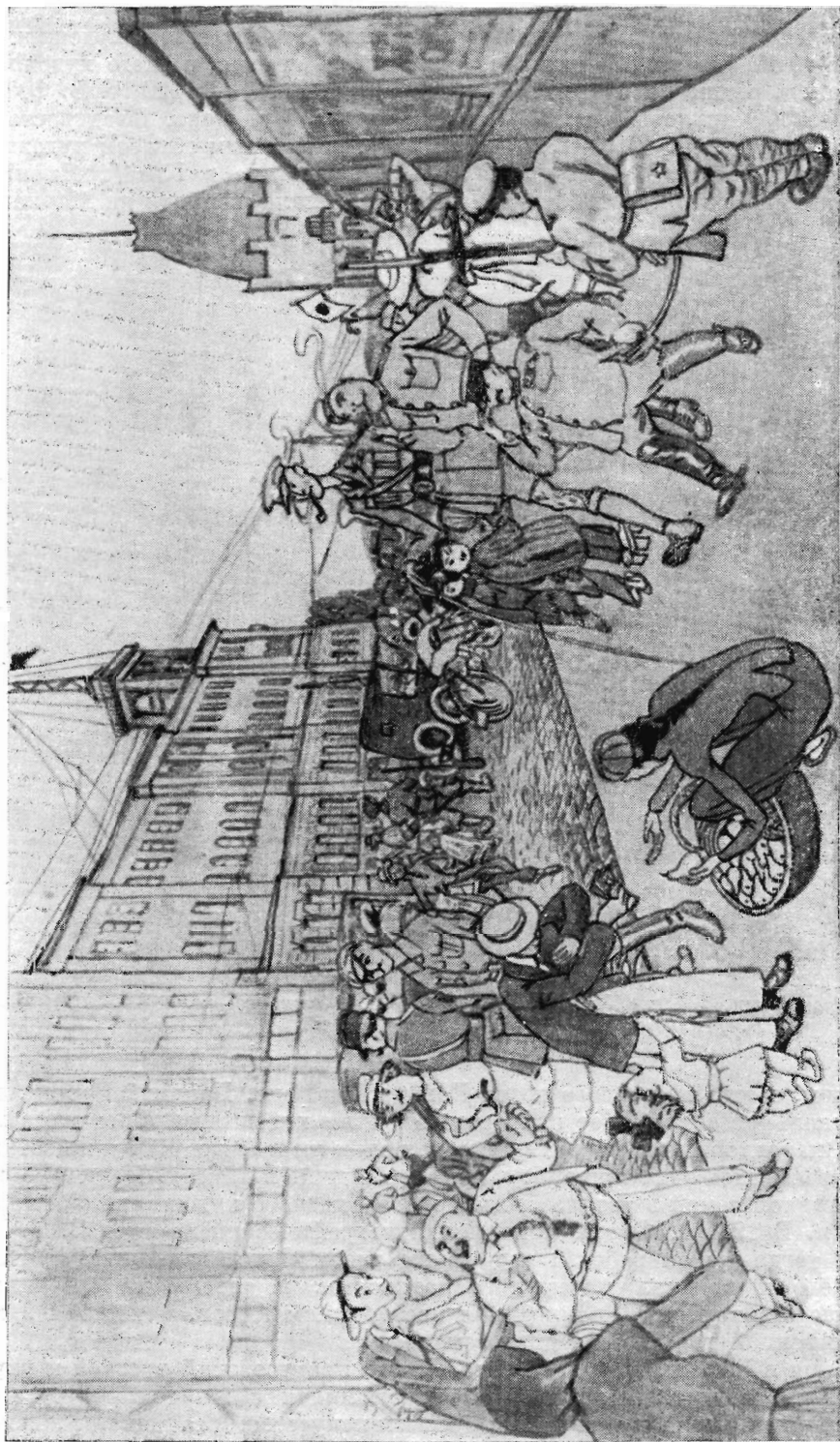

Эскиз костюма для «Мистерии-Буфф»

Бурлюк, сестре известного поэта Давида Бурлюка. Дальний Восток, его оригинальное самобытное искусство пленили художника. Восточные мотивы, характерные приемы искусства, облик людей, природа и животный мир отразились в его живописи, графике и даже в книгах. Но тем не менее главной темой в творчестве молодого чешского художника оказалась Россия. В 1920 г. Фиала выполнил литографический портрет В. И. Ленина, тогда же он работал над оформлением «Мистерии-Буфф» В. Маяковского и написал картину «Владивосток во время интервенции». (Сейчас эта картина, подписанная псевдонимом Арсов, находится в художественной галерее Владивостока⁴.)

Живя в России, В. Фиала читал много произведений русской и украинской классической литературы, знакомился с живописью русских художников. Связь художника с русским искусством реализма, с жизнью России никогда не утрачивалась.

⁴ «Вацлав Фиала». Каталог, стр. 3.

«Владивосток во время интервенции». 1920 г. Рисунок цветной

В 1922 г. Фиала вернулся в Чехословакию и в 1923 г. поступил в Пражскую академию художеств. В 1923—1926 гг. он завершил свое художественное образование. Фиала учился у знаменитого мастера реалистического искусства Макса Швабинского. Под его влиянием обогащается палитра художника. Прозрачная, нежная, просветленная гамма красок, лаконичная, выразительная, уверенная линия, обобщенная, синтезированная идея — все это дает возможность творить большие реалистические образы и в живописи и в графике. Воспитанный на русских реалистических традициях, воспринявший точные, ясные приемы мастерства Макса Швабинского, Вацлав Фиала окончательно сформировался как последовательный реалист. Его работы заговорили ясным, красочным, но сдержанным — как в живописи, так и в станковой и книжной графике — языком.

Большое впечатление на посетителей московской и львовской выставок произвели полотна, акварели и рисунки, связанные с поездками художника в Словакию и в Закарпатскую Украину (1931, 1936—1938 гг.). Эти поездки позволили художнику близко познакомиться с народным творчеством Закарпатской Украины и Словакии, что оказало известное влияние на его художественную манеру. Живой интерес вызвала серия ксилографий к повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (1937).

После начала войны, в оккупированной Чехословакии художник продолжает творить: обратясь к славянской археологии и этнографии, он создает в 1944 г. первую графическую серию «Старославянский цикл», ставший выражением славянского самосознания и своеобразным протестом против гитлеровских захватчиков.

Разгром гитлеровской Германии, освобождение Чехословакии, сотрудничество и союз Чехословакии с СССР — все эти грандиозные события дали большой толчок для развития творчества художника. С возрождением Чехословакии в жизни художника начался один из наиболее плодотворных этапов. Это — период расцвета сил и таланта Фиалы.

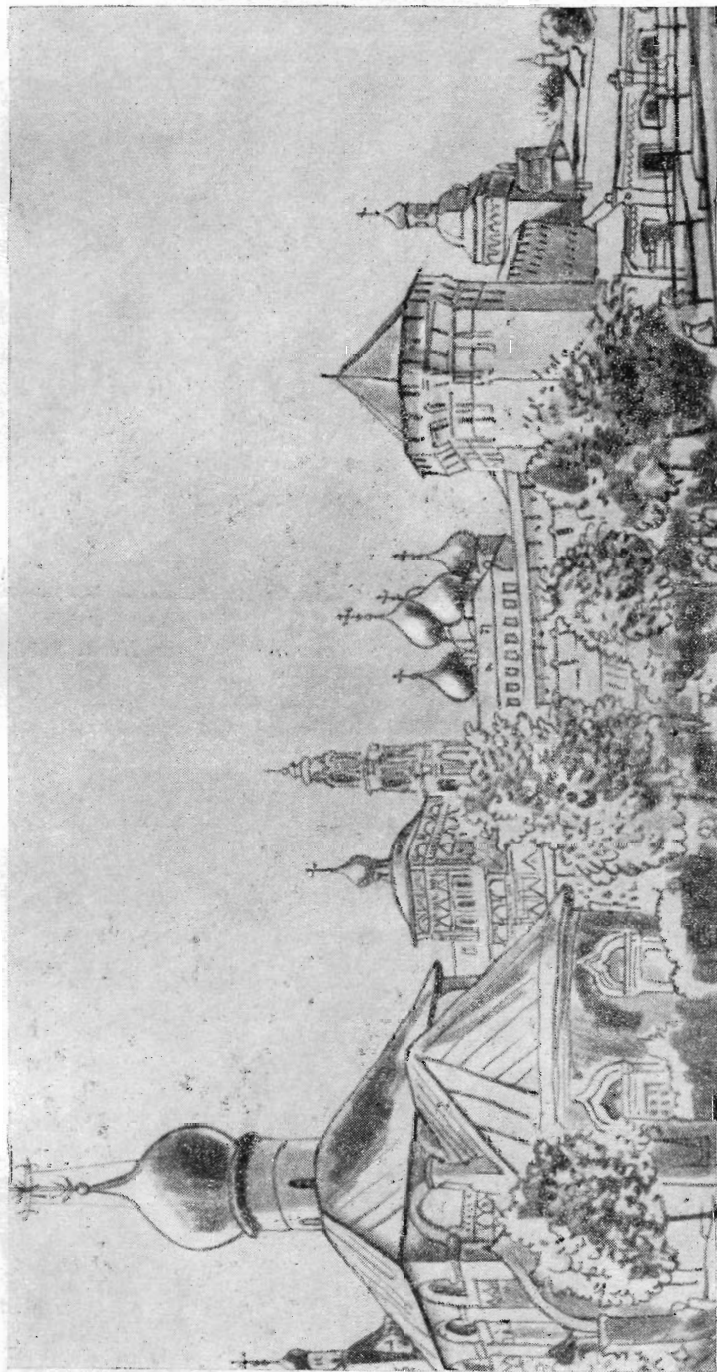
В период 1945—1976 гг. Фиала совершает большие и частые поездки в славянские страны (Польша, Болгария, Югославия), в ГДР, Венгрию, Румынию, а также в Грецию, Австрию, Бельгию, Италию. Но самым частым и дорогим гостем он был в нашей стране: в 1956 г. (Киев, Москва, Ленинград), в 1958 г. (Москва, Ленинград, Новгород, Крым, Киев), в 1960 г. (Львов, Одесса, Кавказ, Москва), в 1961 г. (Львов, Киев, Одесса, Кавказ), в 1964 г. (Москва, Ленинград, Таллин, Свердловск, Тюмень, Тобольск, Ростов-на-Дону, Переяслав-Хмельницкий), в 1971 г. (Москва, Кавказ, Владимир, Суздаль).

В своих путешествиях Фиала торопился запечатлеть природу, советские новостройки, древние архитектурные памятники, портреты, уличные мимолетные сцены. Акварели и рисунки, выполненные мастерски, производят на зрителей впечатление как бы мгновенного видения, запечатленного пером, кистью, карандашом. Такие акварели и рисунки были уже отчасти представлены на нескольких выставках в СССР (Ленинград, Свердловск, Тамбов), а на львовской и московской — с ними можно было познакомиться полнее.

Возвращаясь в Прагу (а иногда даже во время путешествий), Фиала тщательно продумывал и мастерски компоновал картины, гравюры, литографии. К числу наиболее крупных графических серий относится «Гуситский цикл» (1952). Как первый «Старославянский цикл», так и второй «Гуситский цикл» ознакомили для художника большого рубежа. Если первый цикл был как бы олицетворением борьбы с захватчиками, то второй — олицетворением возрожденной, социалистической Чехословакии. Оба эти цикла повлияли на развитие исследований по славянской

«Девчата из Широкого Луга». 1936 г. Масло

«Загорск». 1964 г. Сетия

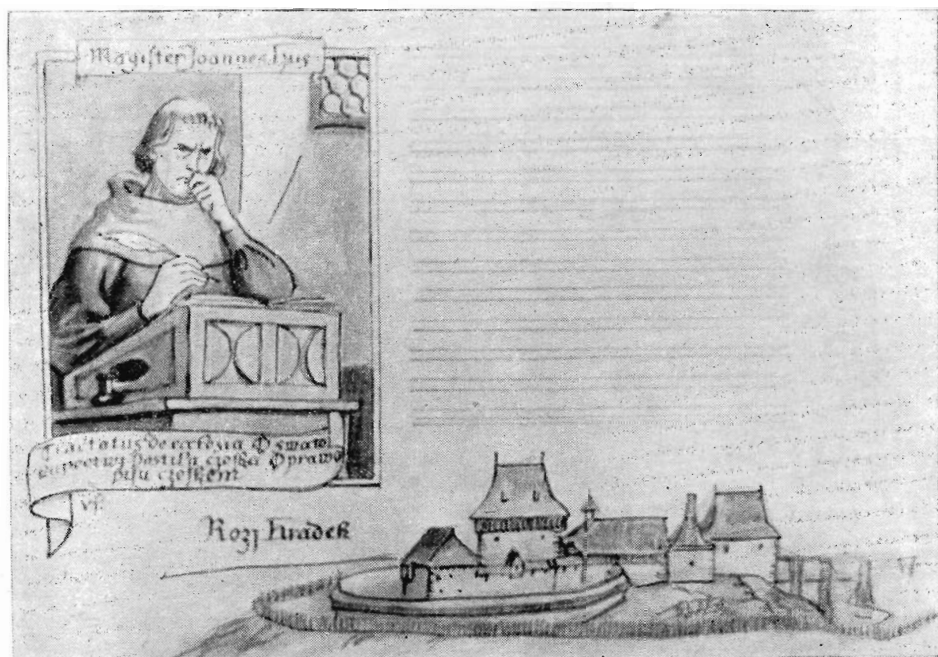

Иллюстрация к роману «Рыцари и разбойники» Карела Новы. 1955 г.

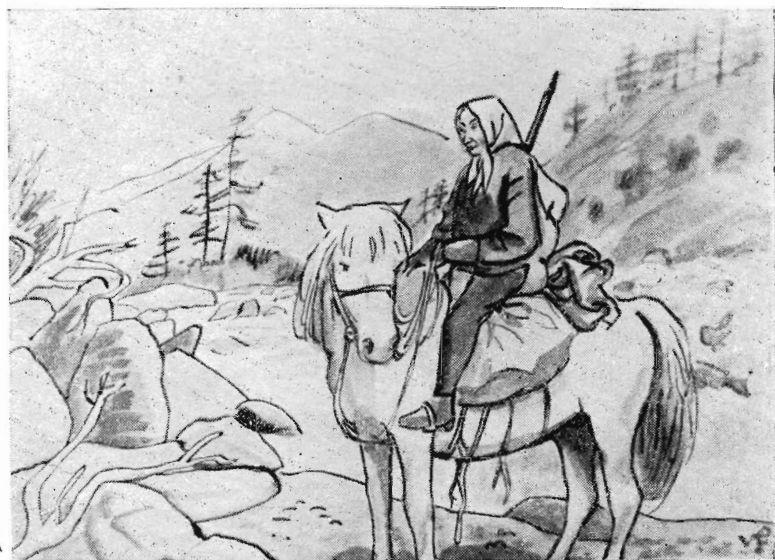

Иллюстрация к повести «Белый жеребец» Яна Козака. 1975 г.

Иллюстрация к повести «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя. 1945—1947 гг.

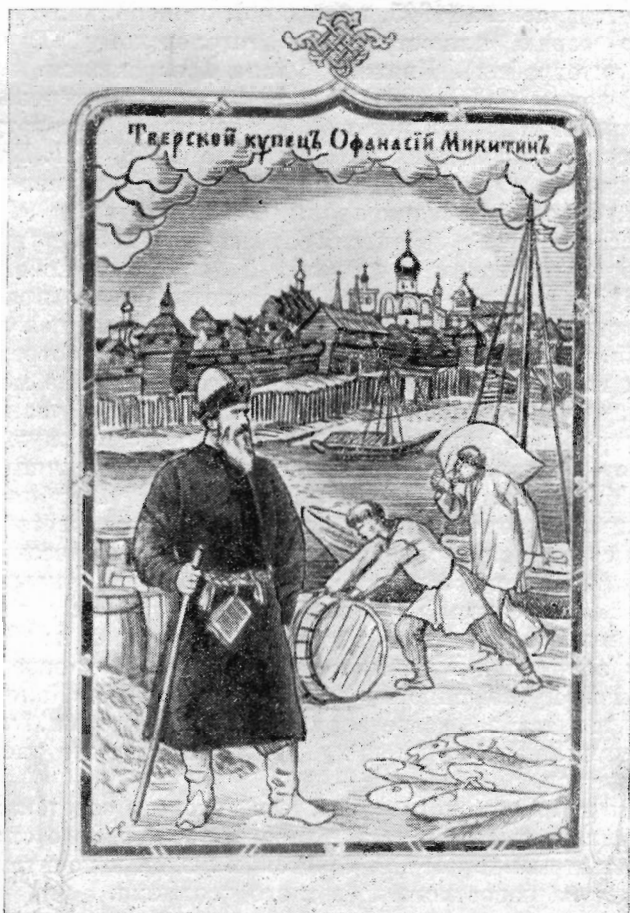

Иллюстрация к книге «Хожделение за три моря русского купца Афанасия Никитина». 1951 г.

археологии и этнографии и по истории гуситского движения, вызвали общественный интерес к большим историческим явлениям.

В 50-е годы ярко проявляется интерес Фиалы к книжному искусству. Он был не только художником, но и писателем, и даже историком.) Фиала обдумывает и воплощает образы в иллюстрациях, четко, умно и ясно связанных с текстом. Вацлав Фиала много работал над чешскими повестями и романами: рисунки (черные и цветные) к Алоису Ирасеку («Героическая Чехия», ч. I, 1951; ч. II, 1955), к Карелу Новы («Рыцари и разбойники», тушь, перо, черный мел), к Алоису Ирасеку («Скалаки», тушь, кисть) и к Яну Козаку («Белый жеребец», тушь, перо, кисть). Самым крупным произведением В. Фиалы была, конечно, серия иллюстраций (тушь, перо, кисть) к «Истории чешского народа» Ф. Палацкога (1958, 1975). Великолепны и цветные рисунки к К. Я. Эрбену («Славянские сказки», 1974).

Одновременно В. Фиала иллюстрировал западные и особенно охотно восточные книги (Низами «Хвалы», 1953; «Наль и Дамаанти», 1957; «Волшебный ковер. Казахские и узбекские народные сказки», 1962).

Наряду с чешскими книгами, русские и советские произведения составили главную основу его деятельности как книжного художника. Подготовив иллюстрации (акварели, цветные карандаши) к «Русским народным сказкам» Афанасьева (1945, не издано), он исполнил также большую превосходную серию иллюстраций к гоголевскому «Тарасу Бульбе» (1945—1947, литографии). Дважды Фиала возвращался к пушкинской «Капитанской дочке» (1950, 1961), а в 1949 г. иллюстрировал «Три сказки» А. С. Пушкина (рисунок кистью). Из советской литературы его внимание привлекли произведения М. Пришвина (1948) и П. Бажова (1960). К наиболее интересным, наряду с иллюстрациями к Пушкину и Гоголю, мне думается, относятся великолепные иллюстрации к «Хождению за три моря русского купца Афанасия Никитина» (1951, тушь, перо) и к русским народным сказкам в собрании И. В. Карнауховой «Краса ненаглядная» (1952, цветные рисунки). «Рассматривая его красочные и нарядные иллюстрации к русским народным сказкам, невольно ловишь себя на мысли, что иллюстрации эти выполнены не иностранным, а глубоко русским по духу художником»⁵. Эти слова вполне можно отнести и к иллюстрациям к «Хождению», и к произведениям Пушкина и Гоголя. Фиала иллюстрировал народный фольклор и классическую литературу, творчество его — сплав, синтез чешского реализма (идущего от традиций Й. Манеса и М. Алеша, от знаний и опытов Макса Швабинского) с реализмом русским, национальным. Обогащаясь опытом советских художников, Фиала стремился утвердить строгую реалистическую книжную культуру. Книжное искусство, сказал художник на открытии выставки в Москве, является самым массовым, самым близким к народу искусством. Приехав в Москву в связи с открытием выставки на 10 дней, Фиала одновременно занимался в библиотеках, собирал этнографические материалы к чешскому изданию карело-финского эпоса «Калевала», бывал на выставках и в театре, встречался с искусствоведами, литературоведами, историками, издателями и художниками, тут же рисуя портреты своих собеседников.

Выставка нашего чешского друга, для которого советская земля стала второй родиной, выставка талантливого, умудренного опытом художника явилась щедрым даром для советских людей и почитателей его искусства, искусства радостного и светлого реализма.

⁵ В. Д. К о р о л ю к. Русская тема в книжных иллюстрациях Вацлава Фиалы. «Советское славяноведение», 1968, № 1, стр. 88.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р. П. ГРИШИНА. *Возникновение фашизма в Болгарии. 1919—1925 гг.* София, изд. Болгарской академии наук, 1976, 343 стр.

Под редакцией и с предисловием одного из крупнейших болгарских историков акад. Д. Косева в Софии на русском языке издана монография советского специалиста по новейшей истории Болгарии Р. П. Гришиной, посвященная одной из наименее исследованных, но чрезвычайно важной проблеме генезиса фашизма в стране, его прихода к власти и первого этапа фашистской диктатуры.

Вопросы истории фашизма привлекают в течение многих лет пристальное внимание как буржуазной, так и марксистской историографии. Советские и зарубежные историки-марксисты дают аргументированный отпор попыткам представителей реакции в той или иной мере реабилитировать фашистские режимы, показывают антинаучность стремлений некоторых буржуазных авторов изобразить фашизм случайным явлением. Однако проблемы фашизма в ряде стран, в частности Центральной и Юго-Восточной Европы, до настоящего времени не получили комплексного освещения, основанного на анализе всех категорий источников. Монография Р. П. Гришиной является одной из первых работ такого рода, причем работой серьезной и творческой. Не вдаваясь в фактографию, порой даже чрезмерно скупую приводя фактический материал, автор сосредоточил внимание на главных, принципиальных вопросах, причинно-следственных связях, закономерном характере и специфике формирования фашистских сил, становлении военно-фашистского режима, главных аспектах его внешней и внутренней политики, падении первого фашистского правительства.

Автор использовала материалы Архива министерства внутренних дел, Центрального государственного исторического архива и Военно-исторического архива Болгарии, официальные опубликованные материалы, воспоминания. Учтена и болгарская литература, прямо или косвенно связанная с отдельными аспектами исследуемой проблемы. Жаль, однако, что, рассматривая историографию болгарского фашизма, Р. П. Гришина ограничивается работами 50—70 годов, не уделяя внимания оценкам, сделанным БКП и ее деятелями ранее. В книге не использована, например, статья Г. Димитрова «Когда и

как падет Цанков»¹, о выявлении которой было сообщено сравнительно недавно². Анализируя как новые источники, так и исторические труды, автор вдумчиво, критически подходит к показаниям документов, к оценкам своих предшественников.

Р. П. Гришина кратко рассмотрела политические условия, сложившиеся в Болгарии после первой мировой войны, в которых формировался фашистский лагерь. Хотя новых сведений по этому вопросу автор не сообщает, характеристика «фона» представляется яркой и убедительной, а подчас по-новому представлены и уже известные факты.

Интересен анализ складывания крайне реакционного лагеря, а затем консолидации реакционных сил. Автор рассматривает роль в этом процессе офицерства, создавшего в 1919 г. тайную Военную лигу, которая не имела сколько-нибудь четкой идеологии и программы, но в то же время была резко враждебна революционному движению, назреванию конфликта между правым офицерством и правительством Стамболийского, создание по инициативе реакционных офицеров националистических организаций «Кубрат» и «Родна заштита», место в системе правых сил террористической Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) и некоторых других звеньев, в частности монархического института.

В книге по-новому освещается создание легальных политических центров крупной буржуазии в 1922 г., образование так называемого Конституционного блока, его главные программные установки, черты сходства и различия в позициях Конституционного блока и значительно более узкой группы Народный стговор. Определяются две линии консолидации реакционной буржуазии: «Концентрация сил крайней реакции развивавшейся в направлении фашизма и не отказывавшейся от планов государственного переворота, и сплочение традиционных буржуазных партий в блок, который, конечно, также был реакционным, но при этом оставался на почве легальной оппозиционной борьбы и стремился по существу лишь к реставра-

¹ «Красная газета», 1925, 24 декабря.

² «Работническое дело», 20 III 1973.

ции порядков, существовавших до прихода БЗНС к власти» (стр. 111).

Полнее и документально обоснованнее, чем в предыдущих работах, Р. П. Гришина характеризует подготовку и проведение фашистского переворота 1923 г., поддержку заговорщиков со стороны центров финансового капитала и, что особенно важно, впервые в литературе ставит вопрос о связи созданной в результате переворота военно-фашистской власти с государственно-монополистическим капитализмом. Правда, этот вопрос рассматривается несколько ограниченно, в основном в плане участия будущих представителей военно-фашистской власти в деятельности функционировавшей в годы первой мировой войны Дирекции по снабжению и общественному планированию (стр. 109)³. Но, безусловно, в рецензируемой работе связи монополистических кругов с крайне реакционными военными и политическими формациями прослеживаются значительно рельефнее, чем в трудах других авторов.

Большой научный интерес представляет анализ формирования военно-фашистского государственного механизма, сложившегося после переворота, а также его террористической политики в отношении демократических сил и изменений в расстановке буржуазных политических группировок в 1923—1924 гг. Речь идет о таких рассматривавшихся ранее лишь фрагментарно сюжетах, как создание реакционного государственного аппарата в центре и на местах; образование Демократического стовора, который автор обоснованно характеризует как рыхлое политическое объединение, не выполнившее в полной мере функции партии фашистского типа; отношение к власти со стороны оформившейся в противовес Демократическому стовору буржуазной и мелкобуржуазной оппозиции и т. д.

В значительной мере на базе осуществленных ранее конкретных исследований Д. Косева, И. Митева, И. Димитрова, В. Василева, Г. Стефанова и других болгарских историков автор рассматривает отношение правящих кругов капиталистических стран к подготовке и проведению государственного переворота 1923 г., характеризует общее и специфическое в их позиции, причины тех или иных нюансов внешнеполитического курса в отношении правительства Цанкова со стороны крупных империалистических и балканских государств. Анализ внешней политики правительства Цанкова позволил Р. П. Гришиной сделать важный вывод о невозможности для болгарского фашизма

выдвинуть активную экспансионистскую внешнеполитическую программу, что было одной из причин слабости режима (стр. 260—261).

Характеризуя основы социально-экономической политики правительства Цанкова, автор выделяет такие главные моменты, как отношения между новым правительством и монополистическим капиталом, налоговая политика и социально-экономическое законодательство. Приводятся сведения и делаются выводы о том, что власть прочно опиралась на часть монополистической буржуазии, в то время как другие круги крупного капитала (в частности ряд табачных фирм) не поддерживали его; реформа налоговой системы не укрепила государственный бюджет и не удовлетворила налогоплательщиков; обширное социальное законодательство, будучи крайне непоследовательным и неполным, также не способствовало упрочению базы военно-фашистского правительства, оставшейся крайне ограниченной.

В рецензируемой книге впервые подробно рассмотрены причины падения правительства Цанкова в январе 1926 г. На основе документального материала автор показывает, как постепенно правящая военно-фашистская верхушка теряла поддержку части буржуазии, военных кругов, рассматривает возникновение кризиса и раскола в Демократическом стоворе.

Как первое крупное исследование сложной и многосторонней проблемы, автору которого по многим вопросам пришлось стать первооткрывателем, книга Р. П. Гришиной не свободна от некоторых пробелов, недостатков, неполностью аргументированных положений, неточностей.

Рассматривая расстановку классовых и политических сил в стране в начале 20-х годов, автор произвольно опускает отдельные важные моменты, отказавшись, в частности, за исключением случайных замечаний, от характеристики позиций социал-демократической и радикальной партий. Подчас те или иные суждения или выводы не подкрепляются доказательными или же в подтверждение их приводятся косвенные свидетельства. Это относится, например, к выдвигаемому автором тезису о союзе между Военной лигой и монархом (стр. 82—84). Полемизируя со сторонниками широко распространенного в литературе положения о подготовке в 1922 г. совместного государственного переворота правыми буржуазными партиями и командованием разгромленной в Болгарии армии Врангеля, автор ограничивается высказываниями общего характера. Называя опубликованные в коммунистической и земледельческой печати документы «материалами проагандистского свойства», Р. П. Гришина не опровергает их по существу (стр. 93) и в то же время в

³ Название этого учреждения совершенно произвольно переводится и во многих других работах, вышедших на русском языке. При этом авторы и переводчики руководствуются не болгарским наименованием, а его функциями.

другом месте сама приводит данные о планировавшемся на февраль 1922 г. государственном перевороте, от которого пришлось отказаться из-за того, что правительство узнало о нем (стр. 73). Не напоминает ли это весьма сильно так называемый «врангелевский заговор»?

Не вполне мотивированным представляется объяснение, почему летом 1923 г. не был принят уже подготовленный исключительный антикоммунистический закон (стр. 168). Вряд ли раскол в демократической партии весной 1924 г. можно связывать в первую очередь с характером личных взаимоотношений между одним из лидеров этой партии Малиновым и министром иностранных дел Калфовым (стр. 202—203).

Наиболее уязвимы с точки зрения доказательности утверждения о разногласиях в фашистской верхушке по вопросам внутренней и внешней политики. Утверждение автора, что Цанков выступал против политических убийств из-за угла, по нашему мнению, не доказано. Вряд ли могут быть аргументом цитаты из заявлений этого палача болгарского народа, относящиеся к 1928, 1932 и 1943 гг., в демагогическом характере которых Р. П. Гришина вполне отдает себе отчет (стр. 322—323). Без более убедительных доказательств существующая в науке точка зрения о прямой ответственности Цанкова не только за судебные, но и за «незаконные» убийства⁴ пересмотрена быть не может. Это, разумеется, не означает отрицания серьезных противоречий между группами Цанкова и Вылкова в первом правительстве Демократического сговора, которые автор в целом убедительно анализирует.

⁴ «История на България», т. III. София, стр. 173—174 и сл.

В работе, написанной логично и последовательно, встречаются отдельные структурные огрехи. Так, в параграфе об общем характере и результативности внешней политики правительства Цанкова речь в значительной мере идет о конкретных аспектах внешнеполитической деятельности. Материал о росте недовольства буржуазии правительством в конце главы 5 значительно логичнее читался бы в следующей, последней главе. Иногда встречаются следы небрежности. Радикальная партия, носившая мелкобуржуазный характер, причислена к буржуазным (стр. 52), в другом же месте в числе буржуазных партий названы правые социалисты (стр. 68). Не ясно, почему, говоря об ультралевом курсе в БКП, автор берет слово левые в кавычки (ультра«левые») (стр. 185), ставя этим под сомнение то ли характер определения, то ли принадлежность данной группы к политической левизне. Новый курс Ф. Рузвельта, провозглашенный в 1933 г., Р. П. Гришина почему-то относит к концу 20-х — началу 30-х годов (стр. 87).

Несмотря на отмеченные недостатки, рецензируемую монографию можно рассматривать как весьма существенный вклад в историографию. Выход ее — важный этап исследования истории болгарского фашизма, свидетельство перехода от отдельных разработок конкретных вопросов его развития к углубленному комплексному изучению. Давая высокую оценку работе Р. П. Гришиной, акад. Д. Косев с полным основанием сделал вывод, что ныне эта работа является основным трудом по истории фашизма в Болгарии первого этапа его развития и представляет собой ценный вклад в советскую болгаристику (стр. 8—9).

Г. И. Черняевский

ДИМИТРИЈЕ ТУЦОВИЋ. Преписка. Титово Ужице, 1974, 440 стр.
ДИМИТРИЕ ТУЦОВИЧ. Переписка

В последние годы в Югославии все большее внимание уделяется изучению истории рабочего движения. Значительный вклад в эту работу вносит Институт истории рабочего движения Сербии, сотрудники которого опубликовали ряд монографий, посвященных отдельным проблемам рабочего движения, подготовили и готовят к печати сборники документов и материалов по этой теме.

В рецензируемой книге, содержащей переписку выдающегося деятеля сербского рабочего движения, секретаря Сербской социал-демократической партии (ССДП) Д. Туцовича, впервые публикуется ряд важных архивных материалов, освещающих работу ССДП. Хронологи-

ческие рамки публикации 1898—1914 гг. Книга состоит из трех разделов. В первый, наибольший по объему, включена переписка с участниками, преимущественно руководителями сербского рабочего движения. Особенно широко представлена переписка Д. Туцовича с Д. Лапчевичем; это, вероятно, объясняется тем, что у Д. Лапчевича хранилась значительная часть известных ныне архивных материалов ССДП. Второй раздел составляет переписка Д. Туцовича с видными деятелями международного рабочего движения того периода (в основном с руководителями социал-демократических партий Балкан и Австро-Венгрии). В третий, сравнительно небольшой раздел

вошла личная переписка Д. Тудовича (с родственниками и друзьями).

Материалы, представленные в рецензируемой книге, касаются организационной, агитационной и парламентской деятельности ССДП, ее внутривнутриполитического развития, позиции сербских социал-демократов по национальному вопросу и балканской проблеме, участия ССДП в работе региональных и международных социалистических конгрессов и конференций, раскрывают отношение Тудовича к некоторым из этих вопросов, содержат сведения о различиях в подходе руководителей ССДП к отдельным аспектам в работе партии.

Особую значимость приобретают сведения, касающиеся тех сторон деятельности ССДП, которые по тем или иным соображениям не получили освещения на страницах сербской социалистической печати.

Первые годы существования ССДП ознаменовались борьбой марксистского ядра партии с оппортунистической фракцией «нововременцев», завершившейся исключением из партии фракционеров на III съезде ССДП (1905). Несмотря на то, что в последующие два года внутривнутрипартийное положение оставалось сложным, а в руководстве ССДП возникали кризисные ситуации, эти вопросы не получили отражения ни в социалистической печати, ни в опубликованных документах ССДП. Между тем факты, упоминаемые в переписке Д. Тудовича с Д. Лапчевичем (в частности, их негативные замечания по поводу группировки правых, объединившихся вокруг журнала «Живот»), позволяют утверждать, что в 1906—1908 гг. в ССДП сохранялись фракционные тенденции.

В ряде писем Д. Тудовича весьма критически отзывался о многочисленных «отставках», т. е. об уходе с выборных постов в руководстве ССДП и профсоюзов видных деятелей сербской социал-демократии. Серия «отставок» зимой 1907—1908 гг. свидетельствовала о внутривнутрипартийном кризисе, способствовала его обострению и углублению, открывала простор для носителей правых тенденций. Подготовленные в такой обстановке для рассмотрения на VI съезде партии документы и предложения предполагали ослабление внутривнутрипартийной дисциплины, сводили на нет принцип централизма в деятельности ССДП. Указывая на причины, побудившие его прервать занятия в Берлине и вернуться весной 1908 г., накануне VI съезда ССДП, на родину, Д. Тудович отмечал: «Поскольку я уверен, что принятие всего того, что подготовлено к съезду, значило бы гибель движения, в особенности принятие нового Устава, ежедневное издание газеты, выдвижение кандидатов в депутаты в сельской местности, я недолго думая решил ... вернуться» (стр. 121—122).

Ранее имелись лишь косвенные подтверждения (например, выступления делегатов XI съезда ССДП) того, что именно Д. Тудович был инициатором открытого, принципиального обсуждения вопросов, связанных с внутривнутрипартийными разногласиями, с проявлениями левых или правых тенденций. Летом 1908 г. в связи с критическими выступлениями «Радничких новин» относительно публикации в органе крагуевацкой организации ССДП газете «Радник» (в то время ее редактором был Сима Маркович) статей, в которых принаждалась роль партии в рабочем движении, Д. Тудович писал Д. Лапчевичу: «Мы, возможно, по-разному относимся к вопросу о том, следует ли делать вид, что не замечаешь некоторых явлений во внутривнутрипартийной жизни, или же необходимо, когда нужно, на них реагировать. Мне кажется, что ты во время твоего пребывания в редакции и в других случаях более склонялся к первому, я же сторонник культивирования критики в партии в полной мере. „Радничке новине“ не могут и не смеют игнорировать эту обязанность» (стр. 146).

Позиция ССДП по национальному вопросу и балканской проблеме, отношение сербских социал-демократов к боснийскому кризису и балканским войнам широко освещались в сербской социалистической печати и выступлениях представителей ССДП. Основное внимание при этом уделялось критике политики правящих кругов Сербии и империалистическим проискам великих держав на Балканах, т. е. тем аспектам, которые предполагали конфронтацию в данном вопросе позиций социал-демократии и буржуазных партий. Примечательно, что в этих материалах не упоминалось, за исключением, о расхождениях, возникших в связи с этим в международной социал-демократии. О причинах подобного, в определенной степени не полного, освещения взглядов ССДП на страницах ее печати сообщал Д. Тудович в письме К. Кауцкому: «Партийный орган австрийских товарищей, — писал он, — стал рупором всей той лжи и обмана, которые распространяет австрийская дипломатия с вполне прозрачными намерениями. Наша партийная печать не то место, где эти вопросы можно было бы ставить; посредством нее мы ведем борьбу против собственных классовых противников» (стр. 307—308).

Резкая и аргументированная критика позиции социал-демократов Австро-Венгрии по балканской проблеме, прозвучавшая впоследствии в выступлении Д. Тудовича на Копенгагенском конгрессе II Интернационала, неоднократно встречается в его письмах, в особенности относящихся к 1908—1909 гг.

Сербские социал-демократы понимали, что оппортунизм в национальном вопросе базируется на ревизионизме. На это прямо указывал Д. Тудович, замечая, что

австрийские социал-демократы *«еще большие ревизионисты, нежели австрийцы. И в ревизионизме должно искать объяснение этого»* (стр. 106).

Принципиальная классовая интернационалистическая позиция ССДП, занятая ею в сложной обстановке боснийского кризиса, получила признание зарубежных социалистических партий, подняла авторитет ССДП в международном рабочем движении. Представители социал-демократических партий Балкан и Австро-Венгрии, выступившие на VII съезде ССДП (на этом съезде, состоявшемся в 1909 г., впервые присутствовали делегации зарубежных партий), высоко оценили деятельность ССДП во время боснийского кризиса.

Тем не менее различия, притом достаточно серьезные, в подходе к национальному вопросу остались. Письма Д. Туцовича показывают, что он, один из инициаторов и организаторов первой балканской

социал-демократической конференции, принимал во внимание различия в постановке национального вопроса партиями — участницами конференции (в частности, критически отнесся к решениям Люблянской конференции югославянских социал-демократических партий), понимал, что сформулировать общую точку зрения на этой конференции будет не легко.

Интересный материал содержит рецензируемая книга о международных связях ССДП. Особенно широки, что подтверждает переписка Д. Туцовича, были контакты ССДП с болгарскими «тесяками» и боснийскими социал-демократами. Последним, как свидетельствуют многочисленные письма руководителя рабочего движения Боснии Сретена Якшича, сербские социал-демократы оказывали большую помощь, особенно в агитационно-пропагандистской работе.

Т. Зююкина

A. S. MYL'NIKOV. *Vznik narodně osvícenské ideologie v českých zemích 18. století. Prameny národního obrození*. Praha, Universita Karlova, 1974, 260 s.

А. С. МЫЛЬНИКОВ. *Возникновение национально-просветительской идеологии в Чешских землях XVIII столетия. Источники национального возрождения*

Национальное возрождение в Чехии — важнейшая страница истории страны, период становления национальной культуры — привлекало внимание многих историков. Истоки этого явления исследованы много слабее. Существует, правда, большая литература, и старая и современная, посвященная периоду после поражения Чехии при Белой Горе 1620 г., однако в марксистской историографии разрабатывались до сих пор лишь отдельные вопросы. Советский исследователь А. С. Мильников поставил своей задачей дать единую концепцию культурного развития Чехии этого периода.

В основу работы положена часть докторской диссертации автора. Книга вышла в Чехословакии в чешском переводе и не имеет аналогичного издания на русском языке.

В историографическом введении автор отмечает, что проблема зарождения просветительской идеологии до сих пор не решена, даже по вопросу периодизации нет единого мнения — некоторые авторы вообще не уделяют внимания раннему Просвещению. Автор книги дает четкую периодизацию — с конца XVII в. по 1740-е годы — предпосылки, 1740—1770-е годы — эпоха раннего Просвещения, 1770 — начало 1790-х годов — расцвет просветительской идеологии, совпадающий с на-

чальной стадией национального возрождения.

Поражение Чехии, переход поместий в новые руки, широкий размах второго издания крепостного права, жестокая эксплуатация крестьянства привели страну к концу XVII в. в критическое состояние. Одновременно с кризисом сельского хозяйства шел процесс создания мануфактур, в недрах феодального общества зарождались раннекапиталистические отношения. Чешский город уже со второй половины XVII в. переживал упадок, однако, причину этого А. С. Мильников видит не столько в самом белогорском поражении, сколько в кризисе цехового ремесленного производства, начавшемся в XVI в., и политическом упадке городов в результате подавления восстания 1547 г. В то же время города по-прежнему оставались центрами производства и играли важную роль в общественной жизни страны.

Анализируя социальную структуру чешского общества, автор особо останавливается на мешанстве. Население городов было весьма пестрым — более богатые слои (владельцы мануфактур) в значительной части были чешского — немецкого или еврейского — происхождения (стр. 46). Интересы чешского народа и

его культуры были им глубоко чужды, но в этот период и в городах и в деревнях формируется тип мелкого предпринимателя, национальная чешская буржуазия. Приблизительно к середине XVIII в. автор относит возникновение двух новых взаимозависящих друг от друга групп — чиновничества и новой интеллигенции, происходившей в основном из мещанства и крестьянства, поскольку существовавшая в прошлом чешская интеллигенция в результате репрессий, наступивших после 1620 г., была вынуждена эмигрировать или попросту была уничтожена. Несмотря на преследования, национально-патриотическая традиция сохранялась в недрах крестьянства. Сложнее было в городах, но и здесь, несмотря на германизацию, в среде чешского мещанства сохранялось патриотическое самосознание. Значительно было влияние эмигрантской протестантской литературы, прежде всего трудов Коменского и Странского. Особо автор останавливается на проявлениях славянского самосознания в этот период: призывы к единству католиков, протестантов, православных в борьбе против угрозы турецкого завоевания, представления Пешины о славянском единстве, появление труда И. Давида о России и многое другое. Говоря о проникновении просветительских идей в Чешские земли, автор на основе изучения новых материалов показывает значительность чешско-русских культурных контактов в эпоху Просвещения.

Автор отмечает три основных направления развития общественной мысли в Чешских землях в эпоху раннего Просвещения. Первое связано с именем И. Зоненфельза, оно находило поддержку при венском дворе, второе — так называемые «шенгайсты» — основывалось на авторитете проф. К. Сейбта и ориентировалось прежде всего на немецкую культуру. Третье направление, представленное И. Питером, Г. Добнером, А. Фойгтом, М. Целльцем, автор определяет как национально-просветительское, или собственно чешское Просвещение (стр. 247). Книга завершается заключением, текст которого на русском языке прилагается в качестве резюме.

Своей целью автор поставил пересмотр ряда оценок, даваемых буржуазной историографией явлениям изучаемого периода. Первый принципиальный вопрос — оценка самого периода, получившего название «эпоха тьмы». Автору удалось показать, что на протяжении всей эпохи сохранялась непрерывная национально-культурная патриотическая традиция, причем он связывает это прежде всего не с дворянской оппозицией, не с тайно соболюдавшимися крестьянством протестантскими традициями, а с городскими мещанскими слоями, либерально, порой даже консервативно настроенными, весьма

лояльно относящимися к габсбургскому режиму. Сам ход городской жизни в условиях развивающихся капиталистических отношений предопределил потребность в сохранении и родного языка и национальной культуры. Установленный Мыльником факт сохранения этой национально-патриотической традиции, показанный им на фоне конкретной жизни чешского города, опровергает мнение буржуазных историков об абсолютно беспросветной «эпохе тьмы». В то же время, воссоздавая тяжелые условия и трудности сохранения традиций, автор окончательно опровергает и противоположную, апологетическую теорию Пекаря с его пресловутым «католическим барокко». Автору удалось показать те силы, которые таятся в различных слоях жизнеспособного талантливого народа даже и после утраты им национальной независимости и в условиях внешне полного подчинения власти и идеологии победителей.

Оригинально, с новых позиций автор разрешает и вопрос об отношении католической церкви к чешской национальной культуре. Он подчеркивает, что преследование чешского языка, культуры, книг габсбургским государством и католической церковью не носило фанатичного характера, а было подлинно замыслом порабощения чешского народа. Отсюда и тактика — не полное искоренение национальных традиций, а приспособление их для собственных политических нужд. На наш взгляд, эта чрезвычайно интересная точка зрения требует некоторого уточнения. Для жизни чешских городов, действительно, акты католического насилия не были типичными. Да и в этом и не было нужды — все протестантски настроенные слои чешского города попросту вынуждены были эмигрировать, и в городах остались лишь принявшие католицизм. Иначе было в деревне. В большинстве случаев эмиграция крестьян не допускалась, их насильно обращали в католицизм. Но именно в деревне были сильны протестантские традиции, недаром сам автор приводит факт, что до издания патента о веротерпимости 1781 г. в отдельных чешских деревнях имелись протестантские священники. Именно поэтому в конце XVII в., да и позже акты насильственного изъятия и сожжения книг не были исключением, а за укрывание протестантов полагались жестокие кары. Интересен отмеченный автором факт, что в начале и в конце этого периода стоят такие крупные деятели, как Бальбин и Добровский и оба они — представители католического духовенства. Однако описываемые автором условия их деятельности (особенно Бальбина) показывают, что она проходила не только в рамках католической церкви, но скорее вопреки ей. На наш взгляд, в работе недостаточно показан элемент вынужденности притягивания условий послебелогорской действительности.

В книге разрешен еще один вопрос — своим исследованием автор опроверг легенду о мнимом безразличии ранних чешских просветителей к национально-патриотической проблематике. Он показал, что чешские ранние просветители стояли на позициях «национального осмысления политических требований», по формулировке автора, хотя значительная часть их произведений написана по-немецки и от-

части на латыни, они выступали в них в защиту интересов чешского народа.

Написанная на высоком научном уровне, на базе изучения большого свежего материала, книга А. С. Мыльникова представляет значительный интерес как для историков Чехословакии, так и для интересующихся комплексной проблемой «Век просвещения, XVIII век».

Н. М. Пашаева

ВИДУКИНД КОРВЕЙСКИЙ. *Деяния саксов. Вступительная статья, перевод и комментарии Г. Э. Санчука.* М., 1976, 272 стр.

Опубликованная недавно в серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы» рецензируемая книга представляет собой перевод исторического сочинения — Хроники немецкого писателя X в. Видукинда Корвейского с пространным комментарием и вступительной статьей. В приложении приводится латинский подлинник памятника.

Сочинение Видукинда — одно из самых значительных произведений раннесредневековой литературы и важный источник по истории как Восточно-франкского королевства, так и западных славян. Полного русского перевода «Деяний саксов» до сих пор не было, и подготовленное Г. Э. Санчуком первое научное издание этого памятника представляет интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

Вступительная статья содержит историографию проблемы, важнейшие сведения об эпохе, авторе и его произведении, рукописях и их публикациях. В комментариях с большой тщательностью объяснены необходимые термины, смысловые трудности, отмечены литературные особенности памятника. При этом необходимо отметить, что вступительная статья и комментарий имеют самостоятельное научное значение и являются своего рода обобщающим итогом исследовательских работ автора по истории славяно-германских отношений¹.

¹ Отметим в этой связи прежде всего следующие работы: Г. Э. Санчук. Политические взгляды Видукинда Корвейского. В сб. Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971, стр. 250—281; е г о ж е. Видукинд как идеолог восточной экспансии раннефеодального Немецкого государства. В сб. Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969, стр. 231—244; е г о ж е. Видукинд Корвейский и его «Деяния саксов». В сб. Вопросы историографии

Г. Э. Санчук убедительно обосновывает научную и политическую актуальность источниковедческого и историографического изучения сочинения Видукинда, отмечая важность этого источника для выяснения прежде всего классового существа германской имперской идеологии X в., причин ее формирования и значения как средства оправдания восточной экспансии феодалов. Вместе с тем, как подчеркивается в статье, именно этот аспект исторического труда Видукинда был использован шовинистической немецкой историографией прошлого, тенденциозно интерпретировавшей текст «Деяний саксов» с целью идеализации исторической роли императоров саксонской династии X в. и обоснования тезиса о мессийной роли Саксонии и Германии в истории Европы; отсюда же берет начало и теория «Священной монархии», имеющая сторонников в современной историографии ФРГ. В разоблачении подобных теорий видит автор актуальную задачу своего исследования.

В плане социально-экономического и политического развития Саксонии X в. Г. Э. Санчук рассматривает дискуссионный вопрос о социальной принадлежности хрониста. Автор склонен видеть в Видукинде — монахе монастыря Новая Корвея — «выразителя тех слоев духовенства», которые блокировались со светскими кругами, заинтересованными в активной внешней политике Саксонского герцогства, в сильной королевской власти саксонского происхождения (стр. 24).

На основании текстологического анализа памятника Г. Э. Санчук аргументированно датирует стадию авторской работы хрониста. Начало работы над Хроникой он относит к 957—958 гг., продолжение — к 968, а к 972 г. — завер-

и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973, стр. 87—101; е г о ж е. Германо-чешские отношения. 1-я половина X в. «Советское славяноведение», М., 1976, № 2, стр. 75—95.

шение Хроники. Автор обращает внимание на постепенное изменение основной темы «Деяний», их основной направленности: от защиты интересов саксонской знати в 958 г. — к апологии саксонской династии и державы в 968 г. Причину этого Г. Э. Санчук усматривает в политических событиях 50—70-х годах X в. (стр. 28).

Важные исследовательские выводы содержит раздел, в котором автор реконструирует политические взгляды и историческую концепцию Видукинда, которые на основе политической, правовой, социальной и этнической терминологии Хроники, а также на основании сопоставления фактических сведений из «Деяний саксов» с данными имперских annales и современных Видукинду авторов (в частности, сочинения Гротсвит «Деяния Оттонов») реконструирует политические взгляды и историческую концепцию Видукинда. Главная задача Видукинда, как показывает автор, заключалась в идеологическом и историческом обосновании сильного саксонского государства и его гегемонии над другими народами, что в известной степени продолжало традицию каролингской имперской программы. Характерно, что итало-византийскую политику Видукинд оставляет сознательно вне поля зрения. В центре политических взглядов Видукинда, подчеркивает Г. Э. Санчук (стр. 48 и след.), — имперская концепция власти саксонских государей, не зависящих от Рима и папы. Главное внимание Видукинд уделяет восточной политике Саксонии; он — сторонник и идеолог восточной экспансии, направленной прежде всего против полабских славян, Чехии и Польши — в такой политике видит он залог европейского могущества Саксонии. Г. Э. Санчук доказывает, что подобная политическая программа диктовалась материальной заинтересованностью тех кругов немецких феодалов, которые предпочитали вести наступление на славянские народы не под лозунгом христианской миссии, а под знаком политической гегемонии, мотивируя это культурным и историческим превосходством Саксонии как преемницы Франкской державы (стр. 50 и след.).

Рассматривая в этой связи широко дискутируемый в историографии вопрос о степени и характере воздействия на программу Видукинда философско-исторической концепции Августина, Г. Э. Санчук приходит к выводу, что правильнее говорить об использовании Видукиндом лишь отдельных положений Августина, в частности, для обоснования высокого назначения королевской власти как орудия распространения христианства, но при этом королевской власти, не зависящей от церкви (стр. 52—54). Убедительным представляется и общий заключительный вывод автора о том, что политические взгляды Видукинда сформирова-

лись не в результате заимствования отдельных представлений других авторов, а в конкретных социально-политических условиях раннефеодального немецкого государства (стр. 64).

Социальный и политический анализ эпохи, данный Г. Э. Санчуком, разносторонен и интересен. Однако, на наш взгляд, автору следовало бы уделить больше внимания структуре и противоречиям внутри господствующего класса каролингской эпохи и периода Восточно-франкского королевства. Более детальная характеристика группировок господствующего класса помогла бы лучше понять позицию Видукинда. Несколько лаконична и характеристика социальных отношений в Саксонии X в.: противоречия феодалов и эксплуатируемых масс недостаточно раскрыты (стр. 54).

Можно сделать некоторые замечания относительно перевода памятника и комментариев. Перевод в целом очень добротен. Недостатком его является некоторый буквализм, что приводит к излишнему отягощению языка, а подчас даже к затемнению смысла (стр. 129, 132). В некоторых случаях переводчику не полностью удается адекватное осмысление оригинала. Так, например, перевод «*tanus dage*» (стр. 69) как «сдаваться» (стр. 130) — уже не перевод, а осмысление и вряд ли точное, поскольку речь идет о мирных переговорах, о соглашении на равных между Тиадориком, королем франков, и Ирминфридом, королем тюрингов.

Есть случаи, когда текст допускает двойное толкование и переводчик выбирает, как мне кажется, не лучшее: «*tantis ac talibus*» (стр. 70) лучше переводить не просто «таких» (стр. 132), но «таких многочисленных и могущественных», что более отвечает смыслу.

Имеются некоторые неточности: в частности, фразе оригинала на стр. 66 «*Saxonibus vero acriter resistentibus, portum obtinent*» лучше соответствует перевод «... саксы же, упорно наступая, овладели гаванью» (стр. 126).

В § 11 Видукинд говорит о *aurora rutilons* (розовый рассвет) — не отражение ли это гомеровского «Розоперстый Эос»? В лучшем комментарии нуждается § 16 (стр. 208), в котором идет речь о Бруно, сыне Людольфа, которого Видукинд называет *dux totius Saxoniae* (к сожалению, в комментарии имеется опечатка: год смерти Бруно — 880, а не 980). Принимая точку зрения Бартмуса, Г. Э. Санчук пишет, что Бруно после 872 г. окончательно укрепил власть Людольфingов в Саксонии. Но эта точка зрения не общепризнана.

Комментарий к одному из первых сообщений Видукинда о «королевском городе» Магдебурге — недостаточен. Следует подчеркнуть, что Магдебург, основанный Карлом Великим, долгое время был глав-

ной резиденцией Оттона I и фактически политическим центром империи.

Отмеченные погрешности ни в коей мере не умаляют научной значимости и актуальности данного издания, вводящего в научный оборот важный исторический источник — объект, пристального интереса и изучения широкого круга медие-

вистов, как славистов, так и германистов. Наблюдения и выводы, к которым приходит автор публикации, создают источниковедческую основу для изучения германо-славянских отношений раннефеодального периода.

А. Ястребичкая

Studia polono-slavica-orientalia. Acta litteraria III. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1967, 174 s.

Польско-восточнославянские исследования

В отличие от изданий 1974 и 1975 гг. третий выпуск этой серии исследований не богат статьями: их всего четыре. Зато среди них есть работа, достойная особого внимания, работа, кладущая начало публикации библиографических материалов, специально посвященных истории польско-восточнославянских литературных связей.

В предисловии «От редакции» сообщается, что «в Секторе восточнославянских литератур Института славяноведения ПАН постоянно и систематически ведутся обширные документально-библиографические работы по польско-восточнославянским литературным отношениям, а также по истории польской историко-литературной славистики в области восточнославянских литератур» (стр. 6). Большой частью эти работы предполагается публиковать в информационных бюллетенях, специальных журналах и отдельных выпусках. Так, накануне третьего Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы, проходившего в Варшаве 23—28 августа 1976 г., Институт славяноведения ПАН уже выпустил в свет два тома «Библиографии польской русистики 1945—1975», один по литературоведению¹, другой по языкознанию².

Кроме того, Институт славяноведения ПАН выпустил первый номер «Славистического бюллетеня»³. Главной целью этого информационного журнала, который будет выходить раз в год, является освещение «проблематики, связанной с организацией, развитием исследований и достижениями польской славистики в области восточнославянского, западнославянского, а также южнославянского языкознания и литературоведения»⁴. Некоторую же часть этих материалов, представляющих особый интерес для широкого круга искусствоведов, Э. Базеля, Х. Стохель и Э. Висьневская поместили в «Польско-восточнославянских исследованиях» под названием «Русистика, украинистика, белорусистика на страницах „Ведомостей литератки“». Либеральный еженедельник «Ведомости литератке», издававшийся в Варшаве в 1924—1939 гг., печатал представителей различных направлений, не исключая коммунистического, и был в межвоенной Польше весьма популярным журналом, довольно широко знакомившим читателей с культурной жизнью Страны Советов. Поэтому такая выборочная публикация библиографических материалов по польско-восточнославянским литературным и культурным связям, находившим свое выражение на страницах указанного еженедельника в виде переводов, статей, рецензий, дискуссий, интервью, репортажей и фельетонов, вполне уместна здесь. Точно так же оправдано и то, что в са-

¹ E. Bazela, M. Chajęcka, L. Jazukiewicz-Osełkowska, H. Stochel. Red. B. Białokozowicz. Bibliografia rusycystyki polskiej 1945—1975. Literaturoznawstwo. Warszawa, 1976, 373 s.

² M. Jurkowski. Bibliografia rusycystyki polskiej 1945—1975. Językoznawstwo. Red. A. Mirowicz. Warszawa, 1976, 172 s.

³ «Biuletyn Slawistyczny». Zesz. 1, R. I. Warszawa, 1976, 153 s.

⁴ Ibid., s. 3.

мом крупном из трех разделов, а именно в русском разделе, кроме литературы, выделены также театр, кино, музыка, живопись, архитектура, скульптура, наука, просвещение и культура. Особая публикация библиографических материалов по связям Польши с восточнославянскими литературами, сама по себе уже свидетельствующая о достаточно широком диапазоне проведенных исследований в данной области, создает предпосылки для еще большей их специализации и, следовательно, для перехода на более высокую ступень научных изысканий. В этом и заключается главное оправдание таких трудов.

Из остальных работ, помещенных в рецензируемой книге, лучшей, по-моему, является исследование В. Вильчиньского «Владислав Сырокомли и восточнославянские литературы». Польский ученый поставил своей задачей собрать и упорядочить все известные нам факты, относящиеся к связям В. Сырокомли с восточнославянскими литературами и фольклором. В. Вильчиньский показывает, что это были богатые и разносторонние контакты. Многими гранями своего творчества польский поэт соприкасался с русской литературой, сыгравшей особую роль в его творческом становлении. Значительное влияние, даже на форму его произведений, оказал также белорусский фольклор. Ярким выражением демократических симпатий литературной Польши к украинской культуре явились, по словам исследователя, переводы Сырокомли из Шевченко. Эти широкие и устойчивые связи с литературами восточных славян и их устным творчеством, согласно В. Вильчиньскому, в значительной мере и обуславливали свойственные поэзии Сырокомли «черты народности, демократизма, общественного радикализма, а также сатирическо-обличительный характер» (стр. 53). Есть в этой статье и любопытные частные наблюдения. Так, приняв гипотезу советского ученого З. Я. Тальвирской, согласно которой автором польского текста подпольного издания «Гуторки старого деда» следует считать В. Сырокомлю⁵, В. Вильчиньский в то же время выдвинул ряд аргументов в обоснование того предположения, что на белорусский язык эту агитационную брошюру перевел, вероятно всего, В. Дунина-Марцинкевич, а не В. Коротынский, как полагали ранее (см. стр. 86—88).

Для широкого круга славистов еще больший интерес представляет, пожалуй, статья В. Стохеля «Адам Мицкевич, Александр Пушкин и Тарас Шевченко в белорусской литературе 1863—1917 годов». Но она, к сожалению, менее продумана, чем статья В. Вильчиньского, и явно уступает ей в строгости аргументации. Так, полемизируя с С. И. Василёнком, который, сославшись на некоторое сходство творчества Ф. Богушевича и А. Мицкевича, делает отсюда вывод об огромном влиянии лучших произведений польского поэта на белорусского, В. Стохель противопоставляет этому, действительно не доказанному, утверждению другое — увы! не менее произвольное, гласящее, что наблюдаемое родство поэзии Богушевича и Мицкевича объясняется главным образом их обращением к одному и тому же источнику, к белорусскому фольклору, и что якобы поэтому воздействие польского поэта на белорусского «является опосредованным» (стр. 24). Возражение более чем неубедительное: ведь обращение поэтов к какому-то общему источнику не только не исключает возможности их непосредственного влияния друг на друга, а даже, напротив, может усиливать его. Так не пропе ли было бы умолчать о статье С. И. Василёнка как утратившей научное значение, нежели обставлять его огульные суждения еще более сомнительными поправками? Чувство неудовлетворенности оставляет и то, что В. Стохель, толкуя о влиянии трех величайших славянских поэтов на белорусскую литературу, не всегда достаточно полно учитывает общественно-политические условия их реценции в период 1863—1917 гг., равно как и неодинаковую степень языкового родства литератур. Этот недостаток конкретности, разумеется, не мог не отразиться на общем уровне исследования В. Стохеля, в общем-то весьма интересного и в какой-то мере новаторского.

В отношении конкретности освещения предмета выгодно отличается в рецензируемом сборнике статья А. Безвиньского «Хомяков в кругу польских проблем». В ней читатель найдет подробный и почти исчерпывающий анализ всех тех польских связей А. С. Хомякова, которые оказали существенное влияние на его мировоззрение и выработку его славянофильской концепции.

В заключение хотелось бы высказать пожелание, чтобы последующие выпуски этого издания, об общем научном значении которого нам уже приходилось писать⁶, не уступали бы предыдущим по своему составу.

И. К. Горский

⁵ См. З. Я. Тальвирская. Некоторые вопросы общественного движения в Литве и Белоруссии в конце 50-х — начале 60-х годов и подпольная литература. В кн. «Революционная Россия и революционная Польша». М., 1967, стр. 59.

⁶ См. «Советское славяноведение», 1976, № 1, стр. 105—107; 1977, № 2, стр. 88—90.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ в 1976—1977 гг.] (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Бабак В. А., Болотин Б. М. Социализм — ведущая сила мирового развития. В кн. Углубление общего кризиса капитализма. М., 1976.

Богомолов О. Т. Социалистическая система мирового хозяйства как категория политической экономии. Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1976, № 6.

Григорян М. А. Теория «конвергенции» и ее кризис. Обществ. науки. Политэкономия, вып. 1. Ереван, 1976.

Катушев К. XXV съезд КПСС: за дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества стран социализма. Обществ. науки, 1977, № 1.

Кемпный Й. Главные направления прогресса человечества. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1976, № 11.

Комунаров С. М. Науково-технічна революція і інтернаціоналізація суспільного життя країн соціалістичної співдружності. «Проблеми філософії», вып. 39, 1976.

Кредисов А., Задирака Л. Влияние социализма на мировое социально-экономическое развитие. Экономика Сов. Украины, 1976, № 10.

Кудров В. Экономическое соревнование социализма и капитализма на современном этапе. Мировая экономика и междунар. отношения, 1976, № 12.

Кудров В. Экономическое соревнование двух систем. Междунар. жизнь, 1976, № 12.

Мокшин В. К. XXV съезд КПСС о гармонической взаимосвязи национальных и интернациональных интересов стран — членов СЭВ. Вестн. Моск. ун-та. Теория науч. коммунизма, 1976, № 5.

Пугачев Б. Экономические и социальные проблемы социалистического образа жизни. Эконом. науки, 1976, № 11.

Романенко А. З. Антинаучная природа концепции буржуазных идеологов о сущности и принципах социализма. Уч. зап. кафедр обществ. наук вузов Ленинграда, вып. 9, 1976.

Страны СЭВ: убедительные итоги, вдохновляющие перспективы. «Коммунист», 1976, № 16.

Тимофеев Т. Новое и старое в антикоммунизме. «Коммунист», 1976, № 16.

Федосеев П. Теоретические проблемы развитого социализма и коммунистического строительства. «Коммунист», 1976, № 15.

Эбралдзе А. Е. Ленинский принцип мирового сосуществования двух систем. Труды Тбил. ун-та, 1975, № 169.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Добросельский М. Реализация решений общеевропейского совещания и политика ПНР. Междунар. жизнь, 1976, № 11.

Жилин Ю. Важный этап в развитии международного коммунистического движения. Парт. жизнь, 1976, № 22.

Журавлев В., Пономарев Н. Братский союз народов СССР и Польши. Междунар. жизнь, 1976, № 12.

Кулагин Ю. І. Критика антикоммунистичних перекручень національно-державних та інтернаціональних інтересів соціалістичних країн. Питання наук. комунізму, вып. 32, 1976.

Лукашевич Е. Социалистический интернационализм — основа сотрудничества стран социализма. Полит. самообразование, 1976, № 12.

Пастусьяк Л. Польско-американские отношения в 1945—1976 гг. «США — экономика, политика, идеология», 1976, № 11.

Сухарев В. В. Единство, дружба, сотрудничество. «Коммунист Украины». 1976, № 12.

Уланова Т. Укрепление единства и сотрудничества стран социалистического содружества. «Коммунист Татарии». 1976, № 11.

Усенко Е. Т., Ушаков Н. А. Принцип государственного суверенитета во взаимоотношениях социалистических стран. В кн. Вопросы международного права. М., 1976.

3. Экономика. Экономическое сотрудничество

Авдеичев Л. А., Зайцев И. Ф., Москальков С. П. Вопросы методики региональных экономических исследований интеграции СССР в системе стран СЭВ. В кн. Проблемы теории и практики размещения производительных сил СССР. М., 1976.

Аверкиев В. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области интенсификации сельскохозяйственного производства и сокращения потерь пищевого

сырья. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 5.

Аверкин А. Г. Сотрудничество стран — членов СЭВ. Сов. государство и право, 1976, № 11.

Алампиев П., Воробьев Е. Социалистическая экономическая интеграция и сближение уровней экономического развития социалистических стран. План. хоз-во, 1976, № 11.

Ачагу Г. М. Об особенностях завершающего этапа производственного кооперирования болгарского села (1956—1958 гг.). Научн. труды Кубан. ун-та, вып. 211, 1976.

Баганич А. А. Советско-чехословацкое сотрудничество в области машиностроения. В кн. Эконом. сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Бер К. Углубляется сотрудничество стран — членов СЭВ в разработке научно обоснованных способов применения и эффективного использования минеральных удобрений. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1976, № 5.

Беляева Н. М. Развитие торгово-экономических связей между Болгарией и Турцией после второй мировой войны. В кн. Ближний и Средний Восток (Экономика, история). М., 1976.

Беспозванных Л. Б. К вопросу о болгарской историографии аграрных преобразований 1944—1948 гг. Науч. труды Кубан. ун-та, вып. 211, 1976.

Быков А. Социалистическая интеграция: вопросы научно-технической политики. План. хоз-во, 1976, № 12.

Вакс А. Б. Критика буржуазных теорий управления научно-техническим прогрессом в странах СЭВ. В кн. Пути повышения эффективности общественного производства. Киров — Йошкар-Ола, 1976.

Валев Э. Б. Основные проблемы географии энергетической промышленности социалистических стран зарубежной Европы. В кн. Проблемы географии промышленности. М., 1975.

Василев Ц. Состояние и перспективы развития промышленного свиноводства в Болгарии. Междунар. с.-х. журн. М., 1976, № 6.

Ганичев И. А. Развитие строительства в Югославии. Эконом. стр-ва, 1976, № 11.

Гончаров С., Усынина Т., Афанасьева В. Консультативное совещание специалистов институтов плановых органов социалистических стран. План. хоз-во, 1976, № 11.

Данилов Е. А. Сотрудничество между Советом Экономической Взаимопомощи и Финляндской Республикой. В кн. Вопросы междунар. права. М., 1976.

Дворжак И. Основные направления реализации социалистического принципа распределения по труду. В кн. Социализм и народное благосостояние. М., 1976.

Дикун'ова А. М. Сотрудничество СФРЮ с развивающимися странами (Экономические отношения). В кн. Эконом. сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Дыблов С. Экономическое и научно-техническое сотрудничество НРБ с другими странами — членами СЭВ в свете решений XI съезда БКП. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 5.

Евтихийев М. Развитие внешней торговли СССР со странами СЭВ. Эконом. науки, 1976, № 11.

Жур Тадеуш В., Спивакowski А. О. Угольная промышленность ПНР и развитие конвейерного транспорта. «Уголь», 1976, № 11.

Зюлковски Р., Скотников Н. В соответствии с Комплексной программой. (Совместные стройки стран — членов СЭВ.) Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1976, № 4.

Иванов Н. Страны СЭВ на пути социалистической экономической интеграции (По страницам информационного бюллетеня Секретариата СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ), Внешн. торговля, 1976, № 12.

Ивчев К. Научно-техническое сотрудничество стран — членов СЭВ. Междунар. с.-х. журн. М., 1976, № 6.

Ильин В. И. Комплексная программа социалистической экономической интеграции и некоторые вопросы ее влияния на законодательство в области изобретательства. Вопр. изобретательства, 1976, № 11.

Кайда Р. Д. Робітничий клас народної Польщі в роки соціалістичної індустріалізації країни (1950—1955), вип. 22. «Питання нової і новітньої історії», 1976.

Калиш В. П. Межправительственные комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству СССР с другими социалистическими странами. В кн. Вопросы международного права. М., 1976.

Каменецкий В. Пятилетки социалистической Югославии. Междунар. жизнь, 1976, № 12.

Качир К. Разрабатывается автоматизированная система управления промышленностью Словакии. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1976, № 4.

Кишш А. Создание Общего классификатора промышленной и сельскохозяйственной продукции стран — членов СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1976, № 5.

Ковалевский Ю. Международная специализация и кооперация производства ПНР. В кн. Эконом. сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Колодзей Э. Сотрудничество ПНР в развитии пищевой промышленно-

сти стран — членов СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1976, № 5.

К р а ч к о в с ь к и й Б. П. Розвиток братніх зв'язків державних сільськогосподарських підприємств Української РСР та ПНР, НРБ, ЧССР (1966—1975 рр.), вип. 14. «Проблеми слов'язнознавства», 1976.

К р и в о х а т с ь к и й Н. М., Ш е р с т ю к І. М. Науково-технічний прогрес і розвиток загального економічного інтересу країн соціалістичної співдружності, вип. 39. «Проблеми філософії», 1976.

К р ы с т е в Г. Основные итоги сотрудничества стран — членов СЭВ в области сельскохозяйственной продукции за 1971—1975 гг. и пути его углубления. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 5.

К у б и ч е к Ф. Социально-экономическое развитие Польши в 1976—1980 гг. Вопр. эконом., 1976, № 12.

Л а д ы г и н Б., Р ы б а к о в О. XXV съезд КПСС и углубление социалистической экономической интеграции. Вопр. эконом., 1976, № 11.

Л а р ю х и н Г. Перспективы комплексной механизации лесного хозяйства стран — членов СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 5.

Л е б и н Д. Социалистическое международное разделение труда — важный фактор ускорения научно-технического прогресса. План. хоз-во, 1976, № 12.

Л о ш а к о в М., П о л и е н к о А. Внешняя торговля СССР с социалистическими странами Европы: итоги, перспективы. Внешн. торговля, 1976, № 12.

Л у ц е н к о М. Плодотворное сотрудничество в области животноводства. Междунар. с.-х. журн. М., 1976, № 6.

М а к р у ш е н к о В. А. Вопросы совершенствования управления экономическим сотрудничеством и социалистической экономической интеграцией стран — членов СЭВ. В кн. Эконом. сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

М а к с и м е н к о П. К. Производственная интеграция Польши со странами — членами СЭВ как фактор развития ее народного хозяйства. В кн. Эконом. сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

М е з и г о р а к Ф. «Агрострой Простейёв» развивает сотрудничество с предприятиями стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1976, № 5.

М е л к о н я н М. Сотрудничество стран СЭВ в производстве товаров народного потребления. Междунар. жизнь, 1976, № 12.

М и х л я е в А. Г. Комплексные программы в планировании стран СЭВ. Эконом. и организация пром. производства, 1976, № 5.

М о з е р о в В. Д., К о н а к о в Н. К. Две концепции по вопросу восстановления народного хозяйства Болгарии в 1944—1948 гг. В кн. Некоторые вопросы классовой борьбы в зарубежных странах. Саранск, 1976.

М о з е р о в В. Д. К вопросу о характере народно-демократической революции в Болгарии. В кн. Некоторые вопросы классовой борьбы в зарубежных странах. Саранск, 1976.

Н а з а р к и н К. И. Экономическое сотрудничество и социалистическая валютная система. «Деньги и кредит», 1976, № 12.

Н и к о л о в Н. Подготовка бухгалтерских кадров в Народной Республике Болгарии. «Бухгалтерский учет», 1976, № 11.

Об итогах семнадцатого заседания Совета Международного инвестиционного банка. «Деньги и кредит», 1976, № 12.

О в с ю к И. Ф. Торгово-экономическое сотрудничество Югославии с развивающимися странами. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1976, № 136.

О л ь ш е в с к а Е., Б о г о м о л о в Ф. НРБ. Аграрнопромышленные комплексы. Опыт специализации и концентрации в сельском хозяйстве. Эконом. газ. 1976, № 51.

О л ь ш е в с к и К. По пути Комплексной программы. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1976, № 4.

О с и п о в Г. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области охраны окружающей среды. «Слово лектора», 1976, № 11.

П а ш к о в а И. И., Г а в р и л о в Е. О. Особенности координации долгосрочных планов экономического развития стран — членов СЭВ. Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1976, № 6.

П е р е л ь м а н М. Г. Подрядные отношения в странах — членах СЭВ. Эконом. стр-ва, 1976, № 11.

П л о т н и к о в А. Роль товарно-денежных отношений в экономическом сотрудничестве социалистических стран. В кн. Эконом. сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

П о м а з а н о в С. И. Деятельность КПСС по углублению экономического сотрудничества между странами СЭВ на современном этапе. Вопр. истории КПСС, 1976, № 11.

П о п о в и ч С. Информация о современных тенденциях развития аграрно-промышленного комплекса и кооперации в Югославии. В кн. Формирование аграрно-промышленных комплексов социалистических стран и международное сотрудничество в аграрно-промышленной сфере, ч. 2. М., 1976.

П о р т я н н и к о в И., Р а х у т и н Н. Координация народнохозяйственных планов стран — членов СЭВ. План. хоз-во, 1976, № 11.

П р о к о п ь е в И. СЭВ и Финляндия. Эконом. газ., 1976, № 48.

Рунов Б. Сотрудничество СССР с другими странами — членами СЭВ в области сельского хозяйства и его перспективы. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1976, № 5.

Русев Г., Иванова Е. Проблемы промышленного скотоводства в Болгарии. Междунар. с.-х. журн. М., 1976, № 6.

Рыжов И. Консультативные встречи — важная форма сотрудничества между СЭВ и Финляндской Республикой в области статистики. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1976, № 4.

Сивальнев А. Г. Социально-экономические проблемы сплошной электрификации в условиях развитого социализма. В кн. Деятельность КПСС по осуществлению ленинского плана электрификации страны. Душанбе, 1976.

Синицын И. Развитие и углубление международного социалистического разделения труда в области тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 5.

Ситнин В. В. В Европейских странах СЭВ. Эконом. и организация пром. производства. Новосибирск, 1976, № 5.

Смоленский З. Новые формы кооперации в сельском хозяйстве. В кн. Формирование аграрно-промышленных комплексов социалистических стран и международное сотрудничество в аграрно-промышленной сфере, ч. 2. М., 1976.

Смолий В. А. Польский суспільно-політичний рух кінця XVIII ст. на Правобережній Україні, вш. 14. «Проблемы слов'язнознавства», 1976.

Стаменов С. Развитие сотрудничества стран — членов СЭВ в решении проблем орошаемого земледелия. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 5.

Стшелецки Р. Техническое сотрудничество Польши с развивающимися странами. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 4.

Текер Й. Комиссии национального страхования в ЧССР. Охрана труда и соц. страхование, 1976, № 11.

Торгово-экономическое сотрудничество СССР с социалистическими странами. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1976, № 151.

XXX заседание Сессии Совета Экономической Взаимопомощи. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1976, № 4.

Филимонова Н. А. К вопросу о содержании экономических отношений между странами с различным общественным строем. Вестн. Ленингр. ун-та, вып. 3. Эконом. Философ. Право. 1976, № 7.

Францева И. С. Проблемы экономического сотрудничества между социалистическими и капиталистическими странами Европы. В кн. Эконом. сотрудничество социалистических стран. М., 1976.

Хайду И. Развитие сельского хозяйства и пищевой промышленности стран — членов СЭВ в 1951—1975 гг. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 5.

Хейны Л. Хозяйственный расчет в международных экономических организациях социалистических стран. Вестн. Моск. ун-та. Эконом., 1976, № 6.

Христов В. Дальнейшее укрепление связи аграрной науки с производством в Болгарии. Междунар. с.-х. журн. М., 1976, № 6.

Цветанов Й. Сотрудничество стран — членов СЭВ в техническом перевооружении пищевой промышленности. Эконом. сотрудничество стран-членов СЭВ, 1976, № 5.

Цукра П. Сотрудничество стран — членов СЭВ в разработке эффективных методов нефтедобычи. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1976, № 4.

Числак В. Развитие орошаемого земледелия в Чехословакии. Междунар. с.-х. журн. М., 1976, № 6.

Шабалин А., Шуркалин А. Хозрасчетные отношения в экономическом сотрудничестве стран социализма. Эконом. науки, 1976, № 11.

Шарков Л. Сотрудничество стран — членов СЭВ в производстве минеральных удобрений. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1976, № 5.

Шелдер И. Особенности социалистического обобществления средств производства в ЧССР. В кн. Актуальные вопросы политической экономики на современном этапе. М., 1976.

Шинтяпин Ю. СЭВ: международная аграрно-промышленная интеграция. Междунар. с.-х. журн. М., 1976, № 6.

Шмелев Н. Экономические связи Восток — Запад. Вопр. эконом., 1976, № 12.

Щепаньский Ян. Потребление при социализме. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1976, № 11.

4. Партийная жизнь

Барыл Я. Авангард чехословацкого народа. Парт. жизнь, 1976, № 22.

Колесников С. И. Клемент Готвальд (К 80-летию со дня рождения). Вопр. истории КПСС, 1976, № 11.

Хланта О. В. До 80-річчя з дня народження К. Готвальда. Укр. іст. журн., 1976, № 11.

Штроугал Л. Заветы революционера-интернационалиста К. Готвальда. «Коммунист», 1976, № 17.

5. Государственное строительство. Право

Байер И. Социальная политика социалистического государства. В кн. Социализм и народное благосостояние. М., 1976.

Б а я к и В. Общее и особенное в правовом регулировании гражданством в европейских социалистических странах. Сов. гос-во и право, 1976, № 11.

Б л у м М. Вопросы применения иностранного уголовного закона национальными судами в законодательстве европейских социалистических государств. Учен. зап. Тарт. ун-та, вып. 391. Труды по правоведению, 1976, № 22.

Г а н а ч е к Й. Осуществление принципа свободы совести при социализме. (На материалах ЧССР.) Вопр. науч. атеизма, 1976, № 20.

Г р о с п и ч И., Ф а б и а н К. Социалистическая демократия и правотворчество. (На примере ЧССР.) В кн. Социализм и демократия. М., 1976.

Д о к о в Д., З а х а р о в В. Народное представительство в условиях социалистической демократии. (На примере НРБ.) В кн. Социализм и демократия. М., 1976.

С т р а ш у н Б. Торжество социалистической демократии. Междунар. жизнь, 1976, № 12.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Б а й ч и н с к и й К. Верный ориентир. Д. Благоев о Великой Октябрьской социалистической революции. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1976, № 11.

Б о ч к а р е в а С. И., В я з е м с к а я Е. К. Годовщина Апрельского восстания в Болгарии. «Новая и новейшая история», 1976, № 6.

Б е л я к е в и ч И. И. Петроградська група СДКПіЛ у дні ливневої політичної кризи 1917 року. «Проблемы слов'язнознавства», вип. 14, 1976.

В і к т о р А н д р і й о в и ч Ж е б о к р и ц ь к и й. «Проблемы слов'язнознавства», вип. 14, 1976.

В о л ь к о в и ч Л. Ю. Становище польского промислового пролетаріату в другій половині XIX ст., вип. 22. «Питання нової і новітньої історії», 1976.

В о л я н ю к М. М. Зв'язки партії «Пролетаріат» з робітничим рухом на західно-українських землях, вип. 14. «Проблемы слов'язнознавства», 1976.

И с т о м и н а Э. Г., К о р о л е в Г. И. Историко-географическая литература социалистических стран Европы. Вопр. истории, 1976, № 11.

К а і р о в С. Л. Політика Комуністичної партії Югославії у повстанні 1941 року. «Проблемы слов'язнознавства», вип. 14, 1976.

К а л е н и ч е н к о П. М., Н е р о д В. О. Зв'язки громадських організацій УРСР з робітниками і селянами буржуазно-поміщицької Польщі (1929—1933 рр.). Укр. іст. журн., 1976, № 10.

К а л у ж а А. Некоторые вопросы политического поведения пролетариата Домбровского каменноугольного бассейна в 1905—1907 гг. История Великого Октября и последующих соц. революций, 1976, № 9.

К р а п і в і н О. В. Болгарська історіографія антивоєнної діяльності БРСДП (тісних соціалістів) у роки першої світової війни. «Питання нової і новітньої історії», вип. 22, 1976.

К у р г у н ' я н Т. А. Савецка — чехословацькі дагавор 1935 г. і бяснепа Чэ-

хаславакїі. Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1976, № 5.

М а н а н ч и к о в а Н. П. Про вплив міста Дубровника на поземельні відносини в його сільській окорузі (XIII—XIV ст.), вип. 14. «Проблемы слов'язнознавства», 1976.

М а р и н о в а М. Болгарские марксисты и некоторые основные проблемы первой русской революции. История Великого Октября и последующих соц. революций, 1976, № 9.

М а р к о в Д. Исследования истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Обществ. науки, 1977, № 1.

М и л к о в а Ф. О некоторых реакционных чрезвычайных законах в период фашистской диктатуры (1924—1944). Вестн. Мѣк. ун-та. Право, 1976, № 5.

М и н ц И. История Великого Октября и последующих социалистических революций. Обществ. науки, 1977, № 1.

Н а р о ч н и ц к и й А. Л. Балканский кризис 1875—1878 гг. и великие державы. Вопр. истории, 1976, № 11.

Н е р о д В. О. Діяльність «Червоної допомоги» (польської секції МОДР'у) в 1929—1933 роках, вип. 22. «Питання нової і новітньої історії», 1976.

Н е р о д В. О. Участь польських політемігрантів у соціалістичному будівництві в Українській РСР (1929—1933 рр.), вип. 14. «Проблемы слов'язнознавства», 1976.

Н у д ь г а Г. «De Russorum Moscovitarum et Tartarorum...». «Жовтень», 1976, № 10.

П и г у л е в с к а я Н. В. Спирйская хроника VI в. в славянских племенах. В кн. Ближний Восток, Византия, славяне..., 1976.

П і р к о В. О. Ревізія 1711 р. на засянні—джерело вивчення соціально—економічних відносин на початку XVIII століття, вип. 14. «Проблемы слов'язнознавства», 1976.

С и д е л ь н и к о в С. И. Дослідження В. А. Жебокрицьким нової і новітньої історії Болгарії. «Питання нової і новітньої історії», вип. 22, 1976.

Слободян М. І. КПЗУ організатор боротьби трудящих Західної України на захист СРСР. Укр. іст. журн., 1976, № 10.

Фомин Ю. Ю. Становлення української громадськості до квітневого повстання 1876 р. в Болгарії. «Проблеми слов'язнознавства», 1976.

Черепанов А. И. Бурные годы в Болгарии (1944—1947 гг.). «Новая и новейшая история», 1976, № 6.

Чернявський Г. Й., Сохань П. С. Документи з історії Болгарії болгаро-радянської дружби в архівах України. «Проблеми слов'язнознавства», вип. 14, 1976.

Чорній В. П. Повстанський рух у Тирновському революційному окрузі в квітні—травні 1876 року. «Проблеми слов'язнознавства», вип. 14, 1976.

Чугайов В. П. У боротьбі за створення єдиного антифашистського фронту в Польщі. (До 40-річчя антифашистського конгресу правдників культури у Львові.), вип. 14. «Проблеми слов'язнознавства», 1976.

Чугунов А. Охрана тыла войск в операциях по освобождению стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Воен.-ист. журн., 1976, № 11.

2. Культура и наука

Архангельская В. А., Бурейченко И. И. Международное содействие центральных экономических библиотек социалистических стран. (Братислава, май 1976 г.). Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1976, № 6.

Атабаев М., Пустина В. Малоэтажные жилые дома (НРБ, ВНР, ПНР, ЧССР). «Архитектура СССР», 1976, № 12.

Баран В. Д., Довженок В. Й. Третій Міжнародний конгрес слов'янської археології в м. Братиславі. «Археологія», 1976, № 20.

Барьяктарович М. Об одной современной албанской семейной задруге в Югославии. Сов. этнография, 1976, № 6.

Богомолов О. Институт экономики мировой социалистической системы. Обществ. науки, 1977, № 1.

Васильева Л. И. Издания летней школы словацкого языка и литературы. Вест. Моск. ун-та. Филология, 1976, № 5.

Вендровская Р. Пятое заседание Международного совета экспертов социалистических стран по политтехническому образованию (Прага, июнь 1976 г.). Сов. педагогика, 1976, № 11.

Вильчински В. Некоторые замечания о русских переводах Владислава Сырокомли и его современников. Рус. лит-ра, 1976, № 4.

Володзько А. Двадцатипятилетие Варшавской русистики. Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., т. 35, вып. 6, 1976.

Георгиева Д. Димитр Благоев о познани. Научн. докл. вып. школы. Филос. науки, 1976, № 6.

Георгиева Е. Плодотворное сотрудничество вузов НРБ и СССР. «Библиотечкарь», 1976, № 12.

Гілевіч Н. Тры етюды пра балгарскіх паэтаў. «Польмя», 1976, № 11.

Голенкова З. Т. Исследование общественного мнения и средств массовой информации в Югославии. В кн. Социологические проблемы общественного мнения и деятельности средств массовой информации. М., 1976.

Голенкова З. Т. Укрепление сотрудничества социологов социалистических стран. Социол. исследования, 1976, № 4.

Голубцова Е. Общество античников «Эйрене». Обществ. науки, 1977, № 1.

Данчев Г. Списки «Молитвы к Богородице» Дмитрия Кантакузина в книгохранилище СССР. В кн. Институт русской литературы. Ленинград. Отдел древнерусской литературы. Труды... Вып. 31. «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Л., 1976.

Деятельность научно-исследовательских центров социалистических стран. «Развивающиеся страны: экономика и политика», 1976, № 1.

Дудзинская Е. А. Сотрудничество историков социалистических стран (1945—1975 гг.). «История СССР», 1976, № 6.

Еремин Ю. Совместные межиздательские серии издательств социалистических стран. Обществ. науки, 1977, № 1.

Желязков Л. Эффективное сотрудничество микробиологов стран — членов СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 5.

Зіневич Г. П. XIII Антропологичний конгрес у м. Брно. «Археологія», 1976, № 20.

Зыков Э. Г. Заметки о русско-болгарских литературных связях старшей поры (X—XI вв.). В кн. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. 1. Л., 1976.

Илларионова Н. Ф. История и современное состояние текущей словацкой национальной библиографии. В кн. Библиотечное дело и библиография за рубежом, вып. 58. М., 1976.

Инькова Л. Семинар в Праге об организации научных исследований в области библиотечного дела и библиографии (5—8 апр. 1976). Сов. библиотечное дело, 1976, № 5.

Калоева И. Библиографическая информация о странах социализма. Обществ. науки, 1977, № 1.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«*Език и литература*», 1976, № 5

№ 5

И. Леков. Славянская филология как интеграция наук достойного прошлого и уверенного будущего; Д. Ли х а ч е в. Стиль тырновской литературной школы и ее значение для развития древнерусской литературы; З. Х л е б а р о в а - Н е н о в а. Отношение Яворова к форме поэтического произведения; В. З а х а р ж е в с к а я. Революционные традиции в современной болгарской поэзии.

«*Zeitschrift für Slawistik*», 1976, № 3

А. Н. Р о б и н с о н. «Слово о полку Игореве» и средневековый героический эпос; В. И. С т е л л е ц к и й. К вопросу о древнерусском стихосложении в письменности XII—XIII вв.; П. Н. Б е р к о в. «Русская тема» в средне-верхненемецкой литературе; Ю. К. Б е г у н о в. Александр Невский в псковской литературе XV—XVI вв.; Д. Ф р е й д а н к. А. М. Курбский и эпистолография его времени; А. Л. Г о л ь д б е р г. Восприятие государственно-политических идей Московской Руси в западноевропейской письменности XVI—XVII вв.; Г. Г р а с с х о ф ф. Действительность и социальные перемены в Житии протопопа Аввакума; Д. Ф р е й д а н к. Изборник 1076 г. и *Aporhtegmata patrum*; Е. С л и з и н с к и. Ян III Собески в немецкой литературе барокко; Х. П о р т. Ватрослав Ягич и славистика в Берлине; Г. Х. Б и л ь ф и л ь д т. Значение полабск. *klaiβ*.

№ 4

В. А. Т ю р и н. Предисловие; Г. Ц и г е н г е й с т. Славянские культуры в истории европейской культуры XVIII—XX вв.; Э. Н и д е р х а у з е р. Славянское Просвещение — восточноевропейское Просвещение; Ю. В. М а н н. Проблема конфликта в структурном анализе русского романтизма; Д. Д ю р и ш и н. Теоретико-методологические проблемы сравнительного изучения славянского романтизма; Р. Р о з е н б е р г. Марксистская теория литературы и компаративистики; Г. М. Ф р и д л е н д е р. Русский реалистический роман XIX в. в контексте общеевропейской литературного развития; М. В е г н е р. Развитие европейского романа в XX в. и Ф. М. Достоевский; Т. Л. М о т ы л е в а. Проблематика переводов «Войны и мира» Л. Н. Толстого на иностранные языки; Х. М а р к е в и ч. Литература польского позитивизма в национальном и европейском свете; С. Ш м а т л а к. Словацкая и чешская пролетарская поэзия; Н. Т у н. Защита и союз.

М. Е н и х е н. Предисловие к исследованиям по богемистике и словакистике; Р. Р з о у н е к. Формирование антифашистской чешской литературы в середине 30-х годов и ее значение для дальнейшего литературного развития; М. Е н и х е н. Литература как свидетельство и оружие; Ф. Б у р и а н е к. Антифашистская чешская литература, ее характер и перспективы; И. З е е х а з е. Традиция в развитии чешского социалистического романа; Я. Н е е д л а. Влияние пролетарской поэзии 20-х годов на современную чешскую поэзию; Я. Ш т е в ч е к. Мировоззрение и самоанализ в словацкой пролетарской поэзии; А. Г л а д р о в. Публицистика Новомеского в антифашистской борьбе; Я. Б р е з и н а. Поэзия Франё Краля и ее место в развитии словацкой социалистической литературы; Г. Е г е р. Предисловие к исследованиям по полонистике; В. Н а в р о ц к и. Литературные связи ПНР и ГДР; И. К у н к е. Польская литература в ГДР; Е. Ц ы б е н к о. Об изучении польской литературы в СССР; М. Ш и м ч а к. Ян Бодуэн де Куртэнэ и немецкая славистика; В. К у л и ш е в с к и. Деятельность польских филологов в Лейпцигском университете; О. М а л л е к. Развитие полонистики в Лейпцигском университете с 1918 г.; Э. М е р и а н. Значение Общества Яблоновского в Лейпциге для славистических исследований в старой Германии; Я. К у л ь ч и ц к а - С а л ь н и. Сотрудничество «*Poloniscum*» Варшавского университета с вузами ГДР в области изучения полонистики; Ф. К р а у з е. О формировании польского фонда в Государственной библиотеке в Берлине.

«*Ceskoslovenský časopis historický*», 1977, № 1

Ю. К р и ж е к. Двадцать пять лет Чехословацкого исторического журнала; З. С н и т и л. К некоторым вопросам истории строительства развитого социалистического общества в Чехословакии в свете XV съезда КПЧ; Ф. Ш р о м. Деревенская беднота в социально-политической структуре доколхозной деревни; Я. Г у ч к о. Франтишек Палацки и Словакия; П. Б е л и н а. К началу статистических исследований в Чешских землях; Й. Я н а ч е к. Ичин во время Валенштейна.

«*Slovenská literatura*», 1976, № 6

З. Р а м п а к. Ведущая проблематика творчества Ивана Буковчана; Я. З а м б о р. Иван Краско и Антонин Сова; З. В а л ь к о в а. Рифма поэмы Маяковского «Облако в штанах» в словацком переводе Л. Фелдека; Л. Р и х т е р. Эпическая структура и революционная практика.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В БАУЦЕНЕ

16—17 февраля 1977 г. в городе Бауцене (ГДР) состоялась научная конференция по проблеме «История славянских народов в марксистско-ленинском освещении. Буржуазные и социалистические революции в Восточной Европе», организованная Комиссией по истории славянских народов Общества историков Германской Демократической Республики.

В конференции приняли участие историки-слависты ГДР, СССР, Польской Народной Республики и Социалистической Республики Румынии.

Конференция проходила в политическом и культурном центре лужицких сербов в ГДР. В Бауцене находятся резиденция союзного правления Домовины, национальной социалистической организации лужицких сербов в ГДР, Лужицкий научно-исследовательский институт, Музей лужицкой письменности. Работа конференции, как подчеркнул в своей приветственной речи вице-президент Общества историков ГДР Г. Лане, является вкладом историков-славистов в дело достойной встречи 60-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В условиях, когда буржуазными идеологами и историками предпринимаются попытки преуменьшить или вовсе отрицать всемирно-историческое значение Октябрьской революции, правильное марксистское освещение истории славянских народов является задачей большой важности.

В. Кюттлер (Берлин) в докладе «История Восточной Европы в научных концепциях Маркса, Энгельса и Ленина» подчеркнул, что обращение классиков марксизма к истории России имеет большое методологическое значение для марксистской революционной теории. Соотношение общего и специфического в поступательном развитии общества является важной, ведущей проблемой. Из анализа истории России Маркс, Энгельс и Ленин не только сделали основополагающие выводы для русского рабочего движения, но и выдвинули ряд общих историко-теоретических положений, имеющих значение и для исследования мирового исторического процесса.

У. Леман (Берлин) в докладе «Гердер и славяне» осветил прогрессивные черты в концепциях просветителей и выдающихся поборников германо-славянской

дружбы и подчеркнул, что с именем Гердера связан важный этап в развитии немецкого славяноведения. Он отметил, что идеи Гердера имели существенное значение для развития национальной историографии, языкознания и фольклористики у славянских народов. Они оказали благотворное воздействие на развитие немецкого славяноведения, и в частности на создание кафедр в германских университетах. У. Леман защищал Гердера от нападок со стороны буржуазных исследователей в ФРГ.

Третий доклад был посвящен непосредственно проблеме Великой Октябрьской социалистической революции. Докладчик Г. Фойт (Берлин) рассказал об освещении истории Октябрьской революции в ФРГ, в частности говорил о преемственности как о новой концепции. В оценке Октябрьской революции в историографии ФРГ можно различить три этапа: до середины 60-х годов — пропаганда примитивных вариантов западноевропейских теорий и тоталитаристских доктрин, связанных с холодной войной; вторая половина 60-х годов — внедрение этих теорий в историческую науку, социологию (для всего периода 60-х годов характерно протаскивание теории единого индустриального общества); с начала 70-х годов — внимание к проблемам социологии революции. Он указал на то, что примитивная фальсификация Октябрьской революции все больше отодвигается на задний план модернистскими концепциями, наподобие заимствованных из США теорий «модернизирования». Для работ буржуазных историков об Октябрьской революции, появившихся в последние годы, характерна методологическая беспомощность.

Четвертый доклад, с которым выступил Э. Кальбе (Лейпциг), был посвящен сравнительному изучению Октябрьской революции и народно-демократических революций. Докладчик отметил, что историки ГДР только еще приступили к сравнительным исследованиям социалистических революций, в то время как у историков других стран, особенно в работах советских ученых, эта проблема в значительной мере освещена. По вопросу о характере народно-демократических революций еще продолжают существовать различные точки зрения. Историки-марксисты

ты единодушны в том, что народно-демократические революции принадлежат к типу социалистических революций. При сравнительном изучении Октябрьской революции и народно-демократической революции необходимо различать социальный и политический аспекты. В заключение Э. Кальбе назвал ряд узловых проблем, которые должны быть в центре внимания при таком сравнительном изучении.

В развернувшейся дискуссии по докладом выступили 30 участников конференции. С. Вегнер-Корфес (Берлин) рассказал о выводах, к каким пришла Роза Люксембург в результате анализа социально-экономических отношений в царской России. Г. Т. Краузе (Галле) говорил о заслугах Франца Меринга в исследовании истории Польши, о защите им интересов польского народа в борьбе против прусского угнетения. Л.-Д. Берендт (Лейпциг) положительно оценил работы М. Н. Покровского, посвященные истории Великой Октябрьской социалистической революции, отметил его деятельность по подготовке различных публикаций и инициативу издания коллективных трудов и документальных источников. Г. Кестнер (Лейпциг) рассказал об исследовании советскими историками проблемы социалистической индустриализации. Г. Розенфельд и Ю. Петерсдорф (Берлин) сделали обзор новейших советских работ по истории Октябрьской революции.

На конференции были заслушаны интересные сообщения. Чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков (Москва) говорил об исторических аспектах советского образа жизни. При этом он отметил, что проблема советского образа жизни пока еще не привлекла должного внимания историков. Ю. А. Поляков остановился на этапах формирования советского образа жизни и его основных чертах. Т. Цесляк (Варшава) посвятил свое выступление выяснению роли кашубов и их организаций в конце XIX — начале XX в. Д. Бериндей (Бухарест) — буржуазной революции 1848 г. в Румынии, охарактеризовал ее цели и место в общеевропейском революционном процессе.

Пять выступлений было посвящено проблеме лужицких сербов. Я. Шолта (Бауцен) рассказал о вышедшей в ГДР «Истории лужицких сербов», а также о преодолении мелкобуржуазных взглядов на историю лужицких сербов после 1945 г. В. Цейль (Берлин) остановился на значении исследований исторического прошлого лужицких сербов для развития культуры и науки лужичан. М. Каспер (Бауцен) — на вопросе о взаимоотношениях между поляками и лужицкими сербами в период между двумя мировыми войнами. О новых тенденциях в работах по истории лужицких сербов, вышедших в ФРГ, говорил в своем выступлении М. Тиeman (Бауцен). К. Шиллер (Бауцен) рассказал

об осуществлении принципов ленинской национальной политики в ГДР, об обеспечении равноправия лужицких сербов.

Г. Порт (Берлин) подчеркнул значение Конрада Готтлоба фон Антонаса как основоположника славистики в Германии. Г. Ярош (Берлин) посвятил свое выступление деятельности чешской писательницы Божены Немцовой. Выступления П. Гофмана (Берлин) и К. Грац (Берлин), тесно связанные между собой по своей тематике, были посвящены вопросу об изучении России в Германии в XVI—XVIII вв. Выступавшие выделили четыре фазы в развитии исследований о России. Ими же был сделан обзор германской историографии по истории России XIX в. О радикальных обществах в Восточной Европе в 1789 г. говорил Г. Мюльнфорд (Галле).

По вопросам, затронутым в докладе Г. Фойгта, выступили четыре участника конференции. Г. Батовский (Краков) указал на необходимость разоблачения фальсификаций по истории Восточной Европы буржуазных историков, подвигающихся в многочисленных институтах, обществах и журналах в Западной Европе. Ю. И. Игрицкий (Москва) полемизировал, опираясь на конкретные факты, с теми авторами из США, Англии и ФРГ, в работах которых фальсифицируется история Октябрьской революции. Ю. Кулес (Лейпциг) и Г. Шнейдер (Дрезден) подвергли критическому анализу воззрения историков ФРГ — Имануэля Гейсса и Эугена Лемберга.

Большой интерес вызвали выступления по докладу Э. Кальбе, посвященные проблеме сравнительного исследования Октябрьской революции и народно-демократических революций. И. И. Костюшко (Москва) указал на отличие международной обстановки в 1917 г., от той, которая сложилась в момент возникновения народно-демократических государств — в условиях второго этапа общего кризиса капитализма, а также на различие государственной власти — Советов и строя народной демократии. Он подчеркнул, что при анализе народно-демократической революции следует принимать во внимание сложившиеся в разных странах специфические предпосылки.

Г. Фукс (Лейпциг) затронул вопрос о государственной власти и об установлении диктатуры пролетариата в странах народной демократии. Э. Зеебер (Берлин) коснулся вопроса о типологии народно-демократических революций, Д. Лётцш (Берлин) — об оценке развития событий в Болгарии. А. Тиншмидт (Берлин) сообщил о результатах новых исследований румынских и венгерских историков по данной проблематике. Б. Геннер (Лейпциг) остановился на системе договорных союзных отношений в рамках содружества социалистических государств. При этом он указал на то, что в период 1943—

1949 гг. эти государства были связаны между собой 23 договорами о дружбе и взаимной помощи. К.-Г. Крефе (Дрезден) подчеркнул большую роль общественных организаций в ГДР (профсоюзы, Общество германо-советской дружбы и Общество германо-польской дружбы) в развитии и укреплении отношений дружбы между ГДР и СССР, между ГДР и народной Польшей.

С заключительной речью выступил Э. Доннерт (Галле), который дал высокую оценку работе конференции и ее результатам, подчеркнул ее интернациональный характер. Он сообщил, что следующая, четвертая, конференция состоится в 1979 г. и будет посвящена проблеме историографии.

Ганс-Томас Краузе

V МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО «ОБЩЕКАРПАТСКОМУ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМУ АТЛАСУ»

С 17 по 21 ноября 1976 г. в Кракове — Могилянах состоялась конференция по «Общекарпатскому диалектологическому атласу». Эта конференция была созвана в соответствии с решением IV Международной конференции по ОКДА по инициативе Ягеллонского университета и Польской академии наук. Она ставила своей целью обсуждение национальных индексов вопросника и проекта общего вопросника ОКДА, окончательное установление сетки пунктов будущего атласа, согласование числа населенных пунктов на каждой языковой территории, а также обсуждение некоторых методических и технических вопросов.

В работе конференции приняли участие представители всех национальных коллективов, участвующих в работе над ОКДА: Болгарии (проф. М. Младенов), Польши (проф. А. Заремба), ГДР (проф. К. Гутшмидт), Чехословакии (проф. А. Вашек, проф. П. Ондрус и Ю. Кришпакова), СССР (сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР во главе с проф. С. Б. Бернштейном и проф. Ужгородского университета П. Н. Лизанец). Впервые в работе конференции по ОКДА принял участие представитель Югославии проф. Д. Петрович.

Торжественное открытие конференции состоялось в Актовом зале Ягеллонского университета. Со вступительным словом к собравшимся обратился проф. А. Заремба. Он охарактеризовал задачи, стоящие перед участниками конференции и огласил программу пленарного заседания.

Конференцию открыл ректор университета проф. М. Карась, который приветствовал представителей международной славистической науки в стенах одного из старейших университетов Европы и пожелал успешной работы участникам этого большого важного мероприятия.

С. Б. Бернштейн в докладе «Теоретические и технические аспекты ОКДА» указал, что вышедший в Москве в 1967 г. «Карпатский диалектологический атлас» проиллюстрировал, что общего между юго-западными говорами украинского

языка и южнославянскими языками. Материалы КДА, однако, показали, что изоглоссы идут не только на юг, на Балканы, но и на север — через Полесье на Псковщину, а также на Кашубы. Новый атлас должен выявить инвентарь карпатизмов, исследовать их во всех аспектах, что поможет вскрыть генезис карпатских говоров и даст новый материал для решения вопроса об этногенезе славян. Завершается первый этап работы — создание общего вопросника-программы, который должен помочь раскрыть многообразие семантики говоров карпатского региона, их словообразовательные особенности. Сбор материала по такому вопроснику позволит сделать много семантических карт, что будет новым шагом в разработке теории лингвогеографии. Летом 1977 г. по единому вопроснику предстоит провести пробное обследование одного-двух пунктов на каждой языковой территории, а осенью 1977 г. на очередной встрече в Москве утвердить окончательный вопросник. Проф. П. Ондрус в своем докладе остановился на том, как важно при установлении сетки пунктов для обследования учитывать этнографический и исторический аспекты, так как материальная и духовная культура народа на разных этапах своего исторического развития подвергается влиянию извне, что отражается в языке, например взаимодействие и взаимовлияние исконно словацкого пастушества и пастушеской колонизации, пришедшей с Балкан. [Проф. А. Вашек в докладе «Билингвизм, диглоссия и языковые контакты в Карпатах» говорил о билингвизме и диглоссии как о релевантных понятиях и о том, как их можно использовать при изучении языковых контактов на Карпатах, проиллюстрировав это языковой ситуацией, возникшей на чешской карпатской территории. Он подчеркнул необходимость дифференцированного подхода к объяснению карпатизмов — гомогенных на современном уровне, но гетерогенных с исторической точки зрения. Проф. П. Н. Лизанец рассказал о работе над общекарпатским вопросником-программой, о принципах его построения.

Доклад проф. К. Гутшмидта «Опыт типологии карпатоукраинско-южнославянских лексических параллелей» был посвящен анализу конкретного материала, который показал, что при составлении вопросника ОКДА надо учитывать распространение уже известных карпатизмов, их семантику, а также названия типичных для Карпат реалий. Проф. М. Младенов посвятил свой доклад проблеме отбора материала для болгарского варианта вопросника. Для этого была проведена конфронтация всех индексов — украинского, молдавского, словацкого, польского — и сопоставление этих индексов с болгарским диалектным материалом. Проф. А. Заремба в докладе «Методологические предпосылки ОКДА» подчеркнул необходимость четкого определения предмета исследования, ограничения материала вопросами, касающимися только лексик и семантики, так как вопросник, по мнению докладчика, не должен содержать больше 800—1000 вопросов. При окончательной редакции общекарпатского вопросника нужно будет привлечь этнографов.

В дискуссии приняли участие известные польские диалектологи, присутствовавшие на конференции — П. Зволинский, Ф. Славский, М. Шимчак, Е. Павловский, М. Куцала, С. Урбанчик, М. Морозова, а также представители этнографической науки (М. Гладыш и др.). Все выступавшие касались как теоретических проблем карпатистики — общих и частных, так и научно-организационных и технических вопросов создания лингвистического атласа карпатской зоны (структура и объем вопросника, формулировка вопросов и их количество, принцип выбора населенных пунктов для исследования, определение их числа и распределение на данной территории и т. п.).

Рабочие заседания происходили уже в Могилянах — небольшом городке близ Кракова. Остальное время участники конференции посвятили обсуждению польского, моравского (чешского) и словацкого индексов слов, подготовленных проф. А. Зарембой и его коллегами, проф. А. Вашеком и проф. П. Ондрусом. Материалы этих списков помогут обогатить и прокорректировать проект обще-

го вопросника-программы, подготовленный советской стороной (Институт общественных наук АН УССР, Ужгородский университет, Институт славяноведения и балканистики АН СССР). В результате всестороннего изучения представленных индексов приняты развернутые решения. В частности, участники пришли к соглашению, что все национальные коллективы должны прислать свои замечания по советскому проекту вопросника ОКДА. После окончательной доработки проекта в СССР он должен быть разослан во все страны, принимающие участие в создании атласа, с тем чтобы по этому вопроснику уже летом 1977 г. можно было собрать диалектологический материал в одном-двух населенных пунктах на территории каждого языка карпатского региона, а также на южнославянской территории. Подведение итогов пробных экспедиций и окончательное утверждение вопросника ОКДА намечено провести на VI Международной конференции, которую предполагается организовать осенью 1977 г. в Москве.

Далее был детально обсужден еще один важный вопрос — об общекарпатской сетке пунктов, согласовано число пунктов на каждой языковой территории, что составило в сумме 165 (без Югославии). Были решены некоторые технические вопросы — о записи собираемого диалектного материала, о формате карточек, о создании картотеки ОКДА, о копировании всех материалов и о взаимном обмене ими между всеми национальными коллективами.

Участники конференции отметили большую работу по организации конференции, проделанную проф. А. Зарембой, и выразили глубокую признательность ректорату, деканату и директору Института славянской филологии Ягеллонского университета, руководству Института польского языка и Комитету языкознания ПАН.

Предполагается, что Польская академия наук и Ягеллонский университет издадут материалы конференции.

В. Усачева

CONTENTS

To the 60-th Anniversary of the Great October socialist Revolution. *Sumarokova M. M.* The preparation of the Communist Party of Yugoslavia to the VII-th Congress of Comintern and participation of its delegation on the proceedings of the Congress. *Reshetnikova O. N.* The forgery of the history of Bulgarian Patriotic Front 1942—1944 in the bourgeois English and American historiography. *Bochkareva S. I.* The Russian-Serbian relations in the beginning of the East crisis of 1870-ies. *Begunov Yu. K.* «Torture of Ioann the New» by Gregory Tsamblak in the manuscript of the first third of the XV-th century from N. P. Likhachev's collection. *Zakharov V. V.* To the history of emphytevisis in Dalmatia XIII—XIV centuries. *Logachev K. I.* The Russian and Soviet Cyril-Methody textual criticism in the 1910-ies — 1920-ies (On the history of home Slavic studies). *Solovjeva A.* A series of stories in the Czech and Russian literature of the XIX-th century. *Moloshnaja T. N.* On the new adjective word-combinations in the contemporary slavonic languages 3

PEOPLE, EVENTS, FACTS

Koroljuk V. D. The Czech painter Vaclav Fiala 98

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

Chernjavskii G. I. R. P. Grishina. The origins of fascism in Bulgaria. 1919—1925. *Zjuzjukina T.* Димитрије Туцовић. Преписка. *Pashajeva N. M.* A. S. Myl'nikov. Vznik narodné osvícenské ideologie v českých zemích 18. století. |Prameny národního obrození. *Jastrebitskaia A.* Видукинд Корвейский. Деяния саксов. *Gorskii I. K.* Studia polono-slavica-orientalia. 107

B i b l i o g r a p h y

The main articles and materials on the present state, history, culture, and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1976 (continued). The contents of foreign periodicals 117

SCIENTIFIC LIFE

Krause G.-T. (GDR). The scientific conference in Bauzen. *Usacheva V.* The Fifth International Conference on «The All-Carpathian Dialectological Atlas» 124

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11/IV-1977 г. Т-10235 Подписано к печати 13/VI-1977 г. Тираж 1220 экз.
Зак. 2085 Формат бумаги 70×108^{1/16} Усл. печ. л. 11,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. л. 12,9

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891